

Александр Матвеев

ОСЕННИЕ ПТИЦЫ

Стихотворения и рассказы

Москва
2022

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6
М 33

Матвеев А.И.

М 33 Осенние птицы: стихотворения и рассказы / Александр Матвеев. – М. : Издательство «У Никитских ворот», 2022. – 328 с.

ISBN 978-5-00170-

Александр Матвеев, капитан дальнего плавания, исколесивший весь мир, – предельно русский писатель. В его стихотворениях и прозе – частая ностальгия по малой родине и удивительно тонкое понимание Родины большой – такой разной, противоречивой, не очень счастливой, но всё-таки любимой и незаменимой.

В поэзии Александр Матвеев не замыкается на чём-то одном, то погружая читателя в тяжёлый исповедальный разговор, то увлекая вслед за героем – балагуром и весельчаком, которому «нипочём любые тяготы».

Герои его рассказов, будь то по-булгаковски мистическая девушка, птицей выпорхнувшая в окно, или самый настоящий, умудрённый тяготами жизни генерал, или невинный доверчивый ребёнок, – всё это мы с вами. Такие разные, но с одинаковыми вопросами, разрешить которые всегда помогала литература. И в этом смысле книга Александра Матвеева – настоящий маяк в пучине нашего времени.

16+

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00170-

© Матвеев А.И., 2022
© Оформление. Издательство
«У Никитских ворот», 2022

Правда чувств

Соединять прозу и стихотворения под одной обложкой – всегда риск. Но Александр Матвеев писатель зрелый, с врождённым чувством литературной органики. И поэтому книга «Осенние птицы» получилась цельной и гармоничной.

*Последний лучик догорает
В небесной выси пепельной,
Последний ржавый лист слетает
С осины нежно-трепетной.*

*И я уже как лист тот ржавый –
Помилуй мя, Господь наш правый.*

Автор – человек зрелый. И эта зрелость даёт его стихотворным опусам благородную мудрость. Он часто обращается к пережитому. Вспоминает, восторгается, анализирует. Это великолепное чувство удавшейся жизни, когда есть что вспомнить.

*Два великих слова:
«Рождество Христово», –
В сердце детском радость,
На столе кутья,
В хате нашей благодать,
Вся семья и я.*

Ценностная основа его творчества – это мир, любовь, не затёртая, светлая патриархальность. Его строки, если сравнивать с музыкой, похожи на жанр «листки из альбома», лирические мгновения, обрамлённые философской неспешностью, впечатляют и проникают прямо в сердце.

Книга объёмная, поначалу, знакомясь со стихами, ощущаешь сильное влияние теософских идей, не страстность, а смирение становится константой поэтического мировоззрения Александра Матвеева. Лирический герой как будто чуть спрятан за своей наблюдательностью. Он виден нам только на фоне философствования, на фоне сердца горестных и не очень горестных замет. Частые обращения к Богу придают тексту надмирность.

Дальше понимаешь, что автор не скрывает свою корневую связь с традиционной русской поэзией. Для него совершенно не чужды нелирические наблюдения, он не бежит социальности, ярких портретов, не только красота его интересует, но и родство как обратная сторона красоты.

*Ну а ты, голуба в шубе крашеной,
У тебя свой ум, своя игра,
Пухлы губы, ярко напомажены –
От самой себя куда ушла?
Что сегодня ты опять затеяла,
И зачем ты здесь, на мостовой?
Взгляд больной, худые пальцы веером, –
Кто избранник в этот вечер твой?*

Тут есть что-то некрасовское, тут больше сочувствия, нежели осуждения.

Никто не чувствует русскую природу так своеобразно, как Матвеев. Он видит в ней то, чего другие не замечают. Мир для него это не только традиционные измерения. Поэтическое измерение – его точка отсчёта. Где же его рубикон? Там, где лирический накал неумолим. Постепенно, от стихотворения к стихотворению, мы ощущаем эту неумолимость

*Она не пела, а колола,
Дрова колола колуном,
Виола, буйная Виола
По жизни мчалась напролом.*

*Слова-поленья в печь бросала,
Бросала в печь судьбы лихой.
Любовь горела и сгорала,
Сжигать любовь ей не впервой.*

Матвеев не поддаётся на соблазн эксперимента, его техника не бросается в глаза, она построена не на ранжире и точности, а на всецелом отсутствии фальши, невозможности её, невосполнимости её никакой виртуозностью. Правда сердца, правда чувства, правда, если угодно, фантазии, вот что интересует автора этой книги.

В этих своих стремлениях автор не ограничивает себя. Спектр его эмоций – да, основанный на лирике, но всё же ищущий, расширяющий границы тона, интонации, меняющий угол зрения. Его метафорические философские обобщения иногда попадают прямо в яблочко. И если образный ряд кажется чересчур прямым, то это только на первый взгляд, в нём тонна подтекста вторых планов и поводов долго над ним потом размышлять

*Волчья стая – сила грозна,
У волков инстинкты правят;
У людской толпы безмозглой
Нет закона, нет и правил.
Рушит жизнь толпа слепая
И себя в ней не жалеет;
То ли дело волчья стая –
От азарта не дуреет.
Здравы, трезвы, хладнокровны
И разумны звери-волки;
Люди вечно неумны,
Тратят жизнь свою без толку.*

*Восхищает волчья стая,
Огорчает жизнь людская.*

Иные поэтические наблюдения таят в себе поразительную, почти детскую наивность. А ведь это прекрасное свойство: в любой момент уметь посмотреть на мир глазами ребёнка:

*Ворона каркнула три раза,
Так, словно каркать птице лень.
Вставай, Мареев, ты обязан –
Встречай весенний ясный день.*

Что сказать о прозе Матвеева?

Она, бесспорно, автобиографична, но в ней иногда поразительные детали даже важнее, чем собственно перипетии судеб. Матвеев умеет описывать подробно, но без навязчивости, его герои самобытны, с яркими речевыми характеристиками. Его диалоги насыщены, в них нет ничего лишнего. Проза его объёмна, это проза опытного человека, знающего цену эмоциям. Рассказ не преобладает над показом, монологи его упоительны, в них ни капли искусственности. Вот образец его письма:

«– Вот так я оказался уроженцем города Ленинград, хотя там только на свет появился и дней пять в роддоме с мамкой находился. Потом рос на заставе. А на Урал наша семья вернулась, когда после известного хрущёвского сокращения армии отца комиссовали, – Сергей Александрович посмотрел на Бориса, отвечая на его ранний вопрос. – На Урале отец своими руками построил дом небольшой, посредине стояла русская печка, а вокруг – лавки да полати. Вот так и жили там – в тесноте, да не в обиде. Мы, детвора, спали на лавках, а отец с матерью – на полатах, только занавеской отделялись, так что всё, что там происходило по ночам, мы порой слышали. Отец работал, мать – дома по хозяйству, а я, самый младший, до школы от матери не отходил ни на шаг, чуть какая опасность – я в складках огромной юбки прятался».

Если кто думает, что сказовая манера больше не актуальна, пусть почитает прозу Матвеева и убедится, что не прав.

Максим Замшев

СТИХОТВОРЕНИЯ

Под благими
небесами...

ДЕТСКОЕ

Два великих слова:
«Рождество Христово», –
Сельский, тихий вечер...
На столе кутья,
Восковые свечи,
Вся семья и я.

В небе тёмном звезда
Песней жизни горит...
«Коляда, коляда...»
Под окошком звучит:
«Государь-хозяин,
Наш слуга и барин,
Двери отворяй
И гостей встречай
У порога.
Славьте, славьте,
Сына Бога».

Два великих слова:
«Рождество Христово», –
В сердце детском радость,
На столе кутья,
В хате нашей благодать,
Вся семья и я.

СОКРОВЕННОЕ

*Бог есть любовь, и пребывающий в любви
пребывает в Боге, и Бог в нём.*

1-е послание Иоанна, 4:16

Я долго шёл в кромешной темноте,
Не знал, куда мой путь ведёт,
Грешил, молился, клялся на кресте,
Потуги были все не в счёт.
Вдали узрели Свет глаза мои,
Иду на тот далёкий Свет.
Зачатки малые святой любви
Познал сейчас, на склоне лет.

Пытаюсь Свет я в сердце сохранить,
В согласии с собой пытаюсь жить.

* * *

Последний лучик догорает
В небесной выси пепельной,
Последний ржавый лист слетает
С осины нежно-трепетной.

И я уже как лист тот ржавый –
Помилуй мя, Господь наш правый.

* * *

...А ночи стали длинные,
Тревожные, тягучие;
Приходят сны повинные,
Печальные, плакучие.

Мечтания короткие,
Желанья неказистые...
Блаженные и кроткие,
И робкие, и чистые.

Из прошлого, из дальнего
Приходят ночью сверстники,
Молитвы поминальные
Поют и тихо крестятся.

А сердце глухо мается –
И бьётся с перебоями;
Никак ночь не кончается,
Никак не успокоиться.

Ночь каждая, как битва, –
Внезапно просветление –
Иисусова молитва
Приходит во спасение.

* * *

Душа горит и ноет,
И мечется, и плачет;
С душою в разное
Безумно сердце скачет.
Покойница слезами
Смягчает укоризну.
Кричу в ночи я: «Мамо,
Спаси меня от тризны».
Живые неживые
Стреляют и хоронят.
Земля гудит от взрывов,
Земля от боли стонет.
Людские судьбы бесы
На кон свирепо ставят,
Увечат мир телесный
И тризну жадно правят.
Но слышу голос мамин:
«Бог есть и будет с нами».

* * *

Виноватая улыбка,
Шляпа рваная в руках,
На земле футляр от скрипки,
Грусть-печаль в живых глазах.
Под пальтишком рядом с нищим
Безмятежно спит щенок.
Делят оба кров и пищу –
Доброты людской урок.

Мимо них плывёт толпа,
Безразлична и тупа.

* * *

Смотрит синими глазами,
Безотрывно смотрит вдаль –
Под благими Небесами
Разлилась в ночи печаль.

«Хату некому оставить.
Захиреет», – гложет мысль.
Не убавить, не прибавить –
Доживает тихо жизнь.

СКОШЕННЫЕ ВАСИЛЬКИ

Васильки уже не дышат,
Ничего они не слышат,
Ничего не могут видеть...
Как легко красу обидеть!
Чик коса – и мир оглох,
Дай же разум людям, Бог.

БАНАЛЬНЫЕ СЛОВА

Ты всех любил, всем помогал,
За всех молился, видит Бог.
И вот случилось – ты упал,
И вот случилось – занемог...
Тебе никто не позвонил,
Не обижался ты, терпел,
И ты любил, ты всех любил
И беспокоить не хотел.

Как важно ближнего любить,
И с Богом жить, и не роптать,
Прогнать обиды и забыть –
Важнее дать, чем просто взять.
Готов банальные слова
Я повторять и вновь, и вновь,
От них светлеет голова,
Светлей становится любовь.

* * *

Купол церкви под луною,
Золочёный крест блестит.
Мир, объятый тишиною, –
Всё живое чутко спит.

Сколько мест таких сакральных
Сохранилось на Руси...

БУДУ БОГА ЗА ТЕБЯ МОЛИТЬ...

...Ну а ты, голуба в шубе крашеной,
У тебя свой ум, своя игра,
Пухлы губы, ярко напомажены –
От самой себя куда ушла?
Что сегодня ты опять затеяла,
И зачем ты здесь, на мостовой?
Взгляд больной, худые пальцы веером, –
Кто избранник в этот вечер твой?

Утром ранним тихо рядом с храмом
Будешь хлебом голубей кормить...
Кто-то скажет: «Ветреная дама...», –
Бога буду за тебя молить.

С БЕРЕГОВ БОЛЬШОЙ
РЕКИ ...

СТИХОТВОРНАЯ
ХРОНИКА ВЕСНЫ

В ТОМ КРАЮ ДЕЛЬФИНЫЕМ...

Там, за горизонтом, за небесной синью,
Лето разгулялось, песни напевая,
Парус тёмно-алый в том краю дельфиньем
Обгоняет ветер, над волной летая.

Там, за горизонтом, парус и дельфины,
Там цветут деревья и дожди грибные,
Вижу сам себя я в мире том невинном,
Слышу песни лета, славные, родные.

Где ты, где ты, где ты затерялось, лето?
Хмурится и злится снежная весна.
К морю полечу я даже на край света –
Вижу чудо-лето ночью из окна.

За штурвалом стою, песню вечную морю пою,
Возвращаюсь назад в забубённую юность мою.

УХОЖУ ОТ БЕДЫ

...Не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле.

Пс. 108:8

Одинокая птица на кровле
Неподвижно в печали сидит...
Я – улитка, я – просто улитка,
Ухожу от беды в завиток.
Одинокая птица на кровле,
Буду часто тебя вспоминать,
Будет песня неспетая сниться,
Будет новая жизнь на Земле,
По теплу я счастливым проснусь.
Одинокая птица на кровле –
Мой дремотный, болезненный сон.

ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ СЛЕДЫ...

Облака отражаются в глади воды,
Между ними струится небесная синь,
В отраженье ищу прошлой жизни следы,
Вспоминаю далёких, забытых богинь.

В конопатую Любку был с детства влюблён,
Моряком с Василисой гулял,
Но однажды явил мне звезду небосклон,
Ту, что сам я, не зная, искал.

И к звезде той заветной всю жизнь я бежал
Среди ярких и новых светил...
Увлекался, бросали меня, я бросал –
Жил ли я или вовсе не жил?

АПРЕЛЬСКИЕ ФАНТАЗИИ

Апрель капризен и коварен:
То снег, то дождь, то небо ярко...
По вечерам в соседнем парке
Стихи читает сам Петрарка –
Какой невысказанный сценарий!

И в глубине аллеи холодных
Мелькает женская фигура...
В чужой стране, под небом хмурым
С поэтом встретилась Лаура –
Какой сценарий превосходный!

Апрель и весел, и прекрасен –
Из забвения стремлюсь на волю...
Бреду по лужам в чистом поле,
Я счастлив в этой новой роли –
В плену несбыточных фантазий.

АКТРИСА

Картошка в мундирах,
Селёдка из бочки
И житного хлеба ломоть...
Гитара и лира,
Кантата в полстрочки,
И страстью наполнена плоть.

Колье изумрудно,
Серебряный крестик,
Нахально смеющийся бюст.
Любовь безрассудна,
Без фальши бесчестья –
Неведомы скука и грусть.

Лежит на коленях
Раскрытая книга,
Актриса сегодня не здесь.
В Париже ли, в Вене,
В Нью-Йорке ли, в Риге –
Безумных фантазий не счесть.

Две жизни, две страсти,
И явь, и химеры –
Истрачен последний сантиметр.
Две правды отчасти,
Пустые фужеры,
И слава под небом чужим.

МИР СМЯТЕННЫЙ

Каждый день с утра бегу
К поскучневшему окну,
Там знакомый-незнакомый
Мир, который я любил.
Он такой родной и близкий,
Он такой чужой и странный,
Неизвестный и опасный;
Мир студёный и коварный –
Я таким его не знал.
Мир притих и затаился
И скукожился немного...
Небо облачно и стыло,
Воздух влажный и тягучий,
Свет в окне, и тот понурый, –
Как такое может быть?
За соломинку хватаюсь
В мыслях сумрачно-тревожных –
Может, это только сон?
Выпрямляюсь-напрягаюсь
И смотрю во все глаза
В присмирившее окно.
Даму вижу я с собачкой
На коротком поводке;
Без намордника собака,
Дама с маской на лице;
Вижу дворника с метлою –
Дворник улицу метёт,
Каждый день с утра Анзор,
Как солдатик, на посту.
Вдохновляюсь-улыбаюсь,
Значит, что-то сохранилось,
Хоть остались только крохи
От того, что так ценил.
Вот ещё – идёт парнишка,

Куртка – просто нараспашку,
Шарфик красный не повязан –
Парню вирус нипочём?
Я когда-то был таким же –
Молодым и безрассудным.
Стал теперь я осторожным
И смотрю на мир смятенный
Сквозь оконное стекло.
Осветило солнце крышу,
Светлый луч меня коснулся,
Жмурю радостно глаза.
А напротив, да! напротив
Строят дом жилой неспешно,
Ярко-красные жилеты
Копшатся-копшатся
На девятом этаже...
Каждый день с утра бегу
К посветлевшему окну.

КАПРИЗНЫЙ АПРЕЛЬ

Вот какой с утра сегодня
Выпал мне счастливый день!
Солнце брызнуло в окно
Благодатным светом.
И с лазурью небывалой
Забежало в гости лето,
Хоть на улице апрель.
Нынче он такой капризный –
То нахмурится сурово,
То траву посыплет снегом,
То вдруг дождь гнилой нашлёт.
А сегодня, да, сегодня
День и добрый, и весёлый.
По карнизу за окном
Скачет серый воробей
И чирикает, шустряга,
А на ветке, на берёзе,
Чистит пёрышки свои
Воробьиная подружка.
Соком страсти налились
На берёзе почки,
Ах, апрель, родной апрель,
Ну не хмурься больше,
Будь таким, каким сегодня
Поутру ко мне явился,
Иль ещё щедрее будь!
Не жалея, мой друг, тепла,
Ведь поверили тебе
Божьи птички – воробьи.

ДЕРЕВЕНЬКА

Деревенька моя подмосковная,
Вновь вернулся в твою тишину.
В захолустье седом живу ровно я
У тебя, деревенька, в плену.

Под лучами апрельскими первая
Распустилась ветла у ручья..
Позади жизнь суетная, нервная,
Да и здесь уже жизнь не моя.

С БЕРЕГОВ БОЛЬШОЙ РЕКИ...

Я жил и жизнь свою любил,
Был выше обстоятельств;
Грязь отступала от меня,
Не опасался я предательств;
Во мгле исчезли слабаки,
Забыл их даже имена,
Но с берегов большой реки
Чужих предательств цепь видна.
И научился я прощать –
И стало проще жить,
К чему бессмысленно страдать,
Мусолить «быть – не быть»?

АПРЕЛЬСКИЙ СНЕГ

Ещё вчера светилося небо,
С утра деревья поскущнели –
Едва заметные крупинки
С небес на землю полетели,
И серый снег к полудню
Покрыл зелёную траву...
Ах, этот снег в апреле –
Живу ли я? Иль не живу?

Плетусь по снежному покрову,
И птицы... Птицы приумолкли –
Никчёмный снег, какая малость,
Но вот – в душе завыли волки.
И вдруг... из гущи леса,
И не во сне, а наяву
Раздался птичий голос.
О, слава Богу! Я живу.

У АПРЕЛЬСКОЙ БЕРЕЗЫ...

Прижимаюсь к берёзе щекой –
Как пульсирует сок под корой!
Постою у ствола, постою,
Я подобен сейчас муравью –
Беззащитный и маленький я,
Непомерно большая Земля,
Я – один, во всём мире один...
Было сказано: я – господин,
Было сказано: раб – человек,
Но себя не познать мне вовек...
Вновь стою у берёзы моей,
Никого мне сейчас нет милей,
Ближе в жизни мне нет никого.
Как пульсирует сок под корой!
Крепче жмусь я к берёзе щекой.

ЛАНДЫШИ

В песнях воспетые,
С детства любимые –
Ландыши нежные,
Чудные, верные
Встали в тенёчке с утра.
Здравствуйте, милые!
Вы мои тихие,
Вы мои славные,
В песне заглавные –
Таает, уходит хандра.

Словно привиделись
Белые зонтики,
Тонко-душистые,
Чисто-искристые –
Светится радость в саду.
Всё, что не сладилось,
Верю, получится,
Верю, устроится,
Жизнь успокоится –
Ландыш отводит беду.

ЗАВЛЕКАЮ В САД МОЙ ЛЕТО

Во всю прыть бежали к речке
Кони златогривые,
Дед родной грозил мне с печки
Жгучею крапивою.
Лето, лето детское
В обрамленьи смеха –
Удаль молодецкая,
Радость и потеха.

Почему же припозднилось
Счастье долгожданное?
Прошлой ночью мне приснилось
Лето, лето пьяное;
Как подружки бражные
Пели и плясали,
Карлики бумажные
Честь мне отдавали.

Где ты, где ты задержалось,
Лето ненаглядное?
В белых платьях исстрадались
Яблони нарядные.
Вопреки всему на свете
Я устрою пляски,
Завлекаю в сад мой лето,
Оживляю сказки.

А НА КРЫШЕ...

А на крыше, нашей крыше
Дерзновенная коза!
Как туда ты взобралась?
Я кричу, она не слышит
Или слышать не желает,
Ей на крыше хорошо!
Подойдёт вдруг прямо к краю,
Безмятежно вниз посмотрит
Иль взберётся на трубу
И стоит там истуканом,
Как застывший часовой.
Постоит, затем неспешно
Прогуляется по скату,
Да такому, ох, крутому,
Что я сердцем замираю:
Дура! Вдруг да упадёт?!
Безрассудная коза,
Ну откуда ты взялась
На зелёной нашей крыше?
Как туда ты взобралась,
На такую высоту?
Но коза меня не слышит
Или слышать не желает,
Ей на крыше хорошо!

ТАНГАНЬИКА

(фантазии)

Всё пройдёт, беду я сдюжу,
Все невзгоды побоку.
Слон весёлый пьёт из лужи,
Цедит воду хоботом.
В этом мире – странный путник,
Со слоном я дружен.
Пляшет слон под звуки лютни,
Вместе пьём из лужи.
Танганьика, Танганьика –
Песня хулиганская.
Танганьика, Танганьика –
Лужица гигантская.

* * *

Глохнет мир в слоновьем крике,
Дробь задорных барабанов.
В африканской Танганьике –
Слон и я от счастья пьяны.

ЧУДЕСНЫЙ МАЙ

В добровольном заточенье,
Средь рябин и сосен,
Я считаю дни, мгновенья, –
Нынче май несносен.

Друг – скворец на голой ветке –
Рассвистелся, грешный;
Он на воле, я не в клетке –
Нынче май чудесный.

ПТИЦА-СОЙКА

Что за птица, птица-сойка!
Дружелюбна, непуглива,
Оперенье – красок семь.
Словно радуга красива –
Делим лес с ней без проблем.

А болтать как любит сойка!
С загадочною подругой
Учиняет тарарам;
Шум и гам в лесной округе
По утрам, по вечерам.

Как люблю я птицу-сойку
За наряд её, за норы,
С ней не страшен карантин...
Но кричит мне грозно ворон:
«Вон из леса, старый боров,
Я – здесь царь и господин!»

РОЗУ ОТ МЕНЯ УВЁЛ...

Май проходит, розы спят,
Не распустятся никак
Красные, лиловые,
Белые, бордовые,
Осторожные мои...
Я и сам схожу с ума
От погодной аритмии:
То жара, то страшный холод,
То светло, то жуткий морок;
Но скажу как на духу,
Пандемии опасаясь,
За забором я спасаюсь,
Но вас, розы, ах! жалею...
Я вас, розы, обогрею:
Шарф большой из кашемира,
Свитер из бухарской шерсти,
Одеяло с подогревом –
Всё для вас и ради вас!
Но одну, всего одну
Я безудержно люблю,
Буду ночью розу греть,
Буду песни тихо петь,
Прогоню прочь пандемию,
Посвящу родной стихи я...

Лил пока я воду,
Сочиняя оду,
Розу от меня увёл
Предприимчивый козёл.

РЫЖАЯ КОШКА

Грациозна и вальяжна
Кошка рыжая моя.
Что скажу, ей всё неважно, –
У неё свои друзья.
Белый что-то ей мурлычет,
Пегий – хилый, не в расчёт.
Чёрный всюду мордой тычет
И как резанный орёт.
Почему коты чужие
Ближе кошечке, чем я?
Вечно гульбища ночные!
Словно кошка не моя.
Я купил ей домик новый,
Мячик красный прикупил,
Даже в рюшках панталоны
Ей, дурёхе, подарил.
К лету барышня исчезла
(Как жестоко я страдал!),
В тени тощей и облезлой
Вскоре рыжую узнал.
Привела с собой ораву
Новорожденных котят.
Мне гулянки не по нраву,
Но приплод не виноват.
У меня теперь команда
Всех оттенков и цветов –
Обаятельная банда
Милых, резвых шалунов.

ПАРА УТОК

На пруду вдруг в центре сада
Приводнилась пара уток.
Бабка рада, кошка рада,
Дед, не ведающий шуток,
Молвил: «Селезень – холера,
Ишь, красавец – хоть куда!
Ну а утка в платье сером –
Стыдоба, не для пруда».

Дождь ли, ветер, – утки вместе,
Для чего слова им деда?
Лет ему уже под двести,
И любовь, как песня, спета.
Молода, ретива кряква,
Тем и селезня влечёт...
Мало ль что дедуля брякнул –
Он давно уж не поёт.

КОГДА ЧЕРЁМУХА ЦВЕТЁТ...

Средина мая... Почему,
Но почему так холодно?
А потому, да потому,
Что зацвела черёмуха.
А я просил любимую:
Не надо больше холода.
А я молил родимую:
Не надо больше голода,
В любви не надо голода.

* * *

Цветёт черёмуха, качается,
Опять с тобой мы будем маяться.

НЕ УДЕРЖАЛ ТЕБЯ В УЗДЕ...

Она не пела, а колола,
Дрова колола колуном,
Виола, буйная Виола
По жизни мчалась напролом.

Слова-поленья в печь бросала,
Бросала в печь судьбы лихой.
Любовь горела и сгорала,
Сжигать любовь ей не впервой.

Дрова сгорели, песнь сгорела,
В печи осталась лишь зола...
Как жаль, что песню не допела,
Мою любовь сожгла дотла.

* * *

С тобой не справился, Виола,
Не удержал тебя в узде.
Ты пополам жизнь расколола –
Колун кто в руки дал тебе?

ЗА ЗАБОРОМ ЗА ЗЕЛЁНЫМ

За забором за зелёным
Целый месяц я сидел...
Да не только я один,
Все спасались от заразы:
Кто в квартире, кто в селе,
Кто в больнице выживал.
Опасенье, страх, надежда
И терпенье... Я терпенья
За всю жизнь скопил немало.
Престарелой черепахой
Полз во времени апрель.
Май весёлый незаметно
Вторгся вдруг в мои границы...
Появились чудо-пчёлы,
Птицы утром ликовали,
И кульбабы – солнца дети –
В шляпах жёлтых шаловливых
Разметались на траве.
Две молоденькие жабы
У пруда на солнце грелись.
Отражала жизнь вода:
Ивы две склонили ветви,
На воде резвились утки,
Им, любовью окрылённым,
Вирус страшный не опасен.
Клёну старому сродни,
Я к рябинушке нарядной,
Как к невесте, прислоняюсь,
Я – один, она – одна...
Вот и радуемся вместе
Жизни, солнцу и теплу...
Уберу с души остуду –
Вирус липкий позабуду.

ВЕСЕННИЙ ХОР

...И птичий хор, весенний хор
Вселял нам радость и надежду,
Как много лет прошло с тех пор!
Скворцы поют вновь, как и прежде.

В ЦЕНТРЕ МИРОЗДАНИЯ

N.N.

Отрешённость светлых лиц,
Шорох благостный страниц –
Светозарна магия...
Вы сидите у окна,
Вы сейчас совсем одна,
И всего лишь в шаге я.
В свете лампы профиль ваш,
В сердце радость и кураж –
Светопреставление.
Мне б в глаза сейчас взглянуть,
Не хочу я вас спугнуть –
Сладость искушения.

Всё случилось в феврале,
Томик Бёрнса на столе,
Свет её Величества.
Я дарю стихи свои,
Говорю вам о любви
В стиле не эпическом.
Запах книги и духов,
Свет магических стихов,
Первое свидание.
Мы теперь уже на «ты»,
Я нашёл твои следы
В центре мироздания.

ПАМЯТИ ПЕВЦА

Услышу голос из Вселенной,
Такой далёкий, сердцу близкий...
Восторг с печалью, небо плачет,
На дне стакана стынет виски.

Я помяну того, кто песню
Своим дыханием прославил.
Ушёл навек, оставил память,
Улыбку нам свою оставил.

Хоть ярко солнце, небо плачет,
Печаль волнистая струится...
Как залихватски и свободно
Поют в саду весеннем птицы!

Вверху на облачке кудрявом
Сидит Певец, вниз ноги свесив...
Глаза закрою и услышу
Знакомый голос, эхо песен.

БИРЮЗОВЫМ НЕЖНЫМ СВЕТОМ...

Бирюзовым нежным светом
Кто-то небо разукрасил...
Две вороны точат лясы
Без умолку, тараторят
Вдохновенно и без толку.
По траве ползёт улитка,
В голове антенны-рожки;
Щедро сыплет бабка крошки,
Кормит птичек бесшабашных –
Жизнь почти вернулась в норму.
Отчего ж в душе тревога?
Может, лето только снится?
Я ищу глазами птицу,
Что весной была на кровле;
Вспоминаю снова песню,
Что с подругой не допели.
Слышу голос с поднебесья:
«Впереди немало песен,
Потерпи ещё немного –
Жив-здоров – и слава Богу».

ЖИЗНЬ, ОНА ВСЕГО СИЛЬНЕЙ!

*Мир не будет больше прежним,
Тонким, ласковым и нежным...*

Александр Родин

Вышел в свет вчера впервые
Я, презревши карантин...
В небе тучки кочевые,
Солнце рыжее моргает,
В небе ласточка летает –
Средь людей я не один.

Прячу я лицо за маской,
На глазах моих очки.
И без страха, но с опаской
Я крадусь от дома к дому,
И в душе моей истома –
Прошлой жизни вопреки.

Мир остался, к счастью, прежним –
Как и раньше, безмятежно
Песнь горланит соловей;
Две девчонки смехом брызжут,
Рассмешил их парень рыжий –
Жизнь, она всего сильней!

СТИХОТВОРНАЯ ХРОНИКА ЛЕТА

НАЧАЛО ЛЕТА

Начало лета. Неуютно.
С утра в душе моей промозгло.
Как зеркала в озёрах мутны!
Терпеть погоду невозможно.

Не вдруг, но вспомню, вспомню лето
В коротком платьице, босое;
Тот мир двоился в искрах света,
И жизнь казалась мне игрою.

Растает муть, и в небе ясном
Услышу песенные трели...
Я ждал и верил не напрасно –
Взахлёб цветут сегодня ели.

В СИНЕОКОЙ СТОРОНКЕ

Васильковое поле,
И полуденный зной,
Трели птицы небесной,
Зов рожка за рекой.

Вспоминая, бегу я
В то село у реки,
И бегут мне навстречу
Васильки, васильки...

Пахнет детством далёким,
Пахнет хлебом ржаным,
В синеокой сторонке
Был не я молодым.

ЗАПАХ КОФЕ

Запах кофе из Вселенной –
Чародействует бариста;
За столом со мною Вена,
Не встречался с ней лет триста –
Новы лица, новы краски,
Тут и там мелькают маски;
Чашка кофе с шапкой пены –
Аромат чудесной Вены.

БАБУШКА

В красных кедах, в белом платье
На весёлом самокате
По асфальту фея катит –
Это бабушка моя!

На щеках горит багрянец,
Спляшет самый быстрый танец,
Как корону, носит ранец –
Это бабушка моя!

Нет другой такой в природе,
В песне ладной хороводит,
На гулянье всех заводит –
Это бабушка моя!

Сказку перед сном расскажет,
Узелок обид развяжет,
За меня любому вмажет –
Это бабушка моя!

В армяке старинном, строгом
По просёлочной дороге
В храм пойдёт на встречу с Богом –
Это бабушка моя.

Бабушка, бабушка,
Мировая бабушка!
Самая любимая,
Самая красивая,
Вечно молодая,
Строгая-простая,
От неё исходит свет –
Лучше в мире бабки нет!

ЗА ГРАНЬЮ

У меня подруга – ведьма
(Мне она так говорит),
Отливают кудри медью,
Левый глаз огнём горит.

Подмигнёт, и к ней в объятья
Тут же я бегу стремглав...
Как наденет красно платье,
Ведьмаком вдруг стану сам.

Если в небе бьются громы,
Если молния блеснит,
В сердце радость и истома –
Ведьма вскачь ко мне спешит.

* * *

Завтра вечером свиданье,
Страшной буре снова быть.
Я давно живу за гранью –
Как мне ведьму разлюбить?

ВЗРЫВАЮТСЯ ВУЛКАНЫ

Вокруг взрываются вулканы
И звёзды валяются с орбит –
Вчера напился в стельку пьяным,
Меня шатало от обид.

Ушла давно и не простилась,
И каждый год я в этот день
Всё вновь и вновь (и через силу)
Любви ищу забытой тень.

А впрочем... впрочем, не уверен:
Была ль любовь, была ли ты?
Закрты все в былое двери,
И сожжены давно мосты.

Но отчего горят вулканы
И звёзды валяются с орбит?
Что делать мне? Напиться пьяным?
Найти лекарство от обид?

БЕЗВЕТРИЕ

Безветрие и мёртвая жара,
В печали белые пионы.
А где-то дождь как из ведра,
В лесах восторг грибов ядрёных.

Как не хватает мне грибных дождей,
Простора с ветром не хватает!..
У старой мельницы иссяк ручей
И песни лета не играет.

Смешалось всё. Где истина? Где ложь?
До облаков хочу добраться
И кран открыть, чтоб хлынул чистый дождь, –
И жизнь вернётся, может стать.

МОЛЧАНИЕ

Твоё молчание меня тревожит,
Бывает, даже убивает,
Пылает сердце, и мороз по коже –
Так нестерпима тишина немая.
Я признаю себя вновь виноватым,
Юлю, поговорить пытаюсь,
Кладу на стол записку от зарплаты –
Вновь от безмолвия спасаюсь.
И чудится мне голос песни звонкой,
В высоком небе – звёзды яркие,
Стою у моря я, у самой кромки –
Что лучше может быть подарка,
Чем бег волны в тиши ночной,
Волны живой?

ПАХНЕТ ХЛЕБОМ

Малой точкой застыла
В небе бледном тоска золотая.
В этом мире постылом
Жизнь течёт без конца и без краю;
В запустенье стоит дом без крыши;
Воробьи прилетели
И нахально-беспечно щебечут;
Неделимое делим –
Над добычей распластался кречет;
Жизнь и смерть – ставка чёт или нечет.

Птички Божии падают с неба –
Пахнет детством моим, пахнет хлебом.

В НОЧИ БЕЗДОННОЙ

В ночи бездонной подступает
Осенняя прохлада
И птичий крик любви прощальной
Звучит в аллеях сада.

А в сердце эхо прежних песен,
Следы весёлых вёсен.
«Зачем до срока нас тревожишь?» –
Я вопрошаю осень.

ПРЯЧЕТСЯ ЛЕТО

Прячется, прячется лето
В тучах и в мелком дожде...
Где ты, далёкое, где ты?
Песня моя о тебе.

Пятится, что ожидалось, –
Светлые пятятся дни.
Катит сердечная жалость,
Просит: меня не гони.

Верю в душевную дружбу,
Верю я женской слезе...
Лето вздохнуло натужно –
Осень на мокрой стезе.

Чаяк, хранителей лета,
Нынче уже не кормить.
Где ты, далёкое, где ты?
Как без тебя буду жить?

В НЕБО УПАДУ...

Грозно небо, грохот волн,
Скалы острые внизу,
По камням я вверх ползу –
Жизнь поставлена на кон.

Я хочу достичь вершины
Окружающих мир гор,
И всему наперекор
В небо рвусь я из долины.

Камни остры... не пугают,
Не пугает даже смерть,
Мне бы только лишь успеть
На вершине встать у края,

Вновь окинуть мир наш взором,
Вновь увидеть парус в море.
И тогда, тогда счастливым
У птиц вечных на виду
Прямо в небо упаду.

И ЧАС ПРИДЁТ...

И час придёт, когда что скрыто – станет явным,
Как в зеркале, грехи забытые увижу,
Найду, что был когда-то скучным и тщеславным,
Не дай мне Бог, я сам себя возненавижу.

Возможно, и порадуюсь в себе чему-то,
В том молодом, кто часто в жизни сомневался,
И вспомню, как во времена душевной смуты
В отчаяньи сам на себя я обижался.

Глаза прикрою – и далёкий вижу парус
У линии, где море переходит в небо...
И удержать вновь в памяти живой пытаюсь,
Как на лету кормил я вечных чаек хлебом.

СЛОВО

Сколько граней,
Интонаций,
Колебаний сердца
И сомнений
В каждом слове скрыто:
Нежность грусти,
Взрыв страданий,
Стон внезапный боли,
Откровенье –
Шёпот тихой ночи;
Вдохновенье,
Безрассудство –
С ним в огонь и в воду;
Миг прозренья
И лавина страсти;
Тайна смыслов,
Всплеск эмоций
(Свет, глаза слепящий),
Колебание,
Горечь и обиды;
Отрезвление –
Стыд вселенский
Ранит и отпустит;
Солнцем встанет,
Озарит надеждой.
Манит, вяжет,
Утешает
И голубит нежно –
Успокоит,
Отведёт от бездны.
Слово Божье
Изначально
Было, есть и будет –
Снимет страхи,

От грехов очистит.
В песне ясной,
В думе тяжкой,
В разговоре с Богом
Как же важно
Поберечь нам слово!

ЗАВЕТНОЕ

Покатая крыша
Коньком небо режет,
И там половина,
И здесь половина,
А в мыслях усталых
Заветное брезжит.

Закатное солнце
Уходит так рано,
И дня стало мало,
И в мыслях усталых
Приходят-уходят
Слова из капканов.

Но солнечным утром
Без всякой причины –
Вдруг новые мысли,
Глубинные смыслы
Из пепла восстанут...
В них две половины,
Как прежде, едины.

ТЕЧЁТ РЕКА
ВОСПОМИНАНИЙ...

СЕМЬ БЕЛЫХ ПТИЦ...

Течёт река воспоминаний,
Я каждый день по ней плыву,
Друзей и недругов встречаю,
Я вижу их как наяву:
И тех, кого давно обидел,
И тех, кого давно простил.
Я, вспоминая, понимаю,
Что всех из прошлого любил.
И что теперь мои стенанья?
Ведь ничего не изменить.
Несёт меня реки течение,
И до конца мне с этим жить.

Семь белых птиц во сне я видел –
Во сне я сам себя обидел.

* * *

...И мальчик рыб кормил в пруду,
Бросая в воду хлеб кусками.
Средь облаков ловил звезду
Настежь открытыми глазами.

Но вырос, рыбу на крючок
Ловить мальчишка наловчился.
Рванул однажды на восток
И с глаз друзей навеки скрылся.

Возможно, мальчик тот не жил
И рыбу хлебом не кормил?

ПИАНИНО

N.N.

Девчонке было лет так пять –
Дитю купили пианино...
«А что? Научится играть», –
Коснулась клавиш мама чинно.
Взлетел высокий тонкий звук,
И кошка взвизгнула с испугу.
Замкнула бабушка свой слух,
Забилась штора в дальний угол.
Пришёл в квартиру кавардак:
Арпеджио, этюды, гаммы...
Шесть лет учёбы как-никак,
Не описать сей труд словами.
И Пахельбель, канон его,
И знаменитый «Чижик-пыжик»...
И было всё, и ничего, –
Меняет судьбы мир бесстыжий.

Который год пылится пианино,
И Пахельбель печалится незримо.

НОСТАЛЬГИЯ

*Соврать – не очень тяжкий труд,
Легко, я знаю, люди врут...*

Александр Родин

С годами, говорят, всё хорошее
И всё моложе становлюсь...
Завидуя себе, кричу: «Мареев,
Я за тебя уже боюсь!
Начнёшь, как прежде, снова куролесить
И в детство, может быть, впадёшь?»
Но погулять хочу весной в Одессе –
В курсантской форме – брюки клёш!

ГОДЫ ДЕТСКИЕ

Кусается, щипается
Мороз, незримый зверь;
Мальчишка улыбается,
Румянец на щеках;
А санки с горки катятся,
Вокруг и смех, и визг;
Мороз со страху пятится
И убегает прочь.
И варежки потеряны,
И шапка набекрень,
Мы – смелы и уверенны –
С огромнейшей горы
Летим на санках кубарём,
За шиворотом снег;
Как весело друг с другом нам!
Как здорово дружить!
Кусается, щипается
Мороз, коварный зверь,
Ой, мама заругается,
И я бегу домой.
Те годы, годы детские
Я вижу наяву,
Далёкие, советские, –
Я в сердце их храню.

У АЖУРНОЙ ОГРАДЫ...

По тропинке знакомой
Я иду на погост
Мимо старого клёна,
Мимо тихих берёз.

У ажурной ограды
Буду молча стоять
И под маминым взглядом
Буду жизнь вспоминать.

С осознаньем утраты
Мальвы скорбно цветут...
Из покинутой хаты
К ним живые идут.

* * *

Птичка певчая в мороз
На заре щебечет.
У малютки тёмный нос,
Серенькие плечи.
Бело брюшко, глаза два –
Чёрные оливы,
Разноцветна голова
С солнечным отливом.
Дружелюбна и добра –
Маленький комочек.
Разбуди меня с утра,
Миленький дружочек.

Нежной трелью разбуди,
Грусть-тревогу отведи.

* * *

Я нынче время принимаю
Таким, каким его я вижу...
И каждый раз, восход встречая,
В Москве ли, в Вене иль в Париже,
В любимом ли моём селе,
На холоде иль на жаре,
Я радуюсь тому, что я живу.
О, как искрится снег зимой!
А птицы как весной поют!
И ветер лёгкий в летний зной,
В садах осенних листья жгут...

Сгорают дни, я принимаю
Судьбу – иду её дорогой.
И никогда не забываю,
Что наша жизнь – подарок Бога.
И я люблю сей мир земной,
Неважно, мой он иль не мой,
Я радуюсь тому, что я живу.

Как пахнет воздух пред грозой
В затерянном в глуши селе.

МОЕЙ ДУШЕ ПОКОЙ НЕВЕДОМ...

Прекрасный день, звенящий воздух,
Искрится снег в еловых лапах.
В тиши лесной, в тиши морозной
Знакомый с детства снежный запах.
Моё село, в нём жизни смыслы,
Но выбрал я судьбу морскую –
Без моря жизнь свою не мыслю,
На море без села тоскую.

Моей душе покой неведом,
Люблю одно, стремлюсь к другому.
И не сказать, что это кредо,
Но не могу жить по-иному.

К ПОЭЗИИ

Рифмованные строки,
Стихи и не стихи..
Задумчивые вздохи
И всхлипы у реки.

Несёт живые воды,
Сама себя несёт;
Встречается с восходом,
Поёт река, поёт.

То грустно ей, печально,
Рыдает исподволь,
То мчится триумфально,
Смывает горечь-боль.

К живительному свету
Ввысь тянется бурьян.
На то и нынче лето,
И я от лета пьян.

Бежит вода живая,
Поэзия летит.
Люблю тебя, родная!
Твой скромный сын-пиит.

СВЕТ БЛАГОДАТИ

Пятится-пятится
Рак на горе...
Кривится-прячется
Дьявол в норе.
Слоник на дереве
Песню поёт,
Солнечным берегом
Речка бредёт.
Заяц купается
В луже зимой,
И обручается
Море с рекой.
Песней по темечку
Бьёт соловей.
Славное времечко
В жизни моей.
Светится-светится
Ночь, словно день,
Солнышко крестится –
Мир набекрень.
Дождик живительный
Капает вверх.
Слышу спасительный
Ласковый смех.
Видится-слышится,
Что позабыл.
Дышится-дышится,
Словно не жил.
Мир отражается
В чистых глазах.
Всё возвращается
В светлых стихах.
Всё, что мешало,
Сгорело в огне, –
Свет благодати
Нынче во мне.

БЫЛО – НЕ БЫЛО...

Новое утро, летнее утро
Брызнуло светом в окно.
Вскинулось свежестью,
Вспыхнуло нежностью
То, что молчало давно.

Не было – было? Не было – было?
Как и в какой стороне?
Синие, красные,
Бледные, ясные
Звёзды сгорели в огне.

Светлое утро, чистое утро –
Времени сколько прошло!
Прежнее, нежное,
Страстное, грешное...
Вновь за собой позвало.

СЫН Я МАМИН...

В отдалённой деревеньке
Жизнь струилась помаленьку;
Кто крестился, кто женился, –
Места не было секретам.
В той глуши я и родился
То ль весной, то ль жарким летом...
Мне маманя не сказала,
Может быть, сама не знала,
Что впервой за много лет
Появился свой поэт.

Помню запах хлебный печки,
Вечера зимой при свечке,
Песни помню, голос деда,
Ливни, молнии и громы
И раздолье помню лета,
Юность и прощанье с домом.
По ночам мне море снилось:
Страны дальние и парус,
Деревенька позабылась,
В сердце к ней любовь осталась.

Что мечталось, то случилось...
Что хотелось, то свершилось:
И моря, и океаны,
Пляски волн и песни ветра
Были в жизни капитана,
В жизни яркой, в жизни светлой.
В сердце – образ деревеньки,
Лик далёкой мамы-неньки.
Над погостом льётся свет –
Сын я мамин, не поэт.

ФАНТАЗИИ

Небо чисто утром ранним,
Белы овцы тихо бродят;
Дед столетний с бабой Маней
Сеют редьку в огороде.
Парень русский с пышным чубом
Спит в обнимку с клёном пьяным;
В соболиной яркой шубе
Стенька Разин окаянный
Правит на быстрине стругом
И пугает зычным криком
Всю разбойничью округу.
И другие вижу лики:
Раскрасавица с косою
Из пшеничных прядей спелых
Преподносит ковш с водою
Молодцу в папахе белой.
По поляне земляничной
Мчится тройка вороная,
До чего ж ты мозаична,
Русь небесно-золотая!

По утрам смотрюсь я в небо,
И никак не наглядеться,
Там стоит с краюхой хлеба
Мальчик из живого детства.
Гуси у реки пасутся,
И кораблик белый мчится,
Мне б туда сейчас вернуться,
Из родительской криницы
Мне б живительной водицы
Напоследок вновь напиться.

ВСЕГДА ОДИН...

Один ты в темноте кромешной
По бездорожью брёл.
Трещал вокруг сухой валежник,
Хлестали ветки по лицу,
Но, натываясь на деревья,
Ты шёл, упрямо шёл,
Стремился быть у цели первым,
Подобно хитрому глупцу.

И вот пришёл, и первым стал
Среди достойнейших мужчин,
Хоть под тобою пьедестал,
Но ты один, всегда один.

ЗИМНИЕ ФАНТАЗИИ

Всю ночь в июле напролёт
Я буду морем любоваться,
Совсем не надо будет спать,
Не надо будет просыпаться.

Солёный воздух буду пить,
И сказкой будет мир наполнен,
Сумею звёзды посчитать,
И в честь мою станцуют волны.

Луну я в гости приглашу,
Чтоб осветляла чудо-ночи.
Возможно, сводница-луна
Любовь ночную напролёт?

И буду петь и танцевать,
Дурачиться сродни ребёнку...
Потом вдруг в зиму улечу,
Пусть за счастьем я вдогонку...

А вот сейчас? Сейчас пока
Я посреди зимы мечтаю...

ПИСЬМО В ПАРИЖ

Скажи, скажи, мой друг давнишний,
Не снится ли тебе село?
Ты помнишь дедовскую вишню?
Гнездо, ты помнишь, на столбе?

Минуло более полвека,
Село не то, и жизнь не та,
Но столб стоит, стоит, калека,
И те же аисты в гнезде.

Ту пару аистов вновь вижу
И слышу: клювами стучат...
Что снится, друг, тебе в Париже?
Твой старый дом? Луга? Река?

А вишня? Дедовская вишня
Исчезла, словно не жила.
Париж... Конечно, свет не ближний,
А ты, мой друг, всё ж приезжай.

* * *

Бездонна ночь,
И я в ночи,
И в голове моей сумбур
Из слов жестоко-покаянных...
Вчера лилась в душе лазурь,
Сегодня пляска мыслей рваных.
Безмолвный крик,
Утешный плач,
Но в горячительном бреду
Душа и мается, и стонет;
В тоннеле узком я бреду,
Бреду, спасаясь от погони,

И жду в конце тоннеля свет,
Но нет его, его всё нет.

НАЙДЁТСЯ РЫЦАРЬ...

В руке железной с медным жезлом
Стоит на постаменте рыцарь,
Меч опоясывает чресла –
За честь и славу будет биться
И жизнь за родину положит,
Болтать не станет он впустую.
Тоска глухая сердце гложет –
Порой я вижу жизнь иную:

Вот предо мною малый пухлый –
Пройдоха, пробы негде ставить,
Он уйму слов потёртых, тусклых
Бросает в зал. Кого нам славить?
И пьянь, и дрянь к нам в душу лезет –
И страшно мне, от них не скрыться,
Но сердце верит, сердце грезит:
Наступит час – найдётся рыцарь.

ГРЯНЕТ ГРОМ...

Солнце жарит, солнце светит,
И резвятся блохи,
Нужен ветер, крепкий ветер, –
Всё под солнцем плохо.

Зной в душе, скребутся кошки –
Влип я в передрагу!
А в тени клубятся мошки
Над гнилой корягой.

Затхлый воздух губы сушит,
Нет в помине влаги.
Страх ужасный сверлит душу
Чёрными словами.

Я вздымаю к небу руки
И молю о буре;
Грянет гром! Исчезнут муки,
Дураки и дуры.

* * *

По тропинке, по дорожке,
Средь цветущих дикоросов
Я иду. Куда? Не знаю.
Сердце чисто, мысли ясны,
Запах свежести вдыхаю, –
Нет проблем и нет вопросов;
Средь друзей моих, деревьев,
И кустарников пахучих
Мне привычно, мне спокойно,
К речке детства отправляюсь,
От суетных дел сбегая...
Ускоряю шаг в волнение –
Гроздь жёлтые свисают,
Словно жемчуг в ожерелье.
Низко кланяясь, шепчу я:
«Как я рад тебе, родная!»
И акация мне песню
Напевает ту, что мама
Пела мне в далёком детстве.
Недалече, на пригорке,
Белым облаком сияет
Куст загадочно-искристый –
Гледом яркий куст зовётся;
В серединном жарком лете
Буду тихо любоваться
Светло-бурыми плодами...

По тропинке, по дорожке
У Дунайского канала
Я, гуляя, восторгаюсь
Буйным цветом дикоросов.
И скучаю, я скучаю...

В сердце множество вопросов,
И мечтаю, я мечтаю,
Что вернусь когда-то в детство,
В край родимый, земляничный.
Осаждает душу грусть –
Скоро ль я домой вернусь?

КАРТА БИТА...

Жёлтый цвет, ещё желтее...
Парк. Акация цветёт.
Я шепчу себе: «Мареев,
На чужбине жить не мёд.

Чересчур ты задержался
У сторонушки чужой.
Побледнел, поиздержался,
Стал, родимый, сам не свой».

Свистнул рак вдруг за горою,
Утка крякнула в ответ:
«Не печалься, мы с тобою,
Мы с тобой, душа-поэт».

* * *

Наша сельская ракета
Снилась мне ночной порой –
Понял я, что карта бита,
И лечу к тебе – домой.

В АЛЬПАХ

1.
Осень, луг, водопад...
Альпы белые шапки надели,
От макушки до пят
Разодеты в зелёное ели.

Всё – родное, моё,
Здесь душа отдыхает в блаженстве,
Небо в сердце поёт
О природе, её верховенстве.

2.
Бежит ручей с горы стремглав,
Стою опасливо с ним рядом.
Ручейный знаю буйный нрав:
Взрываясь зверем-водопадом,
Он сносит на своём пути
Живое всё и неживое –
Нигде покоя не найти,
И нужно ли искать покоя?

И ОПЯТЬ СЕБЕ...

Вот день ещё один прошёл
И весело, и быстро, –
Опять стишок отправил в стол,
Испортил вечер выстрел.
Я ранен был, убит я был
Исподтишка и подло.
Убийцу тут же я простил,
Забыв свою же гордость.

* * *

Во сне лежал я весь в поту –
Не тех люблю, не тех жалею,
Ушла вся жизнь под хвост коту –
Когда очнёшься ты, Мареев?

Блеснул улыбкой новый день –
Ушли сомненья, словно тень.

* * *

О, пчёлы! Мудрости пример
И беззаветность чистоты,
Вчера полдня на них глядел,
Но не увидел суеты.
Ты говорила, что сумбур
У пчёл от химии в цветах.
Нет-нет, он есть у глупых кур
И в очень умных словарях.
Но пчёлы! Это мир иной,
Нам нелегко его понять –
Готовность жертвовать собой
У пчёл не взять и не отнять.

Сродни пчелиной – жизнь в селе,
Люблю её неспешный ход...
...Льняная скатерть на столе,
И в деревянной плошке мёд.

А в голове моей сумбур –
Восторг и грусть, и даже дурь.

ЖИЗНЬ МОЯ...

Жизнь моя течёт неспешно
На виду у всех друзей –
Чистых, искренних, негрешных –
Птиц, лягушек и ежей.
Целый день трудяги-пчёлы
Добывают чудо-мёд,
Ворон старый, с виду квёлый,
День-деньской спит напролёт.
Начинает утро сойка,
Песню тихую поёт,
Любит пенью землеройка,
Что в пруду у нас живёт.
Белка шустро сойке вторит,
Но соперничает с ней –
С ели прыг, и на заборе –
Танец рыжих кренделей.
Ну а ёжик, друг мой ёжик,
Всех он краше, всех милей,
Он на варезку похожий,
Я зову его Матвей.
Топотит на крепких ножках,
Вертит мордочкой вокруг,
Сера шубка вся в иголках,
У ежа отменный слух –
При опасности свернётся
Вмиг в игольчатый клубок.
Сойка та над ним смеётся,
Ей, наверно, невдомёк,
Что Матвей хитрющий малый,
Что чертовски ёжик смел,
Он вчера змею-удава
Изловил и мигом съел.
Ёж – помощник, ёж – надёжа,
Эх, не может петь Матвей!
Станцевать, конечно, может
Для моих лесных друзей.

* * *

На сосне под небом синим
Белочка пустилась в пляс...
Под восторг тигровых лилий
Отбивает дятел джаз.

Учит деток утка-мама
Плавать в маленьком пруду.
На одной ноге упрямо
Цапля ждёт-пождёт еду.

А лягушка притаилась
У коряги на воде,
Ночью ей во сне приснилось,
Что сегодня быть беде.

Шмель кружится над ромашкой
И тихохонько жужжит,
Незнакомая букашка
В мир неведомый бежит.

Парк живёт обычной жизнью,
Я давно уже здесь свой
И учусь у братьев ближних
Быть всегда самим собой.

* * *

В парке дождь слегка покрापал,
К рыжей белке подхожу
И шепчу ей: «Дай мне лапу,
Я орешек положу!»
Опасается рыжуха
Добрых помыслов моих,
Пучит глазки, водит ухом,
На сосну взлетает вмиг.
Ворон старый не боится –
Сам людей пугать мастак.
Пошутил я: «Дура-птица!», –
Отвечает: «Сам дурак!»
В озерце живут две утки,
Терпеливо ждут утят,
Не приемлют птицы шутки,
Не спугнуть бы – улетят.
«Уп-уп-уп...», – звучит над парком,
Звонко кто же так поёт?
С хохолком красивым, ярким
Раскрасавец наш удод.
Возвращаюсь к рыжей белке
И взлетаю на сосну.
У друзей там посиделки –
Будем слушать тишину.

КУКУШКА

Небо чисто, небо ярко,
Но струится холодок.
Майский день. Гуляю в парке,
Набираюсь силы впрок
И вдыхаю полной грудью
Воздух, пахнувший смолой...
Перья где-то точат судьи –
Знаю, явятся за мной.
Может, сто лет... может, двести
Мне судьбой отведено?
Впрочем, торг здесь неуместен –
Так у нас заведено.

Голосистая кукушка
Счёт ведёт моим годам,
Спотыкается старушка –
Спотыкаюсь я и сам.
И прошу вещунью-птицу
Песню жизни перепеть...
Холодок сильнее струится –
Мне бы главное успеть...

Птица песню не допела,
Птица в небо улетела.

УТРО

Утро. Сонная речушка.
Светится туман белёсый.
Кукование кукушки –
Песня стелется над плёсом.
Жду поклёвки терпеливо,
Поплавок стоит недвижим.
Нежный луч вершину ивы,
Словно котик, тихо лижет.

Песнь летит ко мне сквозь годы,
В тяжкий час меня находит.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Девчонка в алом платьице
По улице идёт,
И улица вслед пялится,
И тает, тает лёд.

И люди удивляются,
Не рано ли пришла?
Девчонка улыбается –
Весне уже пора.

Средь снега, снега талого
Бегут стремглав ручьи.
При виде платья алого
Щебечут воробьи.

И солнце отражается
В улыбке и в глазах,
Вселенная качается
У девицы в руках.

А я смотрю на девочку,
Я на Весну смотрю.
«Твоё настало времечко», –
Ей тихо говорю.

Девчонка в алом платьице
По улице идёт.
Февраль в смущенье пятится –
Вперёд, Весна, вперёд!

ВЕСЕННЕЕ

Зачирикал воробей
На подоконнике.
Скоро март, затем апрель,
Вжарю на гармонике.

Подыграю, подпою
Малой птахе-воробью.
Эй, Натаха, нам с тобой
Светит жаркая любовь!

Лапти новые скрипят,
Лёд на речке тает,
Журавли домой летят
Аж... из Парагвая.

Взбудоражила гармонь –
Сердце гулко бьётся.
Бьёт копытом в стойле конь,
К кобылице рвётся.

Ночь морозная. Луна
Манит и тревожит.
Ты один, и я одна –
Я тебя стреножу.

Ты стреножь, меня стреножь,
Я и сам желаю.
Что мне снег и что мороз,
Без любви страдаю.

Заиграла в жилах кровь –
Вкруг тебя мир крутится.
Виноваты в том любовь
И Весна-распутница.

* * *

Над селом гроза прошла,
Дышит свежестью земля,
Отчего же? Отчего
Боль из жизни позабытой
В мир рассветный и открытый
Налетела, словно тля?

Солнце истоиво прошу:
«Радость ясная, мой свет,
Отведи грусть, отведи».
Поднялось в зенит светило,
Два часа ему хватило,
Чтоб свести всю грусть на нет.

* * *

Дождь сегодня проскакал
По вчерашним лужам,
В руки я его поймал
И обезоружил.

Ярость вынул из дождя,
Отобрал занудство.
Будем с ним теперь друзья,
Разделять безумство.

Как безумствовать я рад,
Рад помочь дождю я,
И себя до самых пят
В воду упакую.

Солнце высушит меня,
Чай, я не из глины.
Если нужно, так огня
Небо мне подкинет.

Будет дождик воду лить
Весело и споро.
Буду с дождиком дружить,
Мокрым и весёлым.

* * *

Разыгрался ветер к вечеру
И пошёл... пошёл гулять,
Побродяге делать нечего,
А мне нечего сказать,
Ведь бродяжничать по свету
Дюже я, друзья, горазд.
Забубённому поэту
Ветер был бы в самый раз.
Парус он бы мой наполнил,
Улетел бы с ним я в ночь,
Прочь от всех – туда, где волны,
От суетной скуки прочь.
Разыгрался ветер к вечеру,
На перила я встаю
И лечу с балкона кречетом,
Песнь задорную пою.

* * *

...Я в океане на плоту
Интриги вечные плету,
То чмокну в темечко луну,
А то рукой схвачу волну.
Намедни чайке песни пел,
И чуть баклан меня не съел.
Но никого я не боюсь,
И, если к берегу прибьюсь,
Из рифм я сеть любви сплету,
Но я пока что на плоту,
И рядом кружит кашалот,
Мое спасенье – утлый плот...
А я, весёлый и живой,
Флиртую с девицей-луной!

Друзья, флиртую я, флиртую,
Интриги вечные плету я.
В стихах и в прозе я такой –
Отчаянный и молодой.

* * *

От печали до печали
Мы шагали, мы бежали
Сквозь года и в полный рост.
Ну а счастье? Счастье было,
Может быть, судьба хранила
Дерзких, глупых, молодых?
А теперь? Теперь спокойны –
Ветром брошенные волны.
Пахнет кроткая печаль
Дальним светом, звёздным небом,
Спетою песней, спелым хлебом,
Пахнет жизнью и судьбой.

В лунном свете море дремлет,
Сердце сердцу тихо внемлет.

ПЕСЕНКА

Прикорнула кошка –
Спит она вполуха...
С палкой у окошка
Встала вдруг старуха.

Бабушку чужую
Позовём до хаты,
Милую, родную, –
Рады, чем богаты.

Ах, моя деревня,
Ах, моя судьбина,
Край родимый, древний,
С нравом голубиным.

Где-то пёс залает,
Эхо отзовётся,
Ласточка летает,
Песенка поётся.

Кошечка из детства
Ластится-мурлычет –
Никуда не деться,
Детство сына кличет.

А МНЕ МАЛО...

День сегодня выходной,
Солнце тоже отдыхает;
Ветер зябкий и шальной
Шляпу синюю срывает.
Мне и так неважно,
Одиночество достало,
Шляпа синяя в пруду,
А ему всё мало, мало...

У меня сидит внутри
Нервный весь, всегда на взводе,
Что ему ни говори,
Он упрёками изводит:
Что-то где-то не успел,
Недодал, не помолился,
При делах и не удел,
Говорит, я зря родился.
Я терпел его досель,
Силы кончились, нет мочи,
Превратился мозг в кисель.
Поезд лязгает, грохочет, –
Рельсы от него спасут,
В мир безвестный увезут...

Дама из миров иных
На меня вдруг оглянулась...
Миг какой-то, только миг, –
Жизнь мне снова улыбнулась.
День сегодня выходной,
Солнце тучи разогнало.
Радость катится рекой,
А мне мало, мало, мало...

КОНИ

У реки резвятся кони,
Кони вороные.
Норовят загнать их в стойло
Люди, люди злые.

Летний дождик, солнце ярко,
В счастье плачут ивы.
Отливают синим цветом,
Синим цветом гривы.

На траве, траве зелёной
Прыгает кузнечик:
Не пленить коней вам, люди, –
Нет таких уздечек!

В табуне я самый старший,
Вольный я средь вольных.
Отчего же мне, поэту,
Нестерпимо больно?

Вот всё ближе, ближе круча,
И коней к ней гонят...
Прочь, неволя! Мир свободы
Выбирают кони.

Ночь настала. Месяц взвился
Над рекой скалистой.
Где вы кони, кони, кони?
Мир людской неистов.

* * *

Такую ли весну я ждал?
Такую ли весну хотели?
Нет-нет, конечно, не такую.
И снег сошёл, совсем пропал,
И птицы с юга прилетели,
А я печалюсь и тоскую.

Вновь зацвела сирень в саду,
Цветёт безрадостно и грустно –
То ль не хватает нежной смеха?
То ль чует кроткая беду?
В моей душе до боли пусто,
И ловит слух страданий эхо.

ВСЁ ВЕРНЁТСЯ...

На ходулях, с красным носом,
В колпаке из мешковины
Мим ходил и корчил рожи,
Улыбались звёзды в небе,
Звонко бухали петарды...
В самом центре майской Вены
За столом друзья сидели
И заздравную мне пели.
Вот такой мой день рожденья
Отмечали прежде в Вене,
А сегодня, в день весенний,
Я живу опять надеждой,
Что придёт, наступит время,
Что вернётся мир весёлый,
Без тревог и опасений.

Малыши играют в прятки...
Улыбаясь, на детишек
Смотрит в парке юный Штраус,
Вслед за ним в скупой улыбке
Я растягиваю губы.

Скрипка плачет и смеётся,
Всё, что было, всё вернётся.

СЕРГЕЙ КАМЫШОВ

*Памяти Сергея Фёдоровича Камышова,
начальника «Сахалинского морского паро-
ходства»*

Флот наш нынче... нет! не тот,
Нет величья в нём былого,
Но подходит, и придёт
Время праздника морского.
Кто нас в мире остановит?
Кто мечтать нам запретит?
Белый лайнер вижу новый,
Но ещё живёт-дымит
Первый в жизни пароход.
Не забыть его уроки:
Дикий шторм, торосы, лёд –
Практики морской истоки.
Были праздники и будни,
Был велик торговый флот,
Был когда-то, снова будет, –
Солнце ясное встаёт.
Я, мечтая, вижу чётко –
Лайнер по морю идёт.
Восторгаемся походкой –
Я и весь морской народ.
Да! Красавец современный –
Ты откуда? Кто таков?
Слышу голос из вселенной:
«Я – Серёжа Камышов!»

Ах, мечта, моя мечта,
Скоро ли ты станешь явью?
Жизнь давно уже не та,
Но я жизнь морскую славлю.

УХОДИТ ЛЕТО...

Сбиваться в стаи птицы стали,
Печаль порой встречает взор,
Внезапно ветер налетает
И исчезает, словно вор.

А в небе бледном нежность стынет –
Печаль ли, радость слёзы льёт?
Уходит лето синим клином –
На смену что ему придёт?

НАЧАЛО ОСЕНИ

Начало осени, погода странная,
Повисла в атмосфере грусть.
С утра грозит мне осень, стерва пьяная,
А мне плевать, я не боюсь,

Я не боюсь теперь смешным казаться,
Скакать по лужам во всю прыть,
Не опасаясь я прослыть паяцем
И дурнем не боюсь прослыть.

Мне можно всё, и всё уже возможно,
Что в голову мою взбрeдeт,
Ведь у меня такой прекрасный возраст,
Душа от возраста поeт.

Люблю, признаюсь, осень, стерву милую,
В погожий день и в дождь люблю.
Бывает, что зову её постылою,
Но я её боготворю.

У ПОДНОЖИЯ АКРОПОЛЯ

(ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ)

В КОРИНФЕ

*Не всякому дано плавать в Коринф.
Древнегреческая поговорка*

Не каждый взойдёт на Олимп,
Но можно, но можно мечтать,
Не всякому плавать в Коринф,
А мне удалось побывать...
Там море синее такое,
Там горы чудные до неба,
И над сияющей горою,
Звучит просительный молебен.

И радость солнечным лучом
Вдруг отразится в куполах,
И осенит наш мир крестом
Господь с улыбкой на устах.
И всё, что было, снова вспомню:
Пастуший посох из оливы –
Бредёт над пропастью паломник
Счастливый и благочестивый.

Не каждый взойдёт на Олимп,
Но можно, но можно мечтать.
Не каждому плавать в Коринф,
А мне удалось побывать.
Там мысли ясные такие –
В уединенье горнем, строгом...
И с неба чистого святые
Передают нам волю Бога.

В ЛУТРАКИ

Восходы-закаты,
И море, и горы,
И запах, что раньше ночами будил..
Грехи и расплата,
И радость, и горе, –
Я в жизни забытой немало блудил.

Но здесь отдыхаю,
Душой растворяюсь,
В придуманном сказочном мире живу.
Я в небо взлетаю,
Грешу вновь и каюсь,
Во снах это было, теперь наяву.

В лихой кавалькаде,
Средь воинов славы,
У моря в доспехах скачу.
Я в древней Элладе,
Мне всё здесь по нраву,
И всё мне уже по плечу.

ЧУДОТВОРЕЦ

*(в память о посещении
Святой обители пр. Патапия 19.05.19)*

По-над городом,
По-над морем
Звон колокольный
Птицей небесной,
Молитвой пречестной
Нежно, негромко,
Плавно плывёт.

Мощи нетленные,
Мощи живые
В Храме Святого
Старца Патапия
К службе зовут.

Дар исцеления,
Жизни продления,
Кротость усердия,
Дух милосердия
Бог даровал.

Утро воскресное,
Радость Господня,
Искренность чистая,
Святость лучистая
С гор к нам летит.

Богом помазанный
К чудотворению,
К жизни спасению
С благостью светлою
К людям идёт.

В сердце останутся
Звон колокольный
И – восхождение
К горной обители,
К светлой обители.
В сердце останется
Вера и Свет.

ГОРЛИЦА

(на мотив народной песни)

В дальней роще горлица
Нежная воркует...
У оконца девушка
На заре тоскует.

Плачет и печалится
Девичье сердечко –
Соскользнуло с пальчика
Тонкое колечко.

Полетела б горлицей,
Птицей златокрылой, –
Как же без колечка ей
Повстречаться с милым?

Солнце поднимается,
Исчезают страхи.
Девушку-невестушку
Утешает птаха:

«Успокойся, девица,
Не роняй слезинки.
Знаешь, знаешь, милая,
Тайную тропинку

К дубу, где твой молодец
Ждёт желанной встречи...
Я кольцо вам в клювике
Поднесу под вечер».

Солнце долу катится
Долго, долго, долго...
Девушка весёлая –
Крепкая помолвка.

Горлица, ты, горлица,
Птица благонравная –
Свадьба скоро станется,
Свадьба православная.

* * *

Солнце утром тихо всплыло
Над сверкающей горой,
И забыл я мир постылый,
Стала жизнь моя цветной.
В светлых красках всё я вижу,
Чёрных нет в душе обид,
Прочитаю сотню книжек,
Может, выучу иврит?
И на лодочке кататься
Буду на волне морской,
Может, даже просыпаться
Будем вместе мы с тобой?
Но сейчас стою у моря,
Позабыт и одинок...
Волны бешеные споро
Набегают на песок.
Что мне волны, коли слышу,
В мыслях слышу голос твой!
Ах, любовь, ты солнца выше, –
Я плыву, плыву домой.

ПЕСНЬ ГРЕЧАНКИ

Затерялся мой кораблик
В неизведанных морях...
Как ночами сердце зябнет –
Нету ветра в парусах.

За долами, за горами
Где-то солнце долго спит...
Я взмахну, взмахну крылами,
Улечу на остров Крит,

А потом на древний Родос
Птицей вольной упаду,
Там найду волшебный лотос,
Там кораблик мой найду.

Песня солнце разбудила –
Встало в небе во весь рост...
У любви такая сила!
Не полюбишь – не поймёшь.

Парус-лотос, парус-лотос
Стал теперь моей судьбой.
Держим курс любви на Родос,
За штурвалом мой герой.

По волнам кораблик скачет,
Чайки над водой парят.
Я – волшебница удачи,
От любви глаза горят!

У МОРЯ

Солнце на виду у горных вершин
Запряталось вечером в море...
Как жаль, что сегодня здесь я один,
Как жаль, что с тобою мы в ссоре.

Как пахнет разлукой в ночи тишина,
А звёзды притихли стыдливо...
Сбежала, сбежала куда-то луна,
Шампанского выпить иль пива?

Солнце на виду у горных вершин –
Как плохо с тобою быть в ссоре.
Стою я пред морем, стою вновь один,
Бушует гневливое море.

У ПОДНОЖИЯ АКРОПОЛЯ...

Там, наверху, сияющий акрополь,
Вершина света, Афины храм,
Смотрю наверх и жду: не позовёшь ли?
И припадаю ниц к твоим стопам.
Молить тебя, конечно, бесполезно –
Тебе нет дела до сердечных ран,
Богиня ты с характером железным...
А я? Поэт, влюблённый капитан.

ФАНТАЗИИ

Соберу букет огромный
Из немыслимых цветов.
Даме сердца, даме скромной
Каждый день дарить готов
Нежно-белые фиалки –
Символ чистой красоты,
Подарю молодой русалке
Расчудесные цветы.

Размечтался ненароком
О несбыточном, чур, сне.
Да каким, простите, боком
Стал причастен я к луне?
Кто меня с букетом пустит
На такую высоту?
Расплескалось море грусти,
С ней мне жить невмоготу.

С распрекраснейшим букетом
Вновь стою на берегу.
Есть вопросы, есть ответы,
Но я знать их не могу.
Не могу себе признаться,
Что влюбиться опоздал,
Надо вовремя влюбляться, –
Эх, кабы я раньше знал...

Чёрный ворон с ветки дуба
Смотрит грозно на меня:
«Ишь, чего старик удумал,
Не сошёл бы он с ума!»

СТАРАЯ РУССА

ВИДЕНИЕ

Столб воды стоит на площади,
Небо синью подпирает;
Скаковые чудо-лошади
Длинногривые летают;
Я люблюсь светлым обликом
Белокаменного храма;
Проплывает бело облако
У звенящего фонтана...

В Старой Руссе, в граде древнем,
Словно в солнечной деревне,
Небыль мчали чудо-лошади
На старинной светлой площади.

В СТАРОЙ РУССЕ

Жизнь была такая разная –
То шторма, то мёртвый штиль.
Наступило время праздное,
Словно сдали нас в утиль.

На курорте мы болтались,
Как и все, болтался я –
Отрывались, отвлекались
От бывшего жития.

В Старой Руссе воздух с бромом
Можно ложками хлебать.
Тишина – на всё, что кроме,
Мне сегодня наплевать.

У ФОНТАНА...

Пахнет здесь забытой Русью,
Пахнет ладом и покоем...
Пахнет бедностью, разором –
Я печален, я расстроен.
С Муравьёвым у фонтана
Был беседы удостоен –
Я сказал министру прямо:
«Ты с царём курорт здесь строил,
Но не всё мы сохранили.
Люди, жадные до денег,
Город древний разорили».
И отвечивал министр:
«Разойдутся в небе тучи,
Всё вернётся, будет лучше».

С лёгким сердцем уезжаю –
Город древний обожаю.

ПЕСЕНКА

Скоро брошу я столицу
И куплю себе лачугу
Здесь, в курортной Старой Руссе,
Заведу козу с коровой,
Куры, утки, даже гуси
Будут бегать по двору
И в ненастье, и в жару.

Гуси будут гоготать,
Утки крякать и летать,
В огороде разведу
Иван-чай и лебеду.
Будет песни петь петух,
Будет в доме русский дух.

Будет здесь моя столица,
Превращу в дворец лачугу,
Королевой станет бабка,
Королём при бабке буду;
Горько было – будет сладко.
По старинке будем жить,
Будем родину любить.

Гуси будут гоготать,
Утки крякать и летать,
В огороде разведу
Иван-чай и лебеду.
Будет песни петь петух,
Будет в доме русский дух.

КУРОРТНЫЕ ПОБАСЕНКИ

1. И ВО СНЕ СО МНОЮ УТКИ...

Утки в парке в Старой Руссе
И бесстрашны, и нахальны, –
Где желают, там гуляют,
Даже плавают в купальнях.

По прогулочным аллеям
Средь людей утята бродят.
Гулко крикают мамыши,
Утки всеми верховодят.

Что им люди? Пищи вдоволь
На просторах на болотных,
Потому-то расплодились
Серы утки беззаботно.

Подражают дамы уткам,
По-утиному ступают.
Крякать тоже научились,
Только... только не летают.

В шляпе белой, в красных шортах,
Распустив сорочки ворот,
Я хожу как бравый гоголь,
Позабыв занудный город.

2. ПИСЬМО В СТАРУЮ РУССУ

Греют душу вспоминая
О былом и позабытом –
Старорусские свиданья
У фонтана терпким летом.
Помнишь, Зина, генералов?
В парке летние гулянки?
Помнишь, Мишу ревновала
То ль к грузинке, то ль к армянке?
От лампасов на мундирах
Нам тогда в глазах рябило.
На траве, а не в трактирах
Пилось, елось и любилось.
Коньяки от генералов,
Доморощенная закусь –
Студень твой, от Миши сало,
Стол – палитра сикось-накось.
Во всю прыть бы побежала
В замечательную сказку.
Сказки той давно не стало,
Стало время нудно-вязким.
Генералы, генералы,
Где теперь их носит дьявол?
Генералов прежних бравых
Как нет слева, так нет справа.
Но Мишаня, Зина, верный –
Можешь мужиком гордиться.
Не шути, что в битве первый,
Если бой ему приснится.
Хоть мужик росточком малый,
Но покрепче будет стали.
Генерал из генералов –
Тех, что спят на сеновале.

* * *

Потоки света с неба льются,
Играя бликами в реке,
Цветы по-доброму смеются,
Коровка божья по руке
Ползёт-бежит неторопливо...
Я в умилении шепчу,
Что вслед за ней, такой красивой,
Куда угодно полечу.
Цветы смеяться расхотели,
И солнце спряталось в реке.
Коровка божья вдруг взлетела
И вмиг исчезла вдалеке.

«Спугнул любовь ты невзначай», –
Кричит в душе моей печаль.

ЦВЕТЁТ РАЗНОТРАВЬЕ
В СТЕПИ...

(ИЗ МОНГОЛЬСКОЙ ТЕТРАДИ)

ГОБИ

Вдруг вспыхнул золотистый свет,
Собой барханы озарил...
Спросила тихо ты: «Поэт,
Кто это чудо сотворил?»

Звучали флейта, голоса
И барабанов звук глухой.
Светились золотом глаза,
И пело небо нам с тобой.

С тех пор как будто век минул,
Хоть не прошло и пары лет.
Цветёт в пустыне саксаул,
И на двоих один рассвет.

Я, Гоби, верю в чудеса –
Пусть золотится светом даль!
Я заглянул в твои глаза,
Любовь моя, моя печаль.

МОРИНХУУР

Раздался звук
протяжно-нежный –
мелодия степи
рождалась.
И я, прозрев,
и тот мотив,
и песню ту
вдруг распознал,
душою принял.
О, Моринхуур!
Вот так удача –
на фоне гор
тебя услышать.
Пустил я вскачь
коня гнедого,
и вслед за мной
бежали овцы,
бежал табун,
бежало солнце,
взлетев из-за горы,
катилось мне навстречу.
О, Моринхуур!
С тобой вся жизнь,
и жизнь – в тебе.
Среди снегов девчонка
в белом малахае
касалась струн
покладистым смычком.
А две струны
кричали,
плакали,
смеялись.
Крылатый конь
внимал тем звукам.

О, Моринхуур!
С тобой восторг
и счастья муки,
и не страшна
с тобою смерть.
Два пастуха
внимали пенью,
и лошади,
забыв копытить мёрзлый снег,
мотали гривами в такт музыке живой.
О, Моринхуур!
Тобою очарован,
забыт вчерашний день,
себя забыл я.
Девчонка в малахае
вскочила вдруг
на красного коня
и ускакала прочь...
О, Моринхуур!
Ищу тебя по всей степи
в надежде, что
я музыку услышу...
Скачу и день, и ночь,
и в зной, и в стужу;
и, может быть,
увидю ту,
которой, друг мой Моринхуур,
ты верно служишь?

ПЕСНЯ СТЕПИ

Цветёт разнотравье – от красок багровых
Земля Чингисхана пылает огнём.
Цветёт моя степь под небесным покровом –
Небесная синь ниспадает дождём.

Идёт караван из двугорбых верблюдов,
Неспешно идёт он в весенней степи,
Родные мне люди, мне близкие люди,
И солнце над ними висит на цепи.

В степи я родился, мои здесь истоки,
Меня не сломают жара и мороз,
В желаниях скромных и в мыслях далёких
Душой я навеки в Монголию врос.

На лошади мчусь в океане безбрежном
И ветер пытаюсь лихой обогнать.
Мой дух непокорный, и сердце мятежно –
Смогу даже время рукой удержать.

Идут караваны двугорбых верблюдов,
Шар огненный в небе висит на цепи.
Суровое время, безгрешные люди –
И горе, и счастье в бескрайней степи.

ПОЁТ ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК...

Искрится бело-синий снег,
Бегут горбатые барханы...
Идёт великий человек
В монгольском красочном кафтане.
На нём пушистый малахай,
И лента синей речкой вьётся,
Ты человеку не мешай –
Ему на солнышке поётся.
Поёт о жизни, о зиме,
О друге, ласковом верблюде,
О том, как скачет он в седле, –
В пустыне кто его осудит?
Раскрыт в протяжном пенье рот,
От ветра щёки заалели.
Как упоённо он поёт!
Звучат над зимней степью трели.
А человек росточком мал –
Ему всего лет пять от роду.
Ручейный, искренний вокал, –
В той песне скрыты жизни коды.

БРАТИК

У меня есть братик меньший,
Очень я его люблю.
Я, как принято у женщин,
Всех мужчин боготворю.
Но братишка! Он дороже
Остальных мужчин в степи,
Жаль, охотиться не может, –
Надо брату подрасти.
Я о маленьком забочусь,
На спине ношу его...
И скажу вам, между прочим,
Мне ничуть не тяжело.

СТЕПНАЯ ЛОШАДЬ

Малиновая, рыжая,
И белая, и бледная, –
Степной надёжный друг;
Строптивая и смиренная,
И добрая, и вредная, –
В ней скрыт монгольский дух.

Бардовая, багровая,
И алая, и чёрная –
Летящая стрела.
Пинается и фыркает,
Но умная, не вздорная,
Дал Бог ей два крыла.

Выносливая, сильная,
В степи незаменимая,
В морозы и в жару
Она неприхотливая,
Родная и любимая, –
Без лошади умру.

* * *

Шепчу слова хорошие,
Тихонечко шепчу,
На светло-алой лошади
Над степью я лечу.
Характером похожие –
Не разольёшь водой,
Лети, моя хорошая,
Вдогонку за судьбой.

И МОЖЕТ БЫТЬ...

Притих ягнёнок на руках,
У мальчика притих.
Невинность светится в глазах,
Невинность у двоих.

Неведом грех, неведом стыд,
И зло неведомо двоим...
Весь мир пока для них открыт,
Всевышним мир детей храним.

Пройдут года, и, может быть,
Смахнёт слезу седой старик –
В степи пришлось всю жизнь прожить,
Прошла она... прошла как миг.

ЭХ, МЕЧТЫ, МОИ МЕЧТЫ...

Вьётся синий дым
Над шатровой крышей,
Круглой и покатою...
Был бы молодым,
Был бы я без грыжи,
Был бы не горбатым,
Эх, да что и говорить,
Мне б в степи монгольской жить.

Горб верблюду подарю,
Скину с плеч свои года,
Брошу город и свалю
В степь иль просто в никуда.

Вьётся, вьётся синий дым
Над покатою крышей,
Снова стану молодым,
Сильным и без грыжи.
Эх, мечты, мои мечты
В ожиданье лета.
Хорошо с мечтами жить
Русскому поэту.

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

(песня охотника из племени цаатанов)

У подножья синих гор,
На тропинке на оленьей,
Состоялся разговор
С белым северным оленем:
– Белый, белый мой олень,
Как тебе зимой живётся?
День и ночь ты, ночь и день
Должен с холодом бороться.
– Враг – верёвочный аркан,
Дом – тайга зимой и летом.
– Кто охотник?
– Цаатан.
– Дружишь с кем?
– С весёлым ветром.

Я оленя пригласил
Погостить в шатре зимою.
Он подумал, погрузил
И сказал: «Аркан с тобою,
Ты бы с ним в шатре и жил».
Зверь рогами помотал
И куда-то ускакал.

День и ночь, и ночь, и день
Я ищу тебя, олень.

ВЕРБЛЮД

Да! Двугорбый. Ну и что же?
На других он непохожий.
Рыжий весь и с дикой мордой,
Страшной, но до жути гордой.
Шерсть – руно, глаза – озёра,
Свет от них в пустыне голой.
Глуп на вид? Скорее – странный,
Иль, точнее, вид барханный.
Сил не счесть в огромном теле,
Без воды живёт недели;
И в жару, и даже в стужу
Человеку верно служит.

В дружбе добр, в обиде лют –
Царь пустыни, друг-верблюд.

ЛЮДИ И ВОЛКИ

Волчья стая – сила грозна,
У волков инстинкты правят;
У людской толпы безмозглой
Нет закона, нет и правил.
Рушит жизнь толпа слепая
И себя в ней не жалеет;
То ли дело волчья стая –
От азарта не дуреет.
Здравы, трезвы, хладнокровны
И разумны звери-волки;
Люди вечно неуёмны,
Тратят жизнь свою без толку.

Восхищает волчья стая,
Огорчает жизнь людская.

ОХОТНИЦА

Красавица-охотница
С колчаном за спиной,
И лук в руках, как водится,
А конь степной крутой
Под девушкой взвивается,
Взлетает до небес,
Гарцует и брыкается
Молоденький балбес.
Возможно, серебристый конь?
Возможно, вороной?
Горячий и неистовый,
Дарованный судьбой.
Восторгом небо светится,
Зовёт степная даль.
Охотница-наездница,
Любовь моя, печаль,
Умчалась в даль лучистую,
Растаяла во сне –
Скачу за ней неистово
На сказочном коне.

БЕРКУТ

На огромном валуне
Беркут примостился,
Что притих, герой степной?
Может, притомился?
Крылья грозны, клюв крючком,
Острый взгляд, орлиный.
Мощь смертельную таят
Лапы-исполины.

С неба камнем тень падёт
Прямо на живое,
Жизнь безвинная уйдёт –
Жить ли в мире нам с тобою?

ЗОВ КРОВИ

Я слышу зов, далёкий зов,
Влекущий зов любви и крови.
И музыка гортанных слов
Приходит вдруг из дальних снов,
И жизнь моя навеки в Слове.

Играет волнами ковыль,
И я лечу на кобылице,
И впереди клубится пыль,
И не понять, где сон, где быть, –
И невозможно не влюбиться.

А вы стоите у окна,
И разговор ведём мы светский.
Бокал нетронутый вина.
Вы – здесь, со мной – и вы одна, –
И улыбаетесь по-детски.

Я представляю вас иной –
На скакуне в степи поющей.
И вы, и я, вслед за ордой,
Летим на Запад за судьбой,
В мир неразгаданный, зовущий.

В глазах раскосых страсти зов,
В глазах лихая страсть таится!
И я сейчас, как встарь, готов
За вами вслед, без лишних слов,
Умчаться в степь на кобылице.

А ЖИЗНЬ ПОЛНА
СУМЯТИЦЫ...

* * *

Сниму штиблеты с головы,
Они уже устали.
Привычней шаркать им в пыли,
Таскаться по дорогам
Зимой промозглой;
Весной и липким летом
В объятых шёлковой травы
Удобно жить штиблетам.
Но некомфортно (просто ужас!)
На воспалённой голове
Торчать,
Порою тужась,
Пытаться осознать,
Что происходит?
И почему,
Гудя пчелиным роем,
Полчища мыслей
Вдруг разбегаются вразброд?
А перегретый череп остывает,
И мозг становится болотом?
Не верится простым штиблетам,
Что вдруг случилась гадость эта
При них и с ними;
Ведь туша раньше их топтала,
Теперь она внизу...
Кто разместился в голове,
Пиная бедных раз за разом?
Терпеть такое невозможно.
Встают «волосья» дыбом,
И мураши по телу
Сигают беспрерывно...

Штиблеты словно на вулкане
Иль даже в преисподней.
Сниму штиблеты с головы,
Верну им жизнь былую!

О ШЛЯПЕ

Нахлобучу шляпу с тульей
Непомерной высоты,
Выйду в сад к пчелиным ульям,
В мир зелёной красоты.
И в сорочке бело-белой
Буду праведно гулять,
Пчёлы будут обалдело
Вкруг меня, жужжа, летать.
И очищусь я душою
От заботы городской,
А потом вдвоём с тобою
Заведём пчелиный рой.
Поживу немножко трутнем
В окруженье сладких пчёл.
Знаю-знаю, как-то утром
Должен я в заветный дол
Улететь, иначе пчёлы
Будут жалить, будут гнать,
Без порток смешным и голым
Мне останется лежать
Посреди живой долины,
Где вчера скопил траву.
Думал ль я досель-доныне,
Что такое наяву
Может вдруг со мной случиться?
Спит – не спит ночная птица,
Шляпа ждёт в ночи рассвета –
Очень жарко нынче лето.

НА РЫБАЛКУ

(пьяный ноктюрн)

На рыбалку мы катим
Средь весенних цветов –
От цветастого платья –
Шлейф лукавых духов.

По глазам я читаю
Пожеланье звезды
И с восторгом ныряю
В лоно чистой воды.

Ночь с тобой на рыбалке
Не забыть никогда.
Поплавок, леска, палка,
И струится вода.

От рыбалки шалею,
Полной грудью дышу.
Ни о чём не жалею,
Ничего не прошу.

СЫГРАЙ ВОРОНЕ НА ГАРМОНИ...

(невредные советы себе)

Ворона каркнула три раза,
Так, словно каркать птице лень.
Вставай, Мареев, ты обязан, –
Встречай весенний, ясный день.
Сыграй вороне на гармонии,
Попробуй каркнуть или спеть,
Ведь лучше жизнью жить вороньей,
Чем сиднем за столом сидеть.
Летает птица на просторе,
Ей каркать любо с высоты.
В твоих стихах интриги, ссоры
И масса всякой суеты.
Поэту нужно жить вороной
И, может, каркать по ночам?
Играть в охотку на гармонии, –
Всё остальное знаешь сам.

СУМАСШЕДШИЙ АВГУСТ

Знойный август весь в колючках
В жизнь нескладную вкатил.
Пёс цепной вскочил на сучку
И в загрибок пасть вонзил.
Баба, ойкнув, и что силы
Вдруг пошла, пошла орать,
В сквер ближайший припустила
Так, что бабу не догнать.
Сумасшедший знойный август,
Ты достал меня уже.
Весь в колючках, словно кактус,
Прячусь в тёмном блиндаже.
Я дружил с тобой, бывало,
Жили мы без суеты.
Что с тобою, август, стало,
Ты ли это иль не ты?

Взял я сам себя на руки,
К морю южному понёс.
Рядом две бежали суки
И чужой весёлый пёс.
А на море, море Чёрном,
Август стал совсем другим:
Добрый, ласковым, невздорным,
Другом преданным моим.
Пёс у моря не прижился,
Кобели там есть свои.
Сучкам берег полюбился,
Только ссохлись от любви.

ПЕСНЯ РАЗБОЙНИКА

Как надену шляпу я
Из соломы белую,
Оторву-оттяпаю
Вишню красно-спелую, –
Чтоб коса до пояса,
С синими глазами,
С нежно-звонким голосом,
С крыльями-руками.
Набекрень надвину я
Шляпу с лентой жёлтою,
Кол возьму осиновый
И пойду разбойничать.

Я для милой, я для милой
Жизнь свою не пожалею,
А убьют, так из могилы
Встать опять живым сумею.
Ах ты, шляпа, шляпа белая, –
Тулья филигранная,
Доля – курва ошалелая,
Наглая и пьяная.
Отчего же всё так случилось?
Доля непутёвая
По наследству мне досталась,
Доля бестолковая...

Как надену шляпу я
Из соломы белую,
Втюрюсь тут же в бабу я,
В хохотунью смелую;
Крепкую и ладную,
Страстную до жути...
Жизнь вдвоём отрадную
Вместе мы раскрутим.

Набекрень надвину я
Шляпу с лентой жёлтою,
Кол возьму осиновый
И пойду разбойничать.

ИСТИНА В ВИНЕ...

In vino veritas

Водку пить давно я перестал,
Пиво лить в себя негоже.
Может быть, взберусь на пьедестал
И известным стану, может...
Но винище вёдрами хлещу,
А напьюсь, так хулиганю,
Правду-матушку в стихах ищу,
В голове премного дряни.
Безуспешно с дрянью я борюсь –
Может быть, вернуться к водке?
Водкой сладкой вновь зальюсь,
От души зальюсь, в охотку.

* * *

Истина... она в вине,
Что в гранёном стакане.

О ПОЭТЕ

1. НЕ АСКЕТ

Говорила, говорила,
Без умолку тарахтела,
Всех достала вражья сила
И пропала-улетела.
Тишь заветная настала,
Звон остался лишь в ушах,
Где моё не пропадало,
Я, отбросив всякий страх,
Завязав навек с аскезой,
Словно заново родился,
И под звуки Марсельезы
Во всё тяжкое пустился.
Жизнь вдруг стала горько-сладкой,
Пью-гуляю без устатку...
Сам себя же убеждаю –
Не аскет я, не аскет!
По ночам средь звёзд летаю –
Прибабахнутый поэт!

2. ТИПИЧНО НЕТИПИЧЕН...

Заворкует, словно голубь,
Мотыльком рванёт на свет,
Чертовщины всякой полон, –
Прибабахнутый поэт.
Глушит спирт, когда приспичит,
И «на шару» пьёт коньяк.
Он типично нетипичен,
Он – дурак и не дурак.
Белу шляпу с лентой красной
Научился он носить.

Белу шляпу с лентой красной
Не мешало б с него сбить.

3. ГРУСТЬЮ ДЫШАЩИЙ...

Чую лёгкий запах бражный,
Запах чистых, юных лет, –
Статный и слегка вальяжный,
Грустью дышащий поэт
Скупое на ходу роняет
Благовестные слова...
Голова уже седая,
Юной была голова.
Напрягаю память, зренье, –
Узнаю – не узнаю?
Позади поэта тени,
Впереди я сам стою.
Боже мой, в поэте вижу
Я себя. К себе иду...
Тени прошлые всё ближе,
У теней я на виду.
Мысли, мысли, горе-мысли,
Отпустите вы меня.
Прерывает мысли выстрел,
Ослепляет снопом огня.
Вспоминается вальяжный,
Грустью дышащий поэт, –
Взгляд открытый, запах бражный, –
Жаль, что жизни прежней нет.

ГОЛОС БЫЛ...

Если утром встанешь поздно
И головушка больна,
Отнесись к сему серьёзно
И не пей с утра вина!
Огуречного рассола
Из бадьи, мой друг, испей.
Вспомни юность с комсомолом,
Вспомни белых журавлей.
И тогда отступит тяжесть,
Мозг похмелье изведёт.
Сам себя ты не накажешь –
Ты – поэт, не идиот.

* * *

Голос был... Глаза открыл –
Сам себя я победил.

ВОРОН

Настучал железный дятел,
Что наш ворон воровит,
Что имеет сотню братьев,
Что он тот ещё бандит.
Что намедни у поповны
Крестик с шеи уволок.
Что обиды долго помнит –
Волку вырвал шерсти клочок.

Каркнет ворон, чёрт горбатый,
Жду подвоха, не дышу,
И дорогою десятой
Хату птицы обхожу.

ИСКРЕННЕЕ...

Достал меня до самой плевры,
До всех печёнок он достал...
Я беспокойный, даже нервный,
Я от него давно устал.

Жужжит, жужжит, что шмель осенний,
Без смысла всякого жужжит –
Поток-лавина всякой хрени,
От слов его порой знобит.

Он зла, я знаю, мне не хочет,
Он вечный двигатель добра...
Терпеть добро его нет мочи,
Да лучше б он желал мне зла.

Но я терплю, всю жизнь терплю,
Его я искренне люблю.

О ПОЛЬЗЕ ЧАЯ

На столе стоит букет
В деревянной вазе, –
Угодил на склоне лет
Я одной заразе...
Чем красотке угодил,
Хоть убей, не знаю,
Но букет вдруг получил
И три пачки чая.
Чай, простите, не простой,
Символ на коробке –
Старец, с виду золотой,
Важный взгляд, не робкий.
А букет сразил меня
Странностью намёка:
Среди роз торчит фигня –
Перец краснобокий.

* * *

Пью чаёк я каждый день –
Испарилась напрочь лень.

КУРАЖ

Визжат несносно тормоза,
Грохочет, кашляя, трамвай,
Совсем не ласкова гроза –
С ума сошёл, наверно, май!
Таит в себе угрозы ночь,
Вокруг свирепствует бедлам.
Давай сбежим отсюда прочь,
Давай уедем на Гуам,
На Кипр, на Искью иль на Жут,
Давай куда-нибудь рванём?
Туда, где нас совсем не ждут,
Туда, где будем мы вдвоём...
Где море, солнце и песок,
Где будет петь нам Одиссей,
Где рок и блюз, где блюз и рок,
Где нет врагов и нет друзей.

ОТРАДНАЯ ЖИЗНЬ...
(монолог весёлой женщины)

N.N.

«Всеядная, всеядная», –
Шипят мне бабы вслед,
А я незаурядная,
Другой такой и нет.
Свои имею козыри,
За пазухой – тузы.
Плясать могу до одури,
Влюбляюсь до шизы.
Хоть я сама высокая,
Мне маленькие в кайф,
Услышу: «Синеокая...», –
Испытываю драйв.
Фартовые и наглые
И умные мои,
Простые и понятные
Красавцы-мужики.
А жизнь, она короткая, –
Я шикавать люблю,
Не заливаюсь водкой я,
Кисель морковный пью.
Весёлая, всеядная,
Живу вот как могу...
И жизнь моя – отрадная –
Её я берегу.

ОТКРОВЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

...Убираю и стираю,
Мою, глажу и готовлю,
Мужа ночью ублажаю
Не по долгу, а с любовью.
Я усвоила урок
Многоопытной свекрови:
Не перечить, не скандалить,
Не просить, не унижаться,
Не тревожить, не печалить, –
Вот какой жена нужна!
Муж полюбит «мазерати»,
Тут же я авто срисую.
Муж захочет цирк в кровати,
Цирк ему я презентую, –
Всепогодная жена!

А на кухне я стараюсь
Быть в себе и быть собой.
Тихо в тряпочку ругаюсь,
Посылаю всех в забой –
С матом ли, без мата ли,
Впрочем, не об этом речь,
Мужа надобно лелеять,
Мужа надобно беречь.

Научилась быть примерной,
Идеальной супругой,
Скромной, доброй, в меру верной,
С телом нежным и упругим.
Знаю-верю, баба сдюжит,
Будь какого чёрта-мужа.

* * *

Бричку новую купил,
Пара вороная, –
Я певунью полюбил...
Мама дорогая!
Вот так бюст! У дамы бюст
Больше, чем карета,
Я в отпаде, я без чувств...
Средь живого лета
К бюсту резво в бричке мчусь,
Ветер обгоняя,
За хвосты коней держусь
И кричу: «Родная,
Уведу, ой, уведу
Я тебя у мужа...»
Слышу голос как в бреду:
«Ты мне нужен, нужен!»
Разухабисто поёт
Поля-Пелагея,
Льётся с уст певучих мёд,
Мягче речь еля.

* * *

Пристяжная влево косит,
Бьёт копытом коренник...
«Где же черти тебя носят?», –
Каждый вечер слышу крик.
Пелагея, Пелагея,
От любви твоей немею.

НАУДАЧУ

За калиткой на дороге
К ночи выросли сугробы –
Не пройти и не проехать,
Вот такая вот потеха.
Как же быть? И что мне делать?
Время важное пришло,
Не до шуток, не до смеха, –
Кто насыпал столько снега?
Гололедица, заносы,
Как пройти к рыжеволосой,
Справной, ладной Агриппине,
Чтоб подбить к красотке клинья?
Ведь у дамы три коровы
И бугай, как слон, здоровый,
Две перины, пять подушек,
Куриц двадцать пять, несушек,
Крепкий ром, вино, настойки.
Хоть мужик я, к бабам стойкий,
Но влюбился в Агриппину
С взором ласковым, невинным.

Вьюга воет и хохочет,
Время вышло к полуночи,
Сердце ноет и страдает –
Агриппину я теряю.
Быть – не быть... взнуздаю клячу,
Ринусь к даме наудачу.

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

Снег в лесу до пояса,
А нам всё нипочём, –
Песенку в два голоса
Мы весело поём.
Эхо вторит пению,
Мороз звенит-трещит,
Белка в изумлении
Опасливо глядит.

Снег летит за шиворот,
То свет мелькнёт, то тень.
Шиворот-навыворот –
Такой забавный день.
Косо лыжи катятся,
Летим мы кувырком.
Полон лес сумятицы,
А мы в мороз поём,
Мы весело поём.

С БОДУНА

N.N.

1.
Грачи прилетели
И снег обмарали,
Последний белеющий снег.
Грачи озверели,
Достали, достали...
В ответ лишь дурацкий твой смех...

2.
Ты – трезвый,
Ты – резвый;
А я? С бодуна, с бодуна...
Ты – здравый,
Ты – правый;
И здравым приходит хана...
Не надо хитрить,
Не надо мудрить,
Не будешь себя ты умней!
Умнее всех жизнь,
Пред Небом смирись,
Ведь Небо всей жизни мудрей.

3.
Утром встанешь, врежешь пива
Или кислого вина...
Что за чудо, что за диво –
Хорошо быть с бодуна!

РАЗГУЛЯЙ

Наде Зайцевой

Нынче Первое апреля,
Говорят – День дураков,
Кто-то верит, я не верю...
Средь зелёных облаков
Я увидел два слонёнка, –
Это что же? Я – дурак?
На их хоботах девчонки
В красно-синих колпаках
Смело-весело качались
Вниз и вверх, и – вверх и вниз;
Две лягушки целовались;
Гном по имени Каприз,
Раздувая щёки лихо,
Сбор вселенский протрубил, –
Позвала ребят слониха
На задорный детский пир.
Вмиг всё небо опустело,
Где же все? Ушли куда?
Очень важное есть дело,
Это вам не ерунда,
Ведь у Нади день рожденья –
Самый круглый юбилей,
Приходите без стеснения,
Приглашайте всех друзей.
Там – конфеты «рачы ушки»,
Лебединый синий чай,
Подают его лягушки,
Будет праздник «Разгуляй»!
Нынче Первое апреля –
Самый лучший день в году.
На слоновьих на качелях
Покачаться я приду.

БАЛЛАДА О СЫРНИКАХ

Наде С.

Сочные и нежные
Сырники творожные,
Вас я обожаю,
В синенькой тарелочке
С беленькой каёмочкой –
От восторга таю.

Ручки страстно-чуткие,
Пальчики проворные, –
Сырники лепились.
И в печурке ласковой
Да с любовью страстной
Нежились-томились.

Тайною приправлены,
Пылкие, горячие
Снились ночью тёмной...
Приносила сырники
Скрытно чудо-женщина
В уголок укромный.

Свет в окошке синеньком
Под глухой мансардою
По ночам моргает.
Жду-желаю сырники
Нежные и сочные,
Жду, а сердце тает.

А ЗА СЕЛОМ, НА ВЫСЕЛКАХ...

По небу, небу летнему
Летела птица хищная,
А за селом, на выселках
Мышь серая жила.
Запуганная, нищая,
А в теле, теле лысеньком
Кровь жидкая текла.

И эту мышку серую
Узрела птица зоркая,
Сложила крылья мощные
И бросилась в пике.
Судьба у мышки горькая,
Судьба у мышки ложная –
Висит на волоске.

На горе ли, на счастье ли,
На крыше на соломенной
Лежал себе и здоровал
Котяра – хитрый глаз.
Тот кот, он был особенным –
Покладистым и ласковым,
И мышку тут же спас.

...А за селом, на выселках
Простая жизнь течёт.
Там котик с мышкой лысенькой
В согласии живёт.

ВПЕРВОЙ...

Ох... с утра настрой такой
Радостно-весёлый,
Как тогда, когда впервой
Собирался в школу...
Прочитал давно букварь
И писать умею,
Всё равно в душе пожар –
То ли я затеял?
Веселюсь, а сам боюсь,
Не унять тревоги.
Ведь со мной печаль и грусть,
Их не скрыть от Бога.
Погулял я молодым,
Удержу не ведал.
Жизнь растаяла как дым,
Стал давно уж дедом.

* * *

Отпусти грехи мои –
Может, стану чище?
Сердце праведной любви,
Покаянья ищет.

* * *

...И каждый день в соседней роще
С утра пел песни соловей,
Голодный кот, как швабра, тощий,
Со странным именем Кощей
Сидел под плачущей раkitой
И пенью соловья внимал.
Всходило солнце и купалось
С лягушками в живом пруду,
И нам любилось и мечталось –
Мы были с космосом в ладу.
Но кот облезлый под раkitой
Наш мир гармонии взломал –
Взметнулся он голодной тенью,
Исчезло пенье соловья.
И без причин, без сожаленья
Она вдруг бросила меня.
И высох пруд, сгорела роща,
Но солнце светит, как всегда...
Что будет дальше? Жизнь вернётся?
Иль не вернётся никогда?

О ДРУГЕ

А.Ш.

Звали в детстве его Феб,
Был красив и лучезарен,
Возмужал божок, окреп,
Стал суров, сильнее стали.
И усища отрастил
Рыжеватые, кошачьи;
Ум донельзя обострил,
Пристрастился к крепкой чаче.
Бросив чачу, испугал
Всех суровостью решенья,
Но... взошёл на пьедестал,
Стал великим, без сомненья.
«Ваша светлость, ваша честь», –
Друг мой княжеского роду...
Деловой – заслуг не счесть,
Не толчёт он в ступе воду.
Руки выросли от плеч,
Не от места от срамного, –
С топором пирог испечь
Проще нет ему простого.
В море он не пропадёт;
С банком справится на танке,
Он деньжищам знает счёт,
Хоть и жил на полустанке
Мировых морских дорог,
Мощь державы там крепил;
Мог скрутить в бараний рог
Всех, кто вред ей приносил.
Но он добр, лучист и прост
И умён (скажу без лести)!
Подниму за друга тост,
Рыцаря любви и чести.

Напоследок я скажу:
«Дружбой нашей дорожу,
Но послушай, Аполлон,
Будешь в доме ты при власти,
Будешь ты здоров, как слон,
Будешь ты купаться в счастье,
Если будешь, друг мой, слушать
Богом данную супругу,
Аполлон, прочисти уши,
И поверь раз в жизни другу».

ГОШЕНЬКА

В.Т.

Он в синих тапочках,
Пальто в обтяжку...
На брюках латочка,
Лоснится ряшка.
А он хорошенький
Такой пузанчик...
Налей-ка, Гошенька,
Налей стаканчик!
Стаканчик водочки,
И с морозилки,
Под хлеб с селёдкой
И песнь с мобилки.
Такой хорошенький,
Усы в сединку,
И спляшет Гошенька,
Да под сурдинку.
Он, кроме прочего,
Ух, работающий,
Ведь из Долочья он,
Там нет ледащих.
Ах, Гоша, братец мой, –
В руках котлетка,
Подкинут ты судьбой, –
На сердце метка,
А мы бодаемся –
Козлы седые.
И притворяемся,
Что мы крутые.
Но всё прекрасно,
Хоть и стареем.
Ты, брат, Тарасов,
А я Мареев!

НА АРБАТЕ

Отброшу в сторону печаль и скуку
И на Арбат ночной гулять попрусь,
Я не святоша, не ханжа, не бука,
Сегодня радостно и вдрызг напыюсь.

Возьму с собой шампанского бутылку,
Возьму с собой бургундское вино,
Ведь за Арбат любимый, ярко-пылкий,
Скажу, друзья, вам: выпить не грешно.

Арбат и скука, да! Несовместимы,
Не зря Поэт, бывало, здесь гулял.
Летают над Арбатом херувимы,
Намедни, говорят, Поэт летал.

Пройдусь по улице, и с Окуджавой
Дуэтом песню про Арбат споём,
И солнце брызнет утром светом ржавым, –
Мы на Арбате с ним вдвоём гульнём.

А на Арбате всласть гуляют девочки,
Гуляют мальчики – такая вот игра!
Вино смакуют с пивом на скамеечке,
Не спит Арбат, с утра не спит и до утра.

О П А С А Ю С Ъ С П У Г Н У Т Ь
Т И Ш И Н У ...

* * *

Морской простор до дна заполнен
Закатным тихо-грустным светом,
О чём-то напевают волны..
Укрыта в кресле ярким пледом,
Ты провожаешь уходящий день.
Я подойду и сяду рядом
И обниму тебя за плечи,
Вдруг встречу с потаённым взглядом –
Улыбкой озарится вечер,
На миг прогнав с лица седую тень.

ПРЕДВКУШЕНЬЕ

Как хорошо гулять у моря,
Когда пустынно побережье
И даже чайки не летают,
Рассвет лишь только-только брезжит,
А мир людской устало спит.

И вот сегодня, в предвкушенье
От скорой встречи с морем славным,
Я запах водорослей чую,
И шелест волн, гонимых ветром,
Доносит время до меня.

Нет, побережье не пустынно,
Песок взорвётся вдруг фонтаном –
Вмиг кроха-краб рванёт навстречу,
Замрёт внезапно в беге пьяном
И скроется бочком в воде.

Потом, когда взойдёт светило,
Я встану пред твоим балконом
И буду ждать, когда ты выйдешь
И мне пошлешь с улыбкой сонной,
Пошлешь воздушный поцелуй.

* * *

Ане Барановой

Сидим с тобою у костра,
Забыв о хаосе вселенском.
Палитра памяти пестра –
О, сколько в ней судьбы оттенков!
И всё, что мучило вчера,
В другой судьбе уже осталось.
Какие нынче вечера!
Ушла с души моей усталость.

* * *

Палитра памяти пестра,
А я храню в мешках холщовых
Котёл, треногу для костра
И... веток запаха еловых.

МЫ ТАК НЕ ВИДЕЛИСЬ ДАВНО...

Услышав тихий женский вскрик,
Я вдруг проснулся среди ночи.
Какой-то миг... Всего лишь миг –
В окне увидел чьи-то очи,
И тут же я к окну рванул.
Звезда от дома отдалялась...
О Боже! Я тебя спугнул –
Иль это всё мне показалось?

Мелькают кадры, как в кино, –
Мы так не виделись давно.

БЫЛ ГОЛОС ТВОЙ...

Смотрел в надежде я на телефон,
Но он молчал, он в тряпочку молчал...
Вся жизнь была поставлена на кон,
И вдруг... о, ужас! Он заверещал.

Потом был голос твой, была моя печаль, –
Но всё ушло, и ничего уже не жаль.

* * *

Ах, что за прелесть осень эта!
Не то что пламенное лето –
Шипя, исчезли в норах змеи,
Воспоминанья душу греют...
Что будет завтра? Нет, не знаю, –
Сегодня осень принимаю,
И, грусть нежданную лелея,
Я сам себе шепчу: «Мареев,
Тебе по сердцу нежность света?
Вернулась Муза с ним к поэту...»

* * *

Тишина, тишина, тишина...
Средь пушистых снегов у небес на виду
В платье снежном застыла сосна.
Осторожно по белому полю иду,
Опасаясь спугнуть тишину.

Постою средь снегов у сосны,
Бессловесно заветную песню спою
О любви, о приходе весны...
Я дыханием сердце сосны растоплю,
Не тревожа в снегах тишину.

СЛАВНАЯ, ХОРОШАЯ...

Платье золотистое,
Шея лебединая,
Искренняя, чистая,
Нежная, ранимая.

Я целую ладони твои,
О тебе тайно песни слагаю,
Золотые слова о любви
Бесконечно тебе повторяю.

Для тебя в небе звёзды зажглись,
Жаворонок распелся зимою;
В моей жизни теперь твоя жизнь,
И в мечтах я летаю с тобою.

О тебе мне поют соловьи,
О тебе мои сладкие грёзы...
Сколько таинства в чистой любви,
Сколько силы таят в себе розы!

Нынешней зимою
С первою порошею...
Встречусь ли с тобою,
Славная, хорошая?

* * *

А в моём саду –
Добрый старый пруд,
На воде кувшинки.
А в моём пруду
Караси живут –
Золотые спинки.

Там печаль-карась
Посреди цветов
Плавает-гуляет,
Вспоминает нас...
Средь обломков снов
Стрекоза летает.

Сядет на цветок,
В небо упорхнёт –
Скроется на воле...
Я, не чуя ног,
Напролёт всю ночь
Бегал там дотоле.

Старый добрый пруд
Помнит стрекозу,
Помнит и скучает.
Грусть цветы поют,
А в пруду слезу
Наш карась роняет.

* * *

В солнечных лучах
На песке следы
На твои похожи.
С солнышком в руках
Ты, родная, ты
Лет на сто моложе.

* * *

Была любовь, любовь была...
Родившись робкой на рассвете,
Любовь свободно жила,
Нагой купалась в нежном лете.
Прошло почти сто лет с тех пор,
Любовью я не налюбуюсь –
И та же стать, и тот же взор,
Я, восхищаясь, вновь волнуюсь.

Открылось мне на склоне лет,
Любовь не знает слова «нет».

МОЙ АНГЕЛ

Ко мне спустился ангел в красном платье,
Парило облачко пушистое над ним,
Ведь я не знал, а нужно было знать мне,
Что я судьбой и нежным ангелом храним.

Мой ангел, вы меня спасали
От одиночества и от глухой тоски,
И, где б я ни был, рядом вы летали,
Рукой своей касались вы моей руки.

Мой ангел, только вас всегда любил я,
В мечтах косу расчёсывал и заплетал,
Париж, Антверпен, жаркая Севилья
Встречали вас, когда я вас терял.

И вот впервые наяву увидел –
Целую в мыслях каждый пальчик на руке.
Надеюсь, друг мой, вас я не обидел –
Я строю замок из песка и на песке.

Мой ангел, вы меня всегда спасали
От одиночества и от глухой тоски –
Как вы близки сейчас, и как вы далеки.

* * *

В свете тихом, в свете чистом
Нежность тонкая плывёт,
Источают нежность листья,
И цветы, и небосвод.
И глаза твои всё так же
Источают нежный свет.
Осень катит в экипаже
И кричит: «Держись, поэт!»

ВСЁ ТЕПЕРЬ МОГУ...

Падаю я вверх,
Вниз лечу, до неба, –
Одинокий стерх,
Безрассудный лебедь.

Тает в небе лёд,
Я парю над бездной,
Камышовый плот
Превращу в железный.

Обуздаю шторм,
Успокою волны,
Песнь спою под гром,
Под сверканье молний.

Мириады звёзд
Будут мне покорны,
Вколочу я гвоздь
В ложный мир, притворный.

Всё теперь могу –
Рядом ты со мною,
В клеверном стогу,
Под живой луною.

МЫ ВДВОЁМ...

Море, бликами играя,
Смотрит нам с утра в глаза...
Бублик чёрствый, чашка чая,
Льётся свет как бирюза.

Сыплю крошки птичкам божьим –
Щебет музыке сродни.
Ничего нас не тревожит,
Мы вдвоём, и мы одни.

Хоть на час, хоть на мгновенье –
Только мы, и только мы...
Прочь вчерашние сомненья,
Мы в раю среди зимы.

* * *

Снег искрился за окном –
Снился мне весёлый гром.
Прилетала птица ночью,
Спела песенку сорочью.

НА ВЁСЛАХ...

Серый день тоской наполнен,
Всё исправит вечер званный –
Стихнут, я надеюсь, волны,
И на вёсельной на лодке
Приплыву, от счастья пьяный,
Приплыву к тебе, хорошей,
Приплыву, и, может статься,
Радость песнею умножим,
В каждом слове, в каждой нотке
Будем мы с тобой купаться.
Будем даже, верю, будем
Пританцовывать задорно.
И пусть люди, да! пусть люди
Осуждают-порицают, –
Что нам мир сей, скучно-вздорный!
И на вёслах, да! на вёслах
Поплывём мы по Вселенной,
Счастье где-то там, на звёздах.
Знаю, верю, обещаю:
Всё свершится непременно.

Чайки с диким ветром спорят,
Выхожу на лодке в море.

ПЕЧАЛЬНАЯ

Ты печальная такая,
Кто тебе выносит мозг?
В небе россыпь золотая
Вечно юных, ярких звёзд.
Забегут к нам гости-звёзды,
Будем с ними петь-плясать,
Никогда гулять не поздно,
В двадцать пять и в сорок пять.
Мы печаль твою приручим,
Мы её прогоним прочь,
И уйдут напасти-тучи,
Спишет все обиды ночь.

ЛЮБЛЮ

Люблю гулять по мокрым улицам,
Когда косою гуляет дождь.
Когда вся улица сутулится,
Когда её бросает в дрожь.

И дождь мне тихо улыбается,
И я от радости пляшу.
И лужи брызгами взрываются,
А я домой к тебе спешу!

БЫЛО...

В жизни долгой счастье было,
И – тревоги, и печали,
Что-то сердце сохранило,
Что-то вместе растеряли.

По дощечке над обрывом
Не пойдём уже с тобою,
У судьбы несправедливой
Не вернёшь ничто без боя.

Я стою у самой кромки
Ледяной седой пустыни.
Лёд, я знаю, тонкий-тонкий.
Холод – ноги, руки стынут.

Но бегу, тревогу пряча, –
Я успеть к тебе стараюсь...
Слышу, кто-то громко плачет, –
И от плача просыпаюсь.

ДОМИК, ГНОМИК, ТЫ И Я...

Нарисую тебе домик,
В нём за дверью будет гномик;
Красным дверь я разукрашу
И чердачное окно,
Пусть прядёт там гномик пряжу,
Будем пить с тобой вино;
Будем гномика любить,
Счастье в доме будет жить.
А ещё там, с домом рядом,
Разведём мы авокадо,
Чтобы гномика кормить –
Хорошо счастливым быть!
Море рядом нарисую,
Лодку красную большую,
Парус из парчовой ткани
Я на лодке подниму
И однажды утром ранним
Лодку к дому подгоню.
Ты и я, счастливый гном –
Будем в лодочке втроём
По морям и океанам,
Косо, криво, даже прямо
Будем плавать, будем плыть –
Хорошо счастливым жить!
А когда наступит старость,
Спустим мы с тобою парус,
Парус из парчовой ткани,
И войдём в наш дом втроём;
На рассвете, утром ранним
Возвратится счастье в дом;
Гномик будет пряжу прясть,
Целоваться будем всласть;

Нарисую одним махом
Счастье наше, гнома-пряху...
Краски лучшие куплю –
Жизнь моя, тебя люблю!

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Тучи выются, бьются тучи,
Друг на дружку напозая,
Битве дикой и кипучей
В небе нет конца и края.

Стрелы-молнии шныряют
В голове моей бедовой,
Словно жизнь мою листает
Кто-то добрый и суровый.

Были бури, штормы были,
И грехов скопил премного,
Чувства были, но остыли,
Впрочем, всё в руках у Бога.

А гроза прошла и скрылась,
Озарилось небо светом.
Ночью юной ты мне снилась –
Помнишь встречу нашу летом?

СЕРДЦЕ ПОМНИТ...

(читая Ф. Тютчева)

*Я брожу как бы во сне...
Ты со мной и вся во мне.*

Фёдор Тютчев

Что б такое сотворить,
Чтобы память сохранить
Безмятежности моей,
Бесконечности твоей?
Светит в небе бирюза,
Отражают свет глаза;
Ты – в шезлонге на песке,
Томик Тютчева в руке;
Море, небо на двоих,
Каждый день и каждый миг
Я в тебе, и ты во мне;
Солнце плавится в огне,
Что с тобою мы зажгли,
Оторвавшись от Земли;
«Искры брызжут и летят...» –
Строки выстроились в ряд,
Ты читаешь мне стихи
О безудержной любви,
Что жила назад сто лет,
Что зажёт чудак-поэт.
Хрупкость нежности твоей,
Сила верности моей,
Море, небо на двоих –
Сердце помнит каждый миг.

* * *

...И было весело и грустно,
Плясать хотелось и рыдать,
В душе – вселенная и пусто, –
Взорвать весь мир, весь мир обнять...

Тебя, бывало, ненавидел –
И миг спустя боготворил,
Сгорал порою от обиды
И до безумия любил.

Не жаль того, что не случилось,
Потери той любви не жаль –
И всё прошло, и всё забылось,
Но отчего в душе печаль?

ФОТО ИЗ АЛЬБОМА

Шляпа с красными полями
Прикрывает вихор рыжий,
Снег хрустит под каблуками,
Дробный звук морозный слышу.
Вся воздушная такая,
Из космических просторов,
Снег от взгляда дамы тает,
С берегов выходит море.

Угасает в печке пламя,
Надо бы ей дров подбросить,
Не прикажет, не попросит
С фото в красной шляпе дама.

ПИСЬМО НА СЕВЕР

Вчера была у нас ненастная весна
И ночью я спасался на террасе пледом.
Сегодня не на шутку разыгралось лето –
Оно очнулось вдруг от тягостного сна.
Не нежит взор мой небо ярко-голубое,
Не искренны улыбки сказочных цветов,
Пред мною словно стынет зеркало кривое,
А в нём торосы из непроходимых льдов.
Что толку сетовать мне на судьбу мою?
Отдать хочу я плед бездомному бродяге,
Глотну, прости, заморской и противной браги –
Мечты тебе на Север отошлю.

* * *

Зима, зима... Снега, снега...
Всё то, что ты всегда любила.
Белы поля, белы луга,
Но ничего душе не мило.
Всё тот же снег, но лунный лик
Суров и холодно-бесстрастен.
Вдруг миг, всего какой-то миг –
И мир вокруг вновь стал прекрасен...
Бежишь навстречу по лыжне
И улыбаешься невинно.
Вернулась ты... но я во сне
Рыдаю горько, беспричинно.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Всколыхнулось небо громом,
Полыхнуло светом.
Все слова застыли комом
Вновь под сердцем где-то.

Дождь слепой. Остались капли
На стекле оконном.
Наступил на те же грабли
В сумраке солёном.

На окне следы застыли
В виде мокрых пятен,
«Не забыла, не простила», –
Долбит сердце дятел.

У ворот судачат бабки,
Не впервой судачить.
Дураки играют в прятки –
Плачешь? Снова плачешь...

ВИШНЯ

Как увижу вишню-ягоду,
Не могу себя сдержать –
Нипочём любые тяготы,
Я готов за ней бежать
На край света, в сад запретный,
Не помеха бурелом.
Знаю, знаю вход секретный
И ныряю в сад тайком.
Я за хвост, упругий хвостик
Вишню-ягоду держу,
Вишня – сказка, вишня – мостик,
В нетерпенье я дрожу.

Мы вдвоём любили вишню,
Почему же стал я лишним?

СКАЗОЧКА

Вечерело. Под окном
Прошептала мне сосна:
– Коротать нам ночь вдвоём,
Ты – один, и я – одна.
– Сам себе я господин,
Мне ль такой красивой врать?
Ты – одна, и я – один,
Жизнь с тобою коротать
Я почту, считай, за честь!
Будь любимой мне, сосна? –
В сказке нашей правда есть,
Но жестокая она:
Кто-то утром в парк пришёл
С громогласным топором
И сосну со света свёл.
Пахнет ночь слезой-живицей,
По ночам сосна мне снится.

Как и прежде, я один,
Сам себе не господин.
Отчего в душе печаль?
Почему сосну так жаль?

ЛЮБИЛ ЛИ Я...

Как на лужайке в майском парке
Рыдала скрипка голосом тоски,
И день был тихим и неярким,
Печалились деревья по-людски...

Что не случилось, въяве всплыло
Из неизведанных души глубин.
И всё, что не было и было,
Встревожило без видимых причин.

Ах, скрипка! Что ты вытворяешь?
Кто магию в смычок тебе вложил?
Скажи мне, скрипка, если знаешь,
Любил ли я её иль не любил?

ПРИЗНАНИЕ

N.N.

Нет, не герой я вашего романа,
Ведь слеплен из другого теста.
Я – гость случайный здесь, незванный,
И нет мне в жизни вашей места.

Брожу ночами между пальм унылых,
За морем жеребёнок плачет –
Отстал от матери-кобылы...
Я жизнь свою переиначу.

Как пахнет снег, и как сверкает иней!
Напиться, что ли, в стельку пьяным?
Стихи читаю героине
Из позабытого романа.

ДВЕ НОЧИ

Ночь грозна, и пахнет уксусом
Из забытого фужера,
Вижу, вижу, снова скуksилась,
У тебя свои манеры –
Растянув в улыбке губы,
Обижаться на весь свет.

Ночь нежна, колени смуглые,
Удлиненный торс белеет...
Помню губы, губы пухлые,
Как звезда в окне алеет.
Вспоминаю силу вышнюю –
Свет летит из дальних лет.

* * *

В багрянце были облака,
Река как будто бы уснула,
Притихла бурная река,
И ты мне ласково шепнула:

«А знаешь, я летать хочу,
Летать среди облаков мечтаю.
Хочу и верю, и взлечу...
Когда? Сегодня улетаю».

Ушла всего на пять минут,
И всё! Ты словно испарилась.
Мосты в кино, бывает, жгут, –
А ты по-своему простилась.

В багрянце снова облака,
Кружатся бабочки, летая,
Течёт спокойная река,
А я? Тебя я вспоминаю.

ДРУГ СЕРДЕЧНЫЙ

У меня есть друг сердечный,
Друг далёкий, друг нездешний;
Вижу я его нечасто,
Он – глазастый и ушастый;
Всё он видит, всё он слышит,
Говорит он, словно дышит,
Без конца и без умолку,
И без смысла, и без толку...
Смысл же в том, что есть друг мой,
Непростой он и родной.

Человечек очень близкий,
Не высокий и не низкий,
Добрый, ласковый, приятный,
Честный, преданный, понятный...
Друга просто обожаю,
Всё сердечному прощаю:
И капризы, и коварство,
Друг мой – верное лекарство
От унынья, от тоски,
Мы не вместе, но близки.

В КАМЫШОВОМ ШАЛАШЕ...

Вена тихо удивляет,
Вена – славный городок.
В небе ласточка летает,
В дружбе Запад и Восток.

Моцарт славит шоколады,
Штраус струны скрипки рвёт,
Соловей свои рулады
Беззастенчиво поёт.

Катит древняя карета
По центральной мостовой,
В старомодное одета,
Дама блещет красотой.

Пахнет детством и конюшней,
Пахнет ладаном собор,
Запах винный, запах крюшный,
Запах леса, запах гор.

Ритм поэзии Ленау –
«Месяц бодрствует в тиши...»
Виноградники, дубравы,
Лунный свет и миражи.

«Как тебя здесь не хватает!», –
Заглушаю крик в душе.
Я с тобою жить мечтаю
В камышовом шалаше.

ЛЕТО МОЁ...

Начинается утро лениво
Со слова «привет», с улыбки твоей,
С птичьего гомона за окном,
С бегущих облаков в вышине.
Со мной моё лето, любимое лето,
Где ива моет в сонном озере кудри,
Раскатистый, весёлый гром
Урчит иногда за горой. На коне
В небе мелькнёт Илья-громовержец.
В испуге прижмёшься ко мне,
И солнечная тишина задрожит
Бликами на стене,
Лишь дворник шуршит
Где-то метлой.
Веки снова сон усталый смежит,
Щекочет смех залиvistый твой.
Ты мчишься в ванную голой
На волне живой и весёлой,
Что утром запустили с тобой.

* * *

На юге далёком и жарком
Есть остров, где пальмы цветут.
Там звёзды немыслимо ярки,
Там чудные сказки живут.

Медовые запахи чую,
Мне слышатся песни цикад,
И в мыслях я горы рисую,
Там горы в восторге дрожат.

Как тянет меня, к тебе тянет, –
Незванный, неожиданный я гость...
Собака бродячая лает –
Бросаю на снег псине кость.

А МНЕ НУЖНА ОНА ТАКАЯ...

Начало было, ну... худое.
А поточнее – никакое, –
Мне не понравилась она.
Чудна, смешлива, конопата,
Два глаза, словно два квадрата, –
Всеми и вся удивлена.
Что ни скажи, она хохочет,
Что ни спроси, в ответ стрекочет,
Как перегретый пулемёт.
Лилась без смысла ахинея,
И я сказал себе: «Мареев,
Нечистый пусть её берёт!»
Но всё же чем-то зацепила,
В глазах была такая сила,
Что я попался на крючок.
Сама на утро позвонила,
Вдруг на свиданье пригласила,
И отказать я ей не смог.

Заводит ночью знойный шёпот,
И бесит утром громкий стрёкот.
Со мною рай, со мною ад,
А мне нужна она такая,
Прямая, вздорная, чудная,
Она – фонтан и водопад.

* * *

Раньше мир казался проще –
Дни – длинней, короче ночи,
Соловей в кленовой роще
Неизвестность нам пророчил.

Сердце билось раньше гулко,
В унисон с мечтою билось,
В дождь ходили на прогулки,
И везде, всегда любилось.

То ли мир наш изменился?
То ли страсти поутихли?
Соловей вдруг в пенье сбился,
Испарились в сердце вихри.

* * *

Губы пахнут кофе пряным,
Поцелуй нас дурманят...
Соловей нам, словно пьяный,
Без умолку песнь горланит.
Чувства прежние вернулись –
Словно спали и проснулись.

* * *

Тишина такая ночью –
Шорох звёзд не слышен,
По трубе по водосточной
Я ползу на крышу,
Чтоб собрать все мысли в кучу,
Отпустить на волю,
От тоскливых и липучих
Нету мне покоя.
Выше, выше, к небу ближе,
За карниз цепляюсь;
Тише, тише, ещё тише,
Но я вверх срываюсь.
Между звёздами плыву я –
Кротким и счастливым,
Не серчаю, не тоскую,
Стал несуетливым.

По ночам стою на крыше –
Голос твой оттуда слышен.

ЧУЖАЯ ЖЕНЩИНА

Умна, красива, неземная,
Я на тебя готов молиться,
Чужая женщина, чужая,
Прошу сегодня мне присниться.

Ты идеал, моя Мадонна,
С тобой поступки я сверяю,
Тону в глазах твоих бездонных,
Но я ещё тебя не знаю.

В окне увидел и запомнил
Твой образ, лёгок и печален,
Тобою жизнь свою я полню,
Тебе я жизнь свою вверяю.

Чужая женщина, чужая,
Ты мне дороже всех на свете,
Пока ещё тебя не знаю,
Но за тебя уже в ответе.

Ищу твой взгляд везде в толпе я
И жду во сне, когда разбудишь,
Ты знаешь всё, ты – ворожея,
Мои измены не осудишь.

Так оставайся же чужою,
Звездой сияй на небосклоне
Красивой, доброй, неземною, –
Целую нежные ладони.

В ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Меня никто не понимает,
Никто со мной не говорит,
Тоска-печаль вокруг летает,
Ко мне никто не прибежит
В час неурочный иль урочный,
Когда мне нужно позарез.
Я здесь чужак, я – гусь восточный,
Зачем я здесь? Куда я влез?
Толпа рекой несла куда-то
Меня, зажато в тисках,
Мычащее коровье стадо,
Волной катил под сердцем страх.
Но ощутил я, как ни странно,
Что я здесь свой, а не чужой, –
Улыбки, смех, бой барабанов
И облик дамы неземной.
Протестный день, протестный митинг, –
О чём протест? Я всё забыл,
Но даму с шеей Нефертити
Впервые в жизни полюбил.
Всё так случилось скоротечно:
Любовь пришла – любовь ушла.
И, может быть, любви нет вечной,
Но дама... дама ведь была.

ЗИМНИЕ МЕЛОДИИ

А.Б.

Анна Николаевна,
Я намедни думал,
Что без вас, хорошая,
Растерял весь юмор.

Позвоните, звонкая,
Мне порой ночью,
Прибегу, открою дверь,
Сердце вам открою.

Буду вам, красивая,
Я дарить подарки,
Буду нежить нежную
И любить по-царски.

Приходите, милая,
Не томите душу, –
Анна Николаевна,
Слово не нарушу.

Встану я на паперти,
Подадут копейку,
Вам куплю, родимая,
Чудо-душегрейку.

А зимой хрустальной
Замок вам построю.
С ледяною крышею,
С дверью ледяною.

Зимние мелодии,
Зимние купели...
Я дождусь, азартная,
Первого апреля

И спою вам песенку
Светлую, смешную.
Анна Николаевна,
Я по вам тоскую.

У ИЗГОЛОВЬЯ, НА ПОЛУ...

С утра у нас ещё темно,
Но будет свет,
И песня будет...
Печаль уйдёт, затем вернётся,
Печаль моя, печаль чужая?
Печалей много.
И каждая из них
Сродни подарку Бога –
Светла и благородна,
А грусть туманна,
Она тягуча.
Я слышу смех, прогорклый смех
Летает в зимних тучах...
А за окном собачий лай,
Он душу мучит...
Был пёс и ласковым, и добрым,
Теперь скромнягу не узнать –
Не встать с ним рядом, не упасть,
Несносный пёс,
Он брешет без умолку;
Обрывки фраз меня терзают,
Мне жалко пса,
Но прежним больше он не станет.
В дремоте полусонной вдруг слышу голос,
Знакомый, тихий голос.
Меня он призывает,
Меня он укоряет,
Жалеет голос ласковый меня:
«Прикрой ладонью рот –
И не тревожь беду,
Пока беда тебя не потревожит».
Слова запомнил я
И с давних пор
Ни с кем не спорю,

И даже пса не осуждаю.
Очнулся я,
Лучом небесным вдруг явилось счастье
И... улетело прочь!
А я бегу. Куда бегу?
Туда, где счастье обитает;
Неважно, дождь там иль мороз,
Иль разлитый свет,
Мне дела до погоды нет.
Мотаюсь я по миру,
Благословенный край ищу,
Где тишина,
И пса там нет, который лает;
Есть женщина, и песня
По вечерам ласкает тишину.
Ко мне приходят фразы
И днём и ночью;
Свои приходят и чужие.
Пытаюсь фразы разгадать,
Но не дано мне, нет.
И вот опять,
Опять они явились
И вновь исчезли.
Осталось облачко на небе,
Оно средь сини бабочкой порхает
То вверх, то вниз...
Да так красиво,
Что невозможно оторваться
От созерцанья неба с облаком живым.
Я вдруг осознаю,
Что песня там летает.

* * *

У изголовья, на полу
Сидела женщина
И песню тихо пела
О счастье, о любви,
О тишине благословенной,
А за окном
Охрипшим голосом
Соседский пёс
Лениво лаял.

ОСЕННИЕ ПТИЦЫ...

Осенние птицы, тревожные песни, –
Курлычет зовущая даль,
Печальная радость под сводом небесным,
И прошлого больше не жаль.

И то, что отпелось, и что не случилось,
Забыть, поскорее забыть.
Отдаться судьбе беспощадной на милость –
И жить без иллюзий, и... жить.

Осеннему небу в сиянье бесстрастном
Неведомо чувство тоски.
Но сердце, но сердце с умом не согласно
И поет, уму вопреки.

Печальная радость под сводом небесным,
Прощаюсь сегодня с тобой.
Тревожные песни, весёлые песни, –
Вот так умирает любовь.

И НОВЫЕ СВИДАНИЯ...

*Последний луч уж догорает
В небесной выси пепельной,
Последний ржавый лист слетает
С осины нежно-трепетной.*

Последнее свидание,
Последняя заря.
Последнее желание,
Последнее вчера.

Но наступает утро снова,
И снова солнышко встаёт.
В ручье бегущем родниковом
Алмазный свет лучом сверкнёт.

И новые свидания,
И новая весна,
И новые желания,
И новый всплеск вина.

* * *

Что значит женщину любить?
На расстоянии
её дыхание слышать...
Вблизи мерцание глаз
в ночи ловить;
Проснуться в полночь и искать,
искать рукой,
и заводить, и заводиться;
Болтать взахлёб,
уметь молчать.
Словами нет, не объяснить,
хотя слова... они важны,
порой слова и не нужны.
Всё, как вчера,
как в первый раз,
и вновь, и вновь, –
что это, если не...
Конечно, да!
Возможно, нет...
Неважно – где,
Неважно как...
Что важно?
Быть с женщиной наедине
Сейчас и здесь,
И завтра, и потом.
А вдруг потом не будет?
В сомнение пребывать,
и ревновать,
и с облегчением вздыхать...
И ждать,
всем слухам вопреки,
дождаться и простить...
Что значит женщину любить?

Взлетать до звёзд,
бросаться в омут,
печалиться и плакать,
и восторгаться
и молиться,
и к ней, единственной, лететь
сквозь снег и дождь, сметая
смерчи-ураганы...

Что значит – женщину ты любишь?
Когда в разлуке
её ты шепчешь имя
и спишь с улыбкой
на лице,
целуешь женщину
во сне...
И это значит,
женщину ты любишь.

БЕЗ ТЕБЯ...

(мужская печаль)

Без тебя нет любви
В мире,
Без тебя эта жизнь
Снится.
Слышу голос в ночи:
«Милый...», –
Прилетаешь ко мне
Птицей.

Оберегом моим
Станешь,
Для тебя покорю
Горы;
Исцелишь без лекарств
Раны,
Отведу от тебя
Горе.

Два ручья на щеках –
Плачешь.
Лет с тобой проживём
Двести;
Я печаль утоплю,
Спрячу.
Песню жизни споём
Вместе.

Не исчезай, не пропадай,
Услышь меня,
Возьми назад своё «прощай» –
Прости меня.

РАССКАЗЫ

ПРЕДНОВОГОДНИЙ КАЗУС

Недавно это было. Купил я к новогоднему столу бутылку «Советского шампанского», бутылку трёхзвёздочного армянского коньяка, бутылку сухого красного французского вина для тещи и большую коробку итальянского мороженого. Традиционный набор, за него я ответственен в нашей семье. А всякие там салаты, холодец, запечённое мясо, рыбные блюда – дело рук супруги и тещи. И вот я, счастливый и довольный, тащу домой добычу в белом пакете с зелёной надписью «Перекресток». Благо, магазин находится в двух шагах от дома. Дорога ледяная, скользкая, но я настороже. Иду не спеша, ноги ставлю аккуратно. Но, видимо, дьявол караулил меня, внезапно на перекрёстке двух дорог нога скользнула с обледенелой кочки, и полетел я вверх тормашками... Падая, пытался уберечь бутылки. Да куда там! Удар о землю, треск стекла, и... дальше темень. Бездна темени.

Потом посветлело в голове, и я увидел самого себя, лежащего на дороге, точнее, тело своё увидел с лицом бледным до неузнаваемости.

– Вставай, – кричу я в ужасе, – замёрзнешь!

И слышу чей-то сиплый голос:

– Не встречай!

Кто мне отвечает, незримый и недобрый? Внизу, вокруг тела, уже человек десять собралось. Лица все мне знакомые, людей знаю, а вот кого и как зовут, никак не вспомнить. Почему люди стоят и смотрят, не спасают меня? Что-то не то происходит. Но, слава Богу, вижу, как от толпы отделяется женщина средних лет в старомодной синей шляпке с трагичным выражением лица. Подходит женщина ко мне, через силу улыбается, мелко крестится, приговаривая: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!» И до-

бавляет негромко: «Отдыхайте с миром, дорогой Всеволод Иванович!»

– Дура! – кричу ей. – Пульс проверь!

Ан нет! Она бочком, бочком – и засемила прочь без оглядки.

Хоть плачь. Но не все же в толпе дураки? Вижу мужичка в белой куртке и в застиранных до белизны цветастых сатиновых трусах. Знаю, что он друг мне, а как зовут его, Сатинового, хоть убей, не припомню! Может, я в такой реальности оказался, что имена никакого значения не имеют? Да что мне имена, когда пропадаю?! Но друг есть друг, этот откачает меня, спасёт... Недавно он клялся, что присоединится ко мне, если я с монахами буду церковь защищать от поругания. Был такой разговор, а какая церковь, какое поругание, опять неясно. И вдруг Сатиновый друг достаёт миску вареников в сметане и давай наворачивать их прямо на морозе, рукой запихивая в рот вареник за вареником. И до меня ему, оказывается, никакого дела нет, хотя, может, он не видит меня на дороге? А не видит, так зачем стоит и пялится? Или старается вареники прикончить, не хочет ждать, когда воскресну?

Вот так обстановочка! Хуже некуда для гражданина, потерявшего сознание... Не могу же я сам себя спасти, находясь в бессознательном состоянии?

Рядом с Сатиновым стоит дама-поэтесса и стихи читает. Лицо покрасневшее, сосредоточенное и не улыбочное. Стихи читает, словно дрова рубит, а другая, белокурая, ей в рот заглядывает и своё тараторит:

– Целый год я хорошо себя вела! Вот святой Николай и посодействовал, чтоб мне грамоту с гербовой печатью дали. Тебя стихами наградили, а меня грамотой!

– Надоела! – взрывается поэтесса, хватая вареник с тарелки Сатинового человека и запихивает в рот даме с грамотой, заверенной гербовой печатью.

«Люди! – кричу я отчаянно. – Да вы с ума сошли, что ли? Замерзаю я, погибаю я, а вы о гербовой печати печётесь! Подраться готовы. Одумайтесь! Спасите!»

Не слышат. Ничего не делают. Не спасают. Глазеют без толку на меня, безжизненного.

Но вот – она, кто точно мне поможет! Снегурочка новогодняя, стоит в сторонке от всех остальных в белом пуховике с капюшоном, стоит и рыдает горячими слезами. А ко мне не подходит. Видно, что ей жаль меня, хочет помочь, да не может. Почему не может? Непонятно. Запретили, что ли, ей? Кто запретил? Заколдовал? Незримый с сиплым голосом? И я стал больше переживать за неё, чем за себя. «Надо вставать, как бы плохо Снегурочке не стало, слезами вся изойдёт...», – подумал я. Но тут раздался истошный крик красивой дамы в красном платье с распущенными волнистыми волосами:

– Что стоите истуканами? Делайте что-нибудь! А я скорую помощь вызову!

Дама в красном куда-то побежала. А толпа зевак зашевелилась. Галдёж и суматоха, как на птичьем базаре.

Но тут маленький и шустрый человек стал командовать:

– Нашатырю поднесите Всеволоду Ивановичу, он и задышит!

– Нет-нет... Нельзя нашатырю! Надо снега, пропитанного коньяком из разбитой бутылки, ему в рот насыпать! Опохмелится – и сам как миленький пойдёт! – степенно, со знанием дела комментировал плечистый мужчина.

– Сам пойдёт! – раздался сиплый голос Незримого.

– Подсобите мне его на спину взвалить. Себе беру. Дома отогрею, поцелуями оживлю, – подскочила дама в белой блузке, расшитой красным орнаментом.

Но её тут же оттолкнула в сторону Снегурочка. И откуда смелость у неё взялась? Хотя бюст у неё такой, что кого угодно сшибёт с дороги!

Суета сует. Я уже всю надежду на спасение потерял. И вдруг, откуда ни возьмись, седой старичок надо мной наклонился. Глаза под кустистыми бровями добрые-предобрые. И молвил старичок ласково и тихо:

– Вставай, сын мой! Вставай и иди домой. Рано тебе ещё.

– Кто ты, дедушка? – спросил я старичка почти-тельно.

– Зови меня Николаем.

Мне показалось, что мы со старичком слышим друг дружку, а остальные ничего не слышат, хуже того – не видят; опять в истуканов превратились? «Так это же святой Николай! – внезапно осенило меня. – Сколько раз он спасал меня в штормовом море!»

Подумал правильно, а спросил неправильно, глупость сморозил:

– Это ты, дедушка, сейчас у нас вместо Деда Мороза? Белокурихе грамоту с гербовой печатью ты преподнёс?

– Спаси и помилуй, Господи, тебя неразумного. Я Бога молю о вас всех, грешных. А новогодние подарки разносят Дед Мороз и Санта-Клаус. Детишкам в радость. Не богохульствуй! И так уже много чего наворотил. Носитесь с грамотами разными-несуразными. Бога в душе нет. Бумажками гербовыми не спасётесь, вся сила в правде, и защита ваша в молитве.

Дедушка вдруг исчез. И все разошлись, забыв обо мне, лежащем на ледяной дороге. Мне показалось, что слова дедушки люди услышали... Хватит ли ума воспользоваться советом?

Не помню, как я очнулся и домой вернулся. Только на другое утро я проснулся с головой ясной и светлой. На кухонном столе красовался новогодний набор: бутылка «Советского шампанского», бутылка трёхзвёздочного армянского коньяка, бутылка сухого красного французского вина и большая коробка итальянского мороженого. Мороженое ни чуточки не подтаяло за ночь.

Потом я пошёл на тот перекрёсток и в грязном снежном месиве увидел осколки разбитых бутылок; пропитанный коньяком кусочек льда даже пососал. Невкусно, хотя запах трёхзвёздочного сохранился.

Верь не верь, но всё, что я рассказал, чистая правда, и случился сей казус со мной в День святителя Николая Чудотворца, 19 декабря 2018 года. Радостно мне и горько. Радостно, потому что явился Николай Угодник, направил меня, развеял мои сомнения. Понял я, что жить надо так, как жили мои богобоязненные деды и прадеды! Горько – не смог я встать с ледяной дороги, подойти к людям... И стыдно мне за то, что лежал себе и лежал, да друзей осуждал. Сам-то не без греха.

Как оно теперь дальше будет? Не знаю. Одна надежда, что друзья мои вспомнят слова старика, одумаются и переменятся, станут, как прежде... И я научусь любить и прощать.

А казус предновогодний не забуду никогда, да и как забудешь, если метка на теле осталась – большой палец на правой ноге посинел от стыда?!

ЕСЛИ УПАСТЬ В ПОСТЕЛЬ...

«Если упасть в постель, обнять подушку, укрывшись лёгким, но тёплым одеялом... и чтоб чистый зимний воздух в открытую форточку наполнял дом... и чтоб снился лёгкий морской бриз... лежать на волнах, покачиваться в такт с морем, вдыхая запахи солёного ветра... Я желаю тебе и себе видеть сквозь редкие облака улыбающееся солнце в небе. Целую. К.»

Что это? Кто это? Как конверт оказался в его почтовом ящике? В наше время, когда интернет господствует в мире, и в нём столько программ для общения: Фейсбук, Инстаграм, Ватсап, Скайп... Зачем опускать письма в почтовый ящик, когда можно моментально довести до адресата свой вопрос-запрос или просьбу и можно обмениваться мнениями по любому поводу и без повода? Да и ответ получишь немедленно, если тебе захотят отвечать. А с другой стороны – это так романтично и так таинственно! Андрей внимательно осмотрел конверт. Снежно-белая бумага, видимо, ручной работы, на ней просматривался еле видимый контур ромашки – оранжевые лепестки с жёлтым солнцем в центре. Каллиграфическим почерком аккуратно выведены реквизиты отправителя и получателя: его, Андрея, имя и фамилия. Отправитель: «Планета Тишины. К.А.» Кто скрывается за инициалами К.А.? Что же получается? Кто-то вошёл в парадную и опустил конверт с запиской в почтовый ящик его квартиры?

Лист бумаги с посланием внутри конверта оказался ещё более изысканным: мягким, шелковистым, на бирюзовом фоне летящий силуэт обнажённой женщины. Тонкий запах парфюма... Такой знакомый и такой загадочный запах. И вдруг его осенило: пахнет морем? Но так притягательно, так ненавязчиво, так воз-

буждающе... Пахнет далёкой Японией? Или это запах женщины? Знакомой? Близкой? Когда-то любимой? Недоступной и давно забытой? Андрей стал лихорадочно вспоминать всех женщин, встречавшихся на его жизненном пути. Пятьдесят уже на носу. Женщин было много. А любимых – немного. Тех, кто его, Андрея, любил, и того меньше.

Андрей поднёс лист письма к свету лампы и чуть не обомлел – на листе явно проступали слова, выстроенные столбиком:

*Потому что люблю.
Потому что люблю,
Безоглядно люблю я тебя.*

Вот это да! Признание в любви? Нет, скорее всего, это специальная бумага для любовных посланий. Завуалированное послание в любви? Хотя вряд ли... Кому он нужен? Это розыгрыш? Кто может его разыгрывать? Ничего в голову не приходило. Кто-то пошутил? Да, пошутили довольно оригинально! И Андрей отправил письмо в папку под названием «Несуразности».

Ровно через неделю, в воскресенье, когда Андрей вернулся с подмосковной дачи, он обнаружил в почтовом ящике новое письмо. Такой же конверт. Такой же пахнущий знакомым парфюмом лист бумаги – еле уловимым запахом морского бриза. И удивительные слова:

«Ты далеко-недалеко, и я почти не вижу тебя в моих сновидениях. И ты, наверно, не видишь меня в пределах твоих сновидений. Но где-то там, в других измерениях... там мы по ночам встречаемся... Ты веришь в это? Целую. К.»

И опять раздумья. Предположения. Попытки разгадать, кто может скрываться за буквой «К»? Он поймал себя на мысли, что ему нравится эта ситуация. Была

рутинная жизнь: дом, работа, квартира, собака болонка, поездки на дачу по выходным, столетний попугай в клетке, будящий его по утрам одним и тем же криком: «Вставай! Тебя ждёт женщина!» С женой развелись десять лет назад. Кто научил птицу этому утреннему приветствию? Неизвестно. Попугая с клеткой почти насильно вручил ему Кузьмич, сосед по лестничной площадке, старый холостяк; вручил за месяц до ухода в мир иной. Раздумья ни к чему Андрея не привели. Почти ни к чему. Пришла одна догадка о незнакомой женщине в красном. Несколько раз Андрей видел её в театре на балконе. Ему показалось, что она каждый раз смотрела в его сторону, наблюдала за ним, но... Лица её невозможно было рассмотреть на расстоянии; подняться на балкон, чтоб познакомиться, он не счёл возможным, побоялся быть навязчивым.

И опять он поднёс бумагу к свету, и опять увидел столбик слов:

*Постою средь снегов у сосны
И дыханьем я сердце её растоплю,
Будем ждать с ней прихода весны...*

Тайна во всём: в бумаге, в стихотворных строках... Женщина-поэтесса? И откуда такая оригинальная и красивая бумага? Возможно, экзальтированная дамочка сама её делает? И что это за загадочная Планета Тишины? Название какого-нибудь общества? Или гостиницы? Или?... Нет, вовек не догадаться...

Прошла ещё одна неделя... Побывал на даче. Топил деревенскую печь, наблюдая за огнём, раздумывая о силе и переменчивости стихии. Затухает пламя, требуя новой пищи, и вот он подбрасывает дрова в печь, и в печке начинается весёлое буйство... Вот так и любовь мужчины и женщины – то воспламеняется, то затухает, ожидая новых эмоций, новых слов, новых поступков.

После он гулял в окрестностях дачного посёлка, уходя всё дальше и дальше. Среди поля стояло одинокое дерево, он долго шёл к нему по снежной целине, оставляя за собой цепочку следов. Выпадет новый снег и заметёт старые следы, а время сметёт воспоминания... Подошёл ближе к дереву, оно оказалось стройной сосёнкой. Постоял у ствола, прислонившись к нему щекой. Благословенная тишина висела над снежным полем, под небом высоким и безоблачным, освещённым ярким солнечным светом... «Вот и я становлюсь романтиком», – подумал Андрей, вспоминая послания незнакомой женщины.

Медленно шёл назад в прекрасном настроении, стараясь осторожно ступать в старые следы. Шептал стихотворные строки, словно слетевшие к нему с солнечных небес:

*Тишина, тишина, тишина...
Средь пушистых снегов у небес на виду
В платье снежном застыла сосна,
Осторожно по белому полю иду,
Опасаясь спугнуть тишину.*

Дома его опять ожидал конверт в почтовом ящике. Слова письма поразили его, настолько они были созвучны тому настроению, которое наполняло его на заснеженном поле с одинокой сосной:

«Высокое и открытое Небо сегодня... Спасибо Господу за этот Свет, за эти белые и редкие облака, – чем выше они, тем притягательнее. Если бы возможно было взлететь! Я хотела бы летать вместе с тобой, а ты? Целую. К.»

На бумаге светились столбиком новые слова:

*«Как люблю я тебя, безоглядно люблю», –
В тишине я шепчу по ночам.*

«Так не бывает! В жизни так не бывает... Эта дама либо блаженная, либо любительница разыгрывать мужчин?», – подумал Андрей, но конверт с посланием спрятал в папку «Несуразицы».

После Нового года письма перестали поступать. Андрей не мог насовсем выбросить из памяти эту историю, это невинное и загадочное приключение. Возвращаясь по воскресеньям с дачи, он с нетерпением проверял почтовый ящик. Увы! Ничего. Так прошли зимние месяцы, наступила весна с буйным цветением, с новым настроением, и... с надеждами. Но ничего больше не случилось. А что могло случиться? Он признался себе, что ему хотелось продолжения этой истории, ему хотелось получать послания от незнакомки.

Однажды, где-то в середине июня, у Андрея возникло какое-то внутреннее сопротивление поездке на дачу, и он остался на выходные дома.

Прислушивался к себе, пытаясь понять, что произошло? Ведь он очень любил бывать в своём домике у озера, топить печку, подкидывать в неё дрова, наблюдать за игрой пламени, вспоминать...

В воскресенье стоял у окна, наблюдая за залитой солнечным светом площадкой, где гуляли детишки. Огромный куст сирени распластался рядом с дорожкой, бархатистые тяжёлые гроздья цветов ниспадали книзу, поднимаясь по кусту всё выше и выше, словно стремясь достичь сиреневого летнего неба.

– Вставай! Тебя ждёт женщина! – заорал неестественно высоким голосом попугай.

Андрей вздрогнул от неожиданности. Никогда попугай Адлер не произносил этих слов днём. Что на него нашло? Потерял чувство времени?

– Попка – дурак! – ответил попугаю.

– Сам дурак! Сам дурак! – впервые за время пребывания в квартире огрызнулся попугай.

И вдруг внимание Андрея привлекла дама в лёгком красном пальто, в красных туфлях на высоком

каблуке. Она подошла к кусту сирени и какое-то время постояла у него, видимо, любуясь этим чудо-цветением. Потом резко развернулась и пошла в сторону подъезда дома. Через пару минут она вышла и мимо куста сирени быстрым шагом проследовала в сторону станции метро. Не зная почему, Андрей кинулся из квартиры вниз, по пути захватив с собой ключи от почтового ящика. В ящике оказался конверт с обратным адресом: «Планета Тишины. К.А.»

* * *

Эту историю мне рассказал случайный попутчик в спальном купе поезда Москва – Киев. Когда он замолк, я не выдержал и нетерпеливо спросил его:

– Андрей, так кем оказалась дама в красном? Надеюсь, вы догнали её?

– Я её всю жизнь догонял и догнал. Её зовут Клавдия. Моя жена. Она – художник.

– А как же? Ведь это она нашла вас? Она писала вам письма? Странная история.

Андрей улыбнулся.

– Я работаю в компании, которая специализируется на компьютерных программах для игрового кино. Компания с участием украинского и русского капитала. Главный офис в Киеве, есть офис в Москве и в Минске. Несмотря на всякие политические разногласия, компания продолжает существовать и быть успешной все эти годы противостояния между нашими странами. Клавдия регулярно приезжала в наш московский офис, да и я бывал в командировках у них, в Киеве. Мы были с ней знакомы. Клава – увлекающаяся женщина, коллекционирует ромашки, делает сама цветную бумагу и... поёт старинные романсы.

– А женщина в красном на балконе в театре? Это была Клавдия?

– Да. Это была она – женщина из Киева, родившаяся в Адлере.

– Адлер – имя попугая. И Клавдия родом из Адлера. Совпадение?

– Да. Забавное совпадение.

Поражённый необычностью рассказанной истории, я не мог остановиться:

– Как же так, Андрей? Почему вы не сблизились с Клавдией, встречаясь по работе? Почему вы, Андрей, не сделали первый шаг?

– Сам теперь не понимаю.

– А почему – «Планета Тишины»? Клавдия с Планеты Тишины?

– Я тоже спрашивал об этом Клаву... Потому что мы оба были на Планете Тишины. Мы видели друг друга, но не общались.

Мне хотелось задать Андрею ещё много вопросов, но я сдержался. Кто его знает, почему мы поступаем так или иначе? Может, Небо направляет нас? Почему случается любовь? Почему два человека, он и она, находят друг друга? Иногда это происходит, как в случае с Андреем, в довольно солидном возрасте, или даже на склоне лет, но происходит всё-таки.

Андрей прервал молчание.

– Я стихи начал писать....

– Почитайте что-нибудь, Андрей. То, что самому нравится.

Он прочёл всего лишь несколько строчек:

*Дымкою нежною чудо-цветение
Греет усталую кровь.
В пору закатную, в пору осеннюю –
Поздняя в сердце любовь.*

Потом мы долго молчали, пока поезд не остановился на вокзале в Киеве. Распрощались очень тепло. На перроне Андрея встречала красивая средних лет женщина.

ГЕНЕРАЛЫ

Из окна виднелась макушка церкви с отливающим золотом в свете закатного солнца крестом – символом православной веры. Мысль перекинулась в далёкое село Долочье, на малую украинскую родину, которую не забываю вот уже полвека, с тех пор как после школы уехал учиться в Одесское мореходное училище. Не так давно появилась в Долочье маленькая красавица-церквушка, которая стала и украшением села, и надеждой людей на новую жизнь...

«Хорошо, что Боря приехал! Всколыхнула память эта встреча», – я с благодарностью посмотрел на Бориса. Он на два года раньше меня отправился из села в большой мир, а встретились впервые только в прошлом году. «Седой, как лунь!», – подумал я, когда увидел Бориса на платформе Московского вокзала в Санкт-Петербурге. Седой-то седой земляк, но крепок на вид и подвижен – вот и сейчас сидит за столом и балагурит, словно годы его совсем не берут, а ведь в следующем году юбилей у него – восемьдесят лет исполнится! А друзья-то у Бориса какие! Генералы! Напротив за столом – известный милицейский генерал Сергей Александрович. В отставке уже, но впечатляет, впечатляет... Лицо доброжелательное, улыбочивое, манера разговора простая, но сам-то непростой, ой непростой... За ним чувствуются сила и мощь русского мужика, который хорошо знает своё дело и, в случае чего, не оплошает – может пошутить, может поддержать, но за дело спросит и сумеет заставить подчинённых службу нести по Уставу и задачи выполнять. Рядом с ним хмурый на вид, точнее, совсем не улыбающийся боевой генерал Валерий Павлович. Этот – сама противоположность милиционеру. Скупое роняет слова, словно отмеряет мерой, известной только ему

самому, но всё точно, словно выстрел из гранатомёта – в цель и наповал. Оценки убийственные, не поспоришь, хотя Боря, он же Борис Андреевич, и пытается оппонировать генералу – он сегодня стал адресатом едко-саркастических реплик, которые отпускает Валерий Павлович. Не приходится сомневаться, что за столом собрались старые друзья, но разве дружба может кого-либо спасти от крепких оценок боевого генерала?

– Борис, сколько времени ты уже в Москве? – смотрит он жёстко в сторону гостя из Санкт-Петербурга,

Я настораживаюсь – разве Боря не предупредил друга о приезде? Наверное, нет, иначе зачем этот вопрос? Нет, видимо, не предупредил, генерал не станет просто так спрашивать.

– Три дня, – беспечно отвечает Борис и потом, словно спохватившись, добавляет: – Не в Москве, а в Павловске!

– Один приехал или с Людмилой Александровной?

– Вдвоём. Гостим у Владимира Степановича.

– И до сих пор не доложил! Почему просто, по дружески не позвонил?

– Виноват, товарищ генерал!

Я понимаю, что у очень солидных мужчин такая игра мальчишеская! Хотя попадаться «на зуб» генералу остерегаюсь и помалкиваю, то же делает мой сосед справа Владимир Степанович, друг Бориса из Павловска. А добродушный «ментовский» генерал только улыбается в ответ на слова Хмурого (так я в уме прозвал Валерия Павловича). Да, они оба одного уровня, хотя по бывшей должности Валерий Павлович стоит, пожалуй, повыше. Мой дружок из юности пониже званием на одну ступень, да и морской он офицер, но и у него своих заслуг хоть отбавляй: депутат думы одного из районов Санкт-Петербурга, помощник депутата городского собрания.

– Валерий Павлович, хочу вас спросить как филолога по своей первой, невоенной профессии. Могли бы

вы помочь мне? Прочитать мою книгу прозы и дать своё заключение?

– С чем зайдёшь... – ответ Хмурого не заставил себя долго ждать.

– С бутылкой горилки. С красным перчиком на дне, – неожиданно для себя отреагировал я нормальным образом.

– А что? Подумаю, – с интересом посмотрел на меня генерал, видимо, ответ мой ему понравился.

Это потом я узнал от Бори, что «С чем зайдёшь?..» – привычный вопрос у генерала на различные пожелания всяких просителей; таким образом, он, будучи на высокой государственной службе, проверял их на вшивость и отшивал тех, кто воспринимал его полувопрос всерьёз.

Пора вернуться к генералу Сергею Александровичу, хозяину стола. Это он пригласил нас на обед. Каждое из блюд – своеобразный изыск старинной русской кухни: маринованные грибочки, солёная капуста, патиссоны с ноготок, редька на закуску и... сало. Куда же на Руси без него? Это сейчас одни говорят, сало – полезная штука, а другие умники холестерином пугают, а в старину не знали такого слова – «холестерин», поэтому употребляли сало и на закуску за праздничным столом, особенно когда тяжёлые работы начинались, – в деревнях почти круглый год тяжёлая работа не переводилась... А в обед, так было заведено и в моём украинском селе, обязательно горячее первое блюдо подавали: борщи, супы. И за нашим столом, после того как обменялись тостами и закусили, перед каждым гостем официант поставил глиняный горшочек с русскими щами. Ох, и вкуснотища эти самые щи, томлённые в печке целую ночь!.. Умели в старину готовить, слава Богу, что рецепт сохранился. А на главное блюдо – пельмени с грибочками и мясом. Да, забыл, не упомянул большую тарелку с пирогами с начинкой и без таковой. Что пили? Пили, конечно, пили,

но в умеренных количествах, и не пошло заграничное, а хлебную холодную водочку! Я обычно рюмку только «пригубляю», но здесь, после пытливого взгляда Хмурого в мою сторону, я пил как положено, больше половины рюмки за раз, а то и целую опрокидывал, чем, как я понял, заслужил одобрение генералов.

Сергей Александрович начал рассказывать историю своего рода, рода Таранцевых из уральской глубинки, собственно, ради этой истории я затеял рассказ.

– Отец мой, Александр Сергеевич, прожил долгую жизнь. Умер он в 94 года, и то потому, что несчастный случай – пытался закрыть пса в будке, а тот дёрнулся и повалил старика, батя сломал тазобедренную кость... Врачи не сочли возможным делать операцию, вот батя ещё два года лежал в кровати. Ну, об этом позже.

Призвали отца на службу как раз перед войной. Невысоким, но крепким парнем был; в породе уральскую по деду пошёл. Пища была простая в семье отца на Урале; работали тяжело да детей рожали. Двенадцать братьев и сестёр было, по этой части мужики в нашем роду отличались силой, и всех детишек, что Бог посылал, с радостью принимали. Вот и мой отец был, словно дуб кряжистый, выросший среди густого леса. Помогал своему отцу в хозяйстве, да и в духе того времени спортом занимался, ворошиловским стрелком был. Как положено, в армию призвали и направили ворошиловского стрелка служить на заставу на границе с Финляндией, где и встретил отец войну. 22 июня 1941 года он находился в ночном дозоре, как потом мне рассказывал. Сидит в окопчике и всматривается через прицел винтовки в сторону финской границы. Вдруг замечает, что куст, словно живой, двигается в его направлении. Протёр солдат глаза, ещё раз внимательно присмотрелся. Двигается куст, и всё тут. Аккуратно навёл прицел и нажал курок. И всё остановилось, замер куст. На выстрел прибежало

подкрепление, поднятое по тревоге, начальство появилось. Слушать отца не стали, винтовку отобрали и пригрозили передать дело в военный трибунал. Как же! Выстрел расценили как провокацию! Ведь накануне войны был строгий приказ не провоцировать немцев и финнов на военные столкновения. Пока отца допрашивали, появились в небе немецкие самолёты и посыпались бомбы, отец подобрал свою винтовку и пошёл с ней воевать. Так всю войну и провоевал, вся грудь в медалях и орденах. Не снимил он тогда финского лазутчика, вся застава могла погибнуть, что на самом деле и случилось у соседей. Ночью, накануне войны, вырезали всех, кроме тех, кто был в дозорах.

– А после войны как было, Сергей Александрович? Отец вернулся домой, на Урал? – спросил Боря.

Валерий Павлович сидел задумчиво, подперев голову рукой. Ни слова не проронил, его колючий сарказм словно испарился куда-то.

– После войны, – продолжил генерал, не отвечая прямо на вопрос Бори, – Сталин приказал найти всех выживших пограничников, которые первыми в бой с врагом вступили, приказал вернуть их на заставы, присвоив воинские звания на одну ступень выше. Отец стал служить на своей заставе старшиной, и мама с ним была, к тому времени родители уже поженились. Детишки у них на заставе пошли, один за одним, да всё девочки. Отец сказал маме: «Марфа, рожать будем до тех пор, пока мальчик не родится». Я оказался пятым ребёнком по счёту. Больше детей не было.

– Большая семья по нынешним временам, – не выдержал я.

– По деревням на Руси всегда большие семьи были. Рабочие руки ценились в хозяйстве. Рано женились, рано спать ложились, рано вставали, телевизоров не было, а развлечением и радостью было заниматься

любовью по ночам.

Когда подошло время матери рожать меня, местный фельдшер сказал, что надо в Ленинград ехать, в роддом, – плод большой, похоже, мальчик ожидается. Отцу выделили телегу с лошадыю и возницей, дали бумагу-предписание; надел он свой военный китель с наградами во всю грудь и повёз маму на железнодорожную станцию. Спустя сутки, к утру, оказались они на вокзале в Ленинграде. Вышли с вокзала, а куда дальше, где эта больница? Слава Богу, недалеко от вокзала оказался роддом, добрые люди показали. Маму приняли на сохранение, а отца отправили за дверь. Вот он и ночевал в скверике напротив больницы, питался сухариками с чаем, который медсестры ему выносили, ночью спал на скамейке. На третий день, под утро, вышла медсестра и сообщила, что сын родился, отец вытащил припасённую на этот случай чекушку водки и с радости вылил всё её содержимое в горло. Понятное дело, с голодухи опьянел, а тут нехстати появился патруль и отвёл отца в комендатуру – небритого, помятого и слегка пьяного. Дежурный офицер, увидев старшину в таком безобразном виде, вначале отчитал за то, что позорит честь военнослужащего, и только потом потребовал объяснений. Но вник в обстоятельства дела офицер, дал старшине бритву, чтоб привёл себя в порядок, напоил чаем с сахаром и отправил на все четыре стороны, предупредив, чтоб забирал жену с ребёнком и отправлялся на заставу.

Сергей Александрович как-то застенчиво, по-доброму заулыбался, а потом добавил:

– Вот так я оказался уроженцем города Ленинград, хотя там только на свет появился и дней пять в роддоме с мамкой находился. Потом рос на заставе. А на Урал наша семья вернулась, когда после известного хрущёвского сокращения армии отца комиссовали, – Сергей Александрович посмотрел на Бориса, отвечая

на его ранний вопрос. – На Урале отец своими руками построил дом небольшой, посредине стояла русская печка, а вокруг лавки да полати. Вот так и жили там – в тесноте, да не в обиде. Мы, детвора, спали на лавках, а отец с матерью – на полатах, только занавеской отделялись, так что всё, что там происходило по ночам, мы порой слышали. Отец работал, мать – дома по хозяйству, а я, самый младший, до школы от матери не отходил ни на шаг, чуть какая опасность – я в складках огромной юбки прятался.

Я слушал Сергея Александровича с внутренним ощущением, что это моя история, о моём послевоенном детстве речь идёт. Нет, не совсем о моём детстве, – мой отец с фронта не вернулся. Стоит в центре украинского села обелиск в память о погибших сельчанах в той войне, и фамилия отца-пограничника тоже на том обелиске выгравирована золотыми буквами... Обелиск поставили, когда я уехал из села на учёбу, а в школьные годы мечталось, что отец однажды постучится в дверь, высокий и красивый, как на фотографии, и я его узнаю... И Боря Стратюк тоже без отца вырос, но у него старшие братья были...

За окном по мощённой плиткой дорожке прошла группа священнослужителей в тёмных подрясниках – все молодые, высокие да ладные. Сергей Александрович, поймав мой взгляд, объяснил:

– Даниловский монастырь рядом. Гостиница там, построенная в связи с празднованием тысячелетия крещения Руси. Я тогда по долгу службы почти каждый день бывал в монастыре, помогал. И с патриархом Алексием приходилось встречаться. Как-то он меня спросил, крещёный ли я? А я и замаялся с ответом. Не знал я. Вот тогда патриарх сказал, что надо бы покреститься, ведь креститься можно и несколько раз за жизнь. После празднеств в церкви монастыря крестили меня, до сих пор помню всё в деталях.

Сергей Александрович задумался на какое-то вре-

мя, словно вспоминая и ещё раз переживая такое важное событие своей жизни. Потом, посмотрев в окно, продолжил рассказ.

– В Даниловскую гостиницу монахи пошли. Съезжаются гости со всего мира в связи с празднованием воссоединения Русской православной церкви западной Европы с Московским патриархатом. Историческое событие. Жаль, что так произошло с Украиной! А ведь мои родители похоронены в Одесской области.

– Как так? – не выдержал я. – Ведь на Урале жили!

– Отец вышел на пенсию, и я переселил их на юг. Дом построил в деревне, виноградник свой, домашнее вино. Тепло. И мне из Москвы до них добираться всего ничего. Кто знал, что так рассорятся два народа. Отец, слава Богу, не застал этих времён. Умер в девяносто четыре года, а мать лет на двадцать раньше отошла в мир иной. Через год после смерти матери я приехал к отцу, как водится, на могилку к матери сходили, соседи собрались, помянули. А на следующий день утром батя говорит мне:

– Сергей, ты не будешь против, если я бабёнку возьму в дом, одному мне тяжело управляться с хозяйством?

Конечно, я был не против, даже рад был. За двадцать лет было много этих бабёнок. Менял он их. Говорил, бывало, мол, состарилась Мария, толку от неё в постели нет, надо комиссовать. И брал очередную Марию лет на двадцать моложе его. И, наверное, жил бы он да жил ещё, кабы не случай. Я уже упоминал об этом. Как-то отец провожал гостей под вечер и вышел, чтоб загнать в будку огромную кавказскую овчарку. Та дёрнулась и повалила старика, сломалась тазобедренная кость. Я срочно примчался из Москвы. Надо было решить, что делать; врачи сказали, что операция тяжёлая, не выдержит отец. Я хотел забрать его в

Москву, всё-таки там возможностей больше и разные медицинские светила есть, но хирург из Одесского военного госпиталя отговорил меня:

– Нет таких врачей, чтобы помогли отцу кардинально. Зря будете мучить его в дороге. Постельный режим, домашний уход, и какое-то время проживёт он без мучений.

Помнится, приобрёл я тогда медицинскую кровать с механическим приводом. Редкая по тем временам, но удобная вещь. Нанял сиделку, хотя сиделок приходилось менять – где в деревне опытную найти? Потом всё-таки повезло, кто-то порекомендовал монашку из соседнего монастыря. Было ей лет чуть за шестьдесят, аккуратная, умелая и старательная женщина, да ещё и ласковая и миловидная! Как-то летом я приехал к отцу и сидел во дворе за столиком с соседом, вино домашнее пили. Вышла из дома монахиня, вся красная, и говорит мне:

– Хулиганит ваш батюшка, Сергей Александрович!

Я даже испугался, иду за монашкой в комнату и вижу отца голого – монашка как раз обтирала его мокрым полотенцем. Лежит батя на спине в смущении, а друг его меньшей стоит торчком! И смех и грех! Как я уже говорил, умер отец в девяносто четыре года. Не случись несчастье, то и за сто лет перевалил бы он в жизни своей земной.

Помолчали. Хмурый генерал обратился к Борису:

– Сергей Александрович замечательную историю рассказал; я её уже знал, но всё равно слушал с превеликим интересом. Житейская ситуация! Поучительная! А ты что молчишь, Борис Андреевич? Как ты проживаешь в северной столице? Как твоё депутатство? Переизбрался?

– Я снял свою кандидатуру в процессе выборов, пора молодым уступать дорогу.

– Во как! Не ожидал! Думал, что ещё лет двадцать

прослужишь депутатом?

– Да куда там! Подначиваешь меня, Валерий Павлович, по укоренившейся привычке. Не забыл часом, что в следующем году мой юбилей – восемьдесят лет стукнет!

– Приглашаешь? Скажи!

– Конечно, приглашаю! Более того, очень и очень надеюсь, что примите приглашение!

– Проезд и гостиницу обеспечиваешь?

– Добирайтесь сами, а гостиница будет!

– Какая?

– Прибалтийская!

– Годится, – одобрительно посмотрел на Борю генерал, пряча улыбку.

Я поймал себя на мысли, что мне легко и хорошо находиться в компании старых генералов, где мой земляк свой, как говорится, в доску. Мне нравились колкие, но точные замечания Валерия Павловича, добродушные реплики Сергея Александровича, уважительные ответы Бориса. Хотя чувствовалось, что за этой встречей скрывалось какое-то печальное событие, о котором все, кроме меня, знали, но предпочитали не упоминать в разговоре. И только потом, когда расставались и Боря предложил сфотографироваться на память, я понял, в чём дело. Понял, когда Валерий Павлович резко ответил:

– Не до фотографий! Ты что, забыл, что я приехал с кладбища, боевого товарища схоронили?!

– Прости, друг! Не забыл! – Боря приобнял Валерия Павловича за плечи.

– Бывай! И передавай мой поклон Людмиле Александровне.

Сергей Александрович не отказался фотографироваться. На снимке он стоит между мной и Борей, печальный, с мыслями в себе. Что пряталось за его добродушием и показной весёлостью за столом? Кто знает? Что скрывалось за хмуростью и колкостью Ва-

лерия Павловича?

Расходились молча, без лишних слов, хотя я попытался пригласить в будущем двух генералов на обед.

– Не спеши! Всеми своим час. Позвонишь, договоримся, – ответил скупко Валерий Павлович и троекратно со мной расцеловался.

Генералы сели в большую чёрную машину и укатили. Боря с Владимиром Степановичем за рулём отправились в Павловск, а я потопал к ближайшей станции метро. На душе было и грустно, и светло.

ЗОЛОТИСТЫЙ ЗАГАР...

Ближе к полуночи, а сна – ни в одном глазу. Наоборот, хотелось бегать, прыгать, летать.... Марк не понимал состояния, в котором находились его тело, его мозг, его сознание. В чём дело? Что с ним происходит? Вышел на балкон. Далеко внизу броуновское движение огоньков – автомобили кружатся на развилке дорог. Конечно, не совсем хаос, дорогами ограниченное движение. «Эх, взлететь бы птицей ночной и парить, парить над Москвой!», – воскликнул Марк, ощущая какой-то необъяснимый восторг... «А что, если...», – подумал Марк и представил, как он становится на перила и взмывает вверх с балкона. Даже ногу занёс к чугунной решётке перил, но тут же сам себя одёрнул. «Сбрендил, что ли...» Но что самое удивительное, его не так небо манило, как сама пропасть. Каково это лететь мимо чужих балконов, мимо окон, и что в это время думается? «Тьфу ты... Напасть какая-то...», – ругнулся сам на себя и вернулся в свою холостяцкую комнату, а там... От увиденного глаза зажмурил. Шок! Точно сбрендил! Открыл глаза. В его любимом кресле сидела Линда, взбивая руками гриву своих каштановых волос и улыбаясь во весь свой белозубый рот:

– Идём гулять? Какой счёт?

– Линда! Откуда? Как? – выдохнул с облегчением, но тут же спохватился. – У тебя ключ сохранился?

– Марк, ты о чём?

– Ну как? Без ключа? Сквозь стены проникла?

– Нет, птичкой впорхнула через балконную дверь... Мимо тебя, стоящего у перил. А ты и не заметил, – Линда порывисто встала с кресла, подскочила и расцеловала Марка и тут же отошла к балконной двери. – Идём? Или улететь?

– Не надо! Не улетай! – в ужасе воскликнул Марк.

– Я пошутила, мой милый дурачок. Так какой счёт? Выиграла твоя команда?

Полгода прошло с тех пор, как Линда пропала. Однажды вечером вышла на балкон и... не вернулась. Он тогда смотрел по телевизору футбол. Помнится, Линда подошла, встала между ним и экраном и начала:

– Марк, я ухожу...

– Отойди от экрана. Потом, потом... После матча вместе погуляем.

Линда молча вышла на балкон. Закончился матч поражением любимой команды, Марк ещё какое-то время сидел в кресле расстроенный, потом позвал жену:

– Линда, я готов. Идём гулять.

Тишина. Он заглянул на балкон. Никого. В ужасе подскочил к перилам и посмотрел вниз. Ничего не увидел. Побежал по лестнице вниз, не сообразив в горячке вызвать лифт. Бегал по асфальту под окнами, заглядывал в палисадник напротив балкона. Никаких следов Линды. И слава Богу! Но где она? С балкона не возвращалась, и нет её там. И вдруг спохватился: а если она запряталась в балконном шкафчике? Пошутила? Напугать его захотела? Хотя в шкафчике места мало. А вдруг поместилась всё-таки? С радостью и надеждой взбежал одним махом на восемнадцатый этаж. Входная дверь как была, так и осталась открыта. Дверь балконного шкафчика на крючке. В ванной, на кухне – никого. В спальне пусто. В платяном шкафу все её вещи на месте. А если вдруг? Если она выпала с балкона? Если её уже забрала скорая помощь? Вихрь хаотичных мыслей! И никакого ответа. Звонил в скорую помощь. Ответили, что вызова по адресу дома не было. Звонил в полицию, но там тоже ответили, что никаких происшествий на его улице не зарегистрировано, и даже слушать не стали путаное заявление Марка – жена вышла на балкон и не вернулась в комнату,

и нигде её нет. Видимо, дежурный принял Марка за ненормального, но отвечал корректно и формально: «Никто сейчас искать вашу жену не будет. Приходите через трое суток с письменным заявлением. Укажите обстоятельства, при которых жена потерялась».

И вот сейчас его Линда появилась в комнате после полугодового отсутствия, словно ничего не произошло, и собирается пойти с ним гулять. Как это понимать? Сбежала, неизвестно, где находилась всё это время, вернулась и приглашает гулять. Спрашивает, какой счёт футбольного матча. Издевается?

– Вылетела команда из высшей лиги, – он посмотрел на жену с недоверием.

– Весной вылетела? – удивилась Линда. – Впрочем, я в этом не разбираюсь. Пойдём. Ты же сказал, что после футбола пойдём.

– Линда, так уже почти полночь. А гулять мы собирались вечером. Ты исчезла.

Линда засмеялась.

– Я запуталась. То идём гулять, то не идём. Но так даже лучше. Я – в ванную, и в постель. Словно вечность не виделись, а всего с десятков минут. Может, вместе пойдём?

Она прижалась к Марку, призывно заглядывая ему в глаза. Он не успел ничего ответить, так как Линда оторвалась от него и побежала в спальню, на ходу обронив:

– Надену новый пеньюар. Тот, что ты мне подарил вчера.

Марк забыл про пеньюар. И вообще, он многое забыл, словно той жизни, до исчезновения Линды, вовсе не было. Но как это может быть? Она так же одета, как в тот последний вечер: светлые в обтяжку джинсы, синяя футболка, кроссовки тёмно-синие с красной окантовкой.

– Марк, где мой пеньюар? Он висел в шкафу. И чёрные стринги, ажурные, не нахожу.

О, ужас! Пеньюар и стринги надевала Анита, когда приходила к нему. Месяц назад они с Анитой расстались. Видимо, оставила себе? Шубку беличью хотела взять, но он в последний момент остановил её, подумал, а вдруг случится чудо, и Линда вернётся. Что будет отвечать Линде?

– Линда, я не знаю! Ищи, куда ты их дела? – соврал, и самому стало противно от своего вранья.

А что сказать? Сказать, что её не было полгода дома? Кто из них двоих сумасшедший? Он или она? Или оба? Но ведь в полиции есть его заявление о пропаже жены! Ведь Линду объявили в розыск! А что, если она сейчас дурочит его? Пока он смотрел футбольный матч, выскользнула незаметно из квартиры и исчезла на полгода? Где она была? С любовником? А где она могла быть, если паспорт остался дома? И её заграничный паспорт тоже находится в ящике стола. Хотя... В наше время можно иметь два заграничных паспорта, ведь у неё мог быть тайно от него и второй... Могла уехать за границу? Почему тогда полиция не обнаружила пересечение границы? Впрочем, разве они искали? Время выжидали...

Тем временем Линда показала в проёме двери ванной. Обёрнутая в махровое полотенце, слегка прикрывавшее её грудь и животик, она выглядела умопомрачительно сексуально. Нагнулась до пола и помахала ему рукой:

– А-у-у! Милый! Иди ко мне... Ванна наполнена тёплой водой с голубой пеной...

Полотенце сползло вниз, открылась ложбинка между её грудей... Горячая волна подкатила к щекам Марка и разлилась по всему телу, аж до кончиков пальцев на ногах... Словно пружина подкинула Марка, и он побежал в ванную вслед за женой.

Потом, после игры в ванной, Марк и Линда лежали в кровати, болтали, целовались, занимались любовью до изнеможения... Линда, откинувшись на подушку, прошептала:

– Класс! Насытилась. словно вечность в голоде жила. А ведь вчера среди ночи было. Ну, Маркуша, ты меня сегодня поразил страстью и любовью, любовью и страстью... – она приподнялась и осыпала мужа мелкими и частыми поцелуями.

А он смотрел на её отражение в зеркале. Загорелое тело резко контрастировало с белым, даже бледным Марком. И загар был какой-то необычный: густой, насыщенный золотом загар. Такого цвета загара он никогда не видел. Под левой лопаткой Линды он заметил в зеркальном отражении какое-то пятнышко. Марк привстал и повернул Линду спиной к себе.

– Что там, Маркуша? Родинка высыпала? Раньше не было...

Нет, это была не родинка. Это было маленькое углубление в коже тёмно-бордового цвета... Шрам? Или след от инструмента?

– Здесь маленький шрам. Раньше не замечал его.

словно маленькое облачко промелькнуло на лице Линды. Промелькнуло и исчезло. Линда засмеялась:

– Пигментное пятнышко. То появляется, то исчезает. Даже не знаю почему? И врач ничего не сказал вразумительного. А пусть... Ведь оно украшает мою спину?

– Линда, какое у нас сегодня число? День какой? – спросил Марк, вспомнив, как Линда выразила сомнение в том, что футбольная команда может вылететь из высшей лиги весной, а ведь сейчас осень.

Линда посмотрела долгим взглядом на Марка, потом, приложив палец к губам, прошептала:

– Тсс... Не будем о числах, не будем серьёзными... – она провела ладонью по его лицу, словно массируя пальчиками какие-то точки.

И к Марку опять вернулось то самое настроение, которое он испытывал, стоя у балконных перил. Хотелось бежать, прыгать, летать... Золотистый загар тела собственной жены люминесцировал в темноте ком-

наты. Он даже не понял, когда электрический свет погас... Свет исходил от его жены.

– Полетели, Марк? – спросила Линда.

Он молча взял её на руки и понёс на балкон.

С тех пор никто их не видел. В полиции появилось ещё одно розыскное дело по заявлению родителей Марка Урбенина.

В квартире осталась висеть фотография – на песчаном берегу ярко-синего озера бледнокожий Марк держит на руках улыбающуюся Линду с невероятно красивым золотистым загаром. Ходят слухи, что в темноте картина люминесцирует, но, вполне возможно, что это только слухи.

ЗАЙЧИКИ ПОД РОЖДЕСТВО

– Ой, бабуся, у меня зуб потерялся. Там дырка! – закричал, плача, шестилетний Сашко. Бабушка Марта повернулась от стола, куда ставила кутюю, и вскрикнула:

– Ото добре! Ото радость! Видкрый рота, сыну!

А Сашко и так стоял уже с открытым ртом, шупая пальцем нижний резец справа. Слёзы градом катились по его чумазым щекам.

– Тебе радость, а мне горе! – по-взрослому захныкал мальчик. – Я ж на тебя, беззубую, теперь буду похож! Как я орехи буду щёлкать? Дедуля тоже беззубый.

– Сашко, а дэ ж зуб? Ты не проковтнув його? Трэба найти його сьогодни, а то завтра буде пизно.

– Не знаю... – пуще прежнего взревел мальчик. – Роман сказал, что если зуб проглотить, то он станет расти на лбу, и тогда рога у меня будут, как у козла багаболиного.

Багаболей звали Ивана, соседа. Он жил с семьёй очень бедно, ничего у них не было, кроме детей, рождавшихся каждый год. Прозвище Багаболя пошло от слова «бараболя», то есть картошка, – Иван в детстве не выговаривал букву «эр».

– Та жартуе твий дядя! Жартуе. Ты ж не козэл, а гарный хлопчик.

И бабушка стала уверять, что зубик найдётся, обязательно найдётся, что он, наверно, на пол упал: Сашко стал плакать и выронил зубик.

– Не плачь, моё золотце. Давай разом зубик шукаты.

Бабушка опустила на колени и стала ползать по светлице, шуря глаза и шупая рукой пол. И Сашко тоже кинулся искать. А вдруг и вправду проглотил зуб? А вдруг Роман не пошутил и на лбу рога начнут расти? А подружка Нинка не захочет с ним, рогатым, дружить!

Стукнула дверь в сених, и в светлицу вошёл степенный дед Фёдор с окладистой, наполовину седой бородой, покрытой сосульками льда. Сашко вскочил с пола – и к деду:

– Дедушка, я зуб потерял! Смотри, – мальчик широко открыл рот и показал деду зияющую на фоне белого ряда зубов дырку, тыкая в неё указательным пальцем.

– В канун Рождества Христова зубик выпал?! – заулыбался дед. – То дуже добре. Найдём, обязательно найдём. Забросишь зуб на чердак, а там мышка подберёт и новый зубик тебе принесёт! Здоровый и крепкий. Только попросить надо мышку, ведь перед Рождеством все желания сбываются.

Дед нагнулся и стал ходить по светлице, всматриваясь в пол.

– Хорошо, что пол глиняный. Никуда зубик не покатится, где упал, там и останется лежать, – приговаривал дед.

Обрадованный Сашко тоже принялся высматривать потерю. Снова открылась дверь, и в хату вскочил Роман, парень двадцати лет, младший сын Фёдора и Марты. Сашко на него ноль внимания. «Что взять с баламута?», – так говорит Сашкова мама Лиза. Он вечно скалит зубы и обидные шуточки отпускает.

– Репку из глины вытаскиваете? Или только тренируетесь? Репка-то к весне взойдёт.

– Романэ, нэ кажи дурницы! – строго одёрнула его бабушка. – Зирка на нэби вже скоро зьявыцься. Вечеряты пора. Краще допоможе Сашку зуба знайти. Выпав зубык – и нэма його.

– Так Сашко проглотил его. Точно проглотил, и теперь...

– Романэ, я кому кажу! – бабушка повысила голос.

Роман заулыбался пуще прежнего, но сказал миролюбиво, хитро посматривая на племянника:

– Мамо, не могу я тут прохладиться. В сарае два зайца бегают. Из лесу принёс – в силки попались. Надо их репкой угостить. Пускай погрызут.

Сашко пулей бросился к дяде.

– Роман, голубчик, возьми меня с собой. На зайцев хочу посмотреть!

– Ладно. Давай я тебя в одеяло заверну, чтоб время не терять, и отнесу к зайцам.

Бабка Марта ловко поднялась с пола и побежала к шкафу.

– Ну и добрэ! Хай подывытыся на зайчикив! Недовго там, Романэ, не простуды дытыну.

Завёрнутый в одеяло Сашко счастливо прижался к дядиной щеке, забыв про зуб и про всё на свете. В сарае он смотрел, как зайцы метались, не притрагиваясь к брошенным Романом на пол двум репам. Сашко вначале очень радовался белым зайчикам, а потом насупился.

– Сашко, что молчишь? Боишься? Не бойся. Видишь, зайцы сами боятся.

– Мне жалко их. Они мне через дедушку гостинцы передавали: лесные орехи, кислицы замороженные... А ты их в плену держишь в сарае. Роман, давай отпустим зайчиков. Пусть в лес бегут.

Отпустить зайцев? Роман чуть не поперхнулся от возмущения. Ну и ну! Целый день в лесу по снегу бродил, чтоб к празднику зайчатина была. Ведь кроме кутьи, подслащённой пшеничной каши да картофеля варёного с квашеной капустой, ничего дома и нет. Отец принёс несколько краюх хлеба из-за речки, где подрабатывал: кому дров нарубить, кому снег почистить, из хлева навоз убрать. Там, на западной стороне, народ не так бедствует, но опасно. В лесах недобрые люди после войны остались, убить чужака могут. Хотел прикрикнуть на племянника, чтоб глупости не говорил, но одумался и тихо сказал:

– Молодец, Сашко! Хорошо придумал. Открываем дверь?

– Открывай! – мальчик поцеловал дядьку в щеку.

Зайцы выпрыгнули из сарая и бросились к виднеющемуся вдаль чёрному лесу. На небе показалась первая звезда, а потом их стало больше и больше...

В хате стол уже был накрыт. Кутья, узвар (компот из сухофруктов, в основном, из лесных яблочек-кислиц да сушёной земляники). Большая тарелка квашеной капусты. Несколько ломтиков чёрного хлеба. Грибы солёные. Винегрет. Пришла мама Лиза и поставила на стол пол-литровую бутылку подсолнечного масла.

– А олия звидки? – тихо спросила бабушка.

– Василий Юльчин прислал из Москвы. Вот тётя и нам немножко отлила.

Василий – двоюродный брат по линии отца. Большой человек, военный. Полковник.

Бабка что-то тихо спросила Романа, а тот покачал головой и сказал:

– Отпустил. Сашко попросил.

Баба Марта всплеснула руками и протяжно, с тоской выронила:

– Ой, горенько наше, горенько... Що ж робыты? Воны, бидни, тэж жыты хочуть, – и, обращаясь к внуку, добавила, что нашёлся его зубик и надо пойти мышке отдать.

В коридоре мальчик замахнулся и бросил зубик на чердак через открытый лаз, приговаривая: «Возьми, мышка, мой зуб молочный, принеси мне новый, да прочный!»

Потом все сели за стол, налили каждому в кружку компота. Дед Фёдор сказал, вытирая глаза:

– Поблагодарим нашего Господа за то, что пережили прошедший год и остались живы. Попросим у Бога милости, чтоб в этом году никого не коснулась беда, чтоб мы больше не знали голода.

Дед помолчал и произнёс:

– И чтоб Сашко наш рос здоровым и счастливым!

Перекрестились, попробовали кутью и запили компотом. Сашко понимал: все знают, что они с Романом

отпустили зайчиков на волю, и хвалиться этим не следует.

Позже бабушка отправилась в соседнее село Кунив на всенощную службу. Своей церкви в их маленьком Долочье не было.

Мама постелила Сашку постель на топчане у тёплой печки и отправила его спать. Перед сном подошёл дедушка и вручил холщовый мешочек с лесными орехами, поцеловал и сказал: «Это тебе, Сашко, подарок от зайчика!» Ночью мальчику снились зайцы. Они весело бегали в лесу между ёлок, приглашая его к ним присоединиться.

Потом Сашко всю жизнь вспоминал вечер накануне Рождества Христова 1948 года – как сидели за столом всей семьёй, какой вкусной была еда: картошка, чёрный хлеб и – особенно – пахучее подсолнечное масло. А зуб новый вырос, красивый, белый и крепкий, да и все зубы у него как на подбор. Видимо, мышка исполнила просьбу мальчика.

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ ИЗ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ КРАСНОВА

1. И ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ ТАКАЯ?

Глаза зелёные, попа знатная, бюст – загляденье, и улыбка... Улыбка такая, что невозможно мужику не улыбнуться. А если она рассмеётся, то кто удержится, чтоб в ответ смехом не зайтись? Рост модельный! Русоволосая красавица! «И откуда ты взялась, весёлая женщина?!», – подумал Краснов, когда в первый раз встретились у него в поместье под Пафосом. Известно откуда! Марат пригласил в качестве эксперта по оценке недвижимости. Марат управляет его счетами, без права снятия денег, но управляет. Сам Краснов уже не успевает всё отслеживать, куда там! В нефтяном бизнесе трудится, приходится по командировкам мотаться. А Марат на постоянной связи с банками, чуть что, он хозяину звонит, а там уже дело техники и профессионального умения, как разрешить внезапную проблему или просто сделать нужный перевод. У Марата есть номерные бланки с его подписью, но даже в этом случае голосовое подтверждение перевода обязательно.

Поместье в Пафосе тоже требует контроля и хозяйского догляду, хотя здесь сестра Катя управляет, а при её отсутствии Зинаида, подруга сестры, на посту. В общем, рутинные повседневные вопросы закрываются без особых проблем, а вот концептуальные требуют внимания самого хозяина: четвёртый дом запланировал строить... Хотя сестра Катя не одобряет.

– Краснов, ну куда тебе столько домов в одном месте? Земли два гектара. Сад. Фонтаны. Три готовых

дома, и четвёртый строить задумал. Зачем? Седьмой десяток уже разменял...

– Бумажная валюта неустойчива, а кирпичные деньги неподвижны... Тебе, Катя, в наследство один домик отпишу, – попытался отшутиться.

– Я на его содержании банкротом сделаюсь. Не надо!

Шутки-шутками, а надо серьёзно решать, что делать с недвижимостью. Вот так в его поместье и появилась весёлая женщина по имени Мария. Как увидел, так сразу и запал на неё! Баба что надо, как среди мужиков говорится. И экспертом отменным оказалась. И шустрая, глаз-ватерпас, как Катя любит говорить. Всё примечает, всё запоминает, с ним приветлива, с Зинаидой – официальный тон... А та ходит следом за ними хвостиком, ни на шаг не отстаёт, не даёт ему остаться вдвоём с Марией. А ему ух как хочется, хотя виду не подаёт. Но глазами так и тянется к Марии... Такую ни один мужик не пропустит мимо, чтобы глазами не пощупать. А то! Вон бугорки на попе как перекатываются под голубыми короткими джинсами, а дальше голые и мускулистые ноги... Засмотрелся на эти ноги и за бордюр дорожки зацепился, да так, что чуть не навернулся в сторону кактуса колючего. Не хватало ещё колючек на морду набрать. И так не красавчик! И возраст уже...

– А будь неладны эти повороты! Нельзя было, что ли, по прямой дорожку сделать? Так нет, с выкрутасами захотелось!

– А вы за меня держитесь, Андрей Ильич! – предложила Зина. – Небось, вдвоём не упадём.

Зина тут же подхватила его под руку.

– Угомонись, Зина! – жёстко парировал, а сам подумал: «Достала уже! Самой за шестьдесят, а туда же – набивается в невесты!»

Посмотрел виновато на Марию, как ей объяснить, что Зина никто ему! Впрочем, ничего весёлой женщи-

не объяснять не надо. Всё видит и ждёт, улыбаясь. И это при том, что ничего она, видимо, о нём не знает, – Марат вряд ли стал бы откровенничать.

2. ГОРЛИЦА, ПТИЦА БЛАГОНРАВНАЯ

Пока общалась с Красновым, думала о нём. Видный мужчина солидного возраста. Под шестьдесят. Хотя для независимого мужчины возраст не помеха. Следит за собой, видимо? В меру плотного телосложения, взгляд прямой, внимательный. А если встречается с её взглядом, то тут же начинает виновато улыбаться. Запал на неё, что ли? Уже не девочка, чтоб такие вещи не замечать. Да, удружил Маратик! Попросил поехать с ним в качестве эксперта по недвижимости вместо какого-то киприота... Марату не могла отказать, друг всё-таки и коллега. Вот и ситуация, чёрт её возьми! Сбежала из Москвы от мужа, с которым в браке была больше десятка лет. Свобода жизни на Кипре, достойная работа, и нате вам – новые заморочки! Но нравится ей этот Краснов! Немолодой, ну и что? Сильный, уверенный в себе мужчина, и... эта беспомощная улыбка! Богатый? Нет, не в том дело... Она достаточно зарабатывает, чтоб на мужское богатство не повестись. Впервые за несколько лет обратила внимание на чужого мужчину. Только встретились, только познакомились, а уже тянет к нему. Хотя сколько времени надо знать мужика, чтоб влюбиться в него? Месяц, год, два года? Но не один же час, как с этим Андреем Ильичом случилось? Да ничего ещё не случилось, не влюбилась, и даже мыслей таких нет. Хотя нет, не надо самой себе врать. Мысли есть, но и только. Любопытно ей. Мужик возрастной, но породистый. И умный. Почему решила, что умный? В жизни состоялась, и это главное... Да ладно, всё ясно: птицу видно по полёту, настоящего мужчину – по поступкам, по ма-

нере говорить, шутить, по умению быть галантным... Женщина сразу видит своего мужчину! А Краснов её мужчина! Но тут же осадила сама себя мысленно: «Э, голубушка, что это ты размечталась?! Какой он твой мужчина? Почти в два раза старше! Видимо, жена, а то и несколько жён в его активе, бывших и настоящих! Да и Зинка эта ни на шаг его от себя не отпускает. Видно, что она не жена, называет его по имени и отчеству, но ясно как белый свет, что претендует на большее, чем управляющая помещьем. Ишь, прилипла к нему?»

– Машенька, не сфотографируете ли нас с Андреем Ильичом? Как мы с ним вдвоём смотримся?

– Ой, да! Конечно, – она внимательно посмотрела на Краснова.

Насупился, недоволен. А Зина прижалась к нему и голову на плечо положила.

– Посмотрите, Андрей Ильич, как хорошо Мария кадр поймала! Красивая фотография! – елеиным голоском пропела Зина.

Но Краснов перевёл разговор на другую тему.

– Участок посмотрели, дома посмотрели, давайте, дамы, вместе пообедаем. Захватим Марата, он где-то гуляет в одиночку.

«Конечно, в одиночку! Потому что Маратик увидел, что происходит, и оторвался от нас, не стал мешать, в отличие от этой Зинки-резинки липучей», – подумала Мария, а вслух сказала:

– Можно и пообедать. А за столом обменяемся впечатлениями об увиденном и услышанном.

Пафос – город прекрасной Афродиты! История на каждом шагу. Из окна таверны видно море, величественное в солнечном свете, тихое и спокойное. И, слава Богу, все молчат. Пауза. Даже неугомонная Зиночка притихла. «Возможно, это начало новой истории в моей жизни?», – подумалось Марии. На перила декоративного мостика села горлица. Оперенье – желтизна с меняющимся цветом по туловищу, длинный

хвост, аккуратная головка с бусинками чёрных глаз всё время находится в движении... Вспомнилось слышанное по радио:

*Горлица, ты, горлица,
Птица благонравная –
Свадьба скоро станется,
Свадьба православная.*

Эка придумала себе продолжение истории! Со своим мужем никак не развяжется, а свадьба на ум лезет. Её раздумья прервал голос Андрея Ильича:

– Маша...

Горлица, словно услышав голос Краснова, вспорхнула и исчезла.

– Что? Ой, извините, засмотрелась на птицу за окном, она улетела...

– Маша, давайте будем знакомиться ещё раз. Я живу в этом огромном поместье один, но часто уезжаю в Россию или в США. Хозяйством занимается моя сестра Катя, Зина часто подменяет сестру, когда той надо по своим делам улетать на родину. У Зины, бывшей учительницы, масса нерастроченной энергии и любви, вот она на меня и обрушивает всё это, не спрашивая моего согласия. А теперь к делу? Как вам мой проект с точки зрения вложения денег?

– Малоперспективный и рискованный. Отдельно стоящий посёлок. Рядом туристический город Пафос. Конечно, красиво здесь. Сейчас это стоит денег, а в будущем? Не уверена. Нет бизнес-мотивации селиться здесь людям при больших деньгах. Это только моё мнение.

– И что же делать? – озадаченно спросил Краснов.

– Продавать сейчас на высоком рынке. В крайнем случае я на вашем месте оставила бы себе один домик, если уж так прикипели к этим местам.

– А деньги куда?

– Ну, это уже другой вопрос. Можно рассмотреть вложение средств в строительство высотных домов в Лимасоле с учётом, что в будущем, уверена, газовый проект на шельфе будет реализован. Все стороны заинтересованы, когда-то договорятся.

– Спасибо, Мария. Я подумаю. Ваши услуги оплачу.

– Никакой оплаты не требуется. Я здесь нахожусь по просьбе Марата.

– Хорошо. Я найду способ.

Расставались весело. Краснов шутил, Мария улыбалась. Марат помалкивал. Зина ушла раньше.

3. В НОЧНОЙ ТИШИНЕ

Мария с Маратом уехали в Лимасол, но не убрались из его мыслей, точнее, там осталась Маша, – Краснов ходил и ходил по саду, возвращаясь к недавней встрече. Что сказала? Как посмотрела? Её улыбка? Её смех? Он то хмурился, то улыбался, словно вёл беседу с кем-то. Вечером добрался до самой отдалённой границы участка и присел на огромный валун. Этот валун здесь всегда был, но ему пришлось нанять мощный трактор и подвинуть слегка камень, выровнять его. Пожилой киприот-тракторист сказал ему на русском языке с кавказским акцентом:

– Господин Краснов, пройдёт много-много лет, вас не будет на этом свете, меня не будет, а камень здесь будет лежать. Может, тысяча лет и больше пройдёт, а камень будет на этом месте лежать! Представляете?

– Спасибо, друг! – только и нашёлся Краснов и пожал трактористу руку.

Он присел на камень. Отсюда не видны огоньки коттеджей, не слышно звуков машин, голосов людей. Тишина благословенная. Высоко в закатном светлом небе бледная луна. Далеко внизу море. Вспомнилась вся жизнь. Он, молодой и успешный учёный, уехал с

женой-красавицей в Америку... Какие были перспективы! А главное, какая была любовь с женой Алёной! И всё в Америке пошло хорошо: выучил английский, преподавал в университете; Алёна владела в совершенстве английским, и она, искусствовед, стала работать в музее по специальности. Но счастье длилось недолго. Через год Алёна оставила его, забрав с собой дочь. Куда ушла, зачем? Она просто исчезла из его жизни, и вот уже двадцать лет ему ничего не известно ни об Алёне, ни о дочери Оле. Он пытался искать их следы, но бесполезно, возможно, Алёна сменила имя и его фамилию? Возможно, уехала в другую страну, допустим, в Мексику? Новая любовь у неё случилась? И где она сейчас? Жива ли? Что с дочерью? Сколько сейчас дочери лет? Уже под тридцать должно быть. Где она? Всё, что осталось от семьи, только записка Алёны: «Андрей, я ухожу от тебя вместе с Олей. У меня начинается новая жизнь. Не ищи нас. Прощай!»

Он долго переживал, но потом, через пять лет, женился на коренной американке Джейн; любви не было, и семьи как таковой не было и нет, хотя пока они находятся в браке. И так длится уже двадцать лет. И вот она, Мария! Весёлая, независимая! Женщина, которую желаешь видеть, говорить с ней, иметь её... «Дурак, – обругал сам себя вслух, – ведь ничего о ней не знаю! Возможно, у неё куча детей и муж?» Хотя Марат шепнул, что она свободна! Да и смотрела на него благосклонно! Вытащил из верхнего кармана сорочки её визитку и стал внимательно рассматривать. Косарева Мария Ивановна, эксперт по недвижимости, контакты. А названия фирмы нет. Впрочем, какое это имеет значение? Главное, номер мобильного телефона указан. И он решительно позвонил ей. В ответ тихо:

– Да, слушаю, Андрей Ильич. Добрый вечер.

Вот так! Уже успела забить номер его телефона в память своего мобильного.

– Маша, не могли бы мы с вами встретиться, скажем, завтра после работы? Предлагаю поужинать вместе в вашем городе, в Лимасоле.

– Хорошо.

Слава Богу! Согласилась. Совсем стемнело. На небо высыпали звёзды. Ночная птица запела, подаёт два коротких булькающих звука. Что за птица? Краснов не раз слышал это пение, повторяющееся через небольшие промежутки времени, справлялся у киприотов. Говорили, что эта маленькая птичка всегда поёт после заката, привлекая пением самца. Красивая история! Возможно, придуманная? Хотя киприоты называли даже имя птички по-гречески, но не запомнил. А если это зарянка? Нет, зарянка заливается наподобие соловья... Что для него значит это пение ночной птицы? Таинственные и какие-то тревожные звуки в ночной тишине? Очень скоро Краснов вспомнит этот вечер, вспомнит огромный и вечный валун и пение птицы в вечерней тишине.

4. ПЕРЕД СВИДАНИЕМ

После звонка Краснова она долго не могла уснуть. Нравится ли ей этот мужчина? Да, нравится! Её определённо к нему тянет. Но ведь он старше её намного. Зачем она ему? Зачем он ей? И почему она так легко согласилась на завтрашнюю встречу с ним? Ведь это не деловой ужин? Нет, определённо, нет! Это – свидание мужчины и женщины, и она хочет этого свидания. А если это действительно любовь? Разве такое бывает? В тридцать два года убежала от мужа на Кипр... Сын остался. Любовь ушла, что ещё их могло связывать? Ничего!

Утром явилась в офис, как обычно, деловая и весёлая. Встречи с клиентами. Переговоры. Залихватски смеялась, шутила, всё, как обычно. И никто из подруг

не мог даже догадаться, что она находится в состоянии предвкушения скорого свидания с немолодым мужчиной. Только Марат посмотрел на неё внимательно и спросил:

– Маша, у тебя всё нормально? Ты какая-то оживлённая больше, чем обычно...

– Маратик, только тебе признаюсь. Краснов пригласил вечером на ужин. И я согласилась.

– В первый раз увидел тебя такой, как, впрочем, и за Красновым раньше не замечал, чтоб он за молодыми женщинами ухлёстывал. Серьёзный он мужчина.

– А я, Маратик, серьёзная? Ведь согласилась на встречу.

– Более чем! Но ты, Маша, и весёлая женщина! А где встречаетесь?

– В кафе гостиницы “Four Seasons”. А знаешь, Маратик, давай вместе поедем? Подвезёшь меня и на ужин останешься. Мне так будет спокойней.

– Подвезти – подвезу к гостинице, но заходить не буду. А если нужно, позвонишь, и я тебя заберу оттуда.

После этих слов Марата она как-то успокоилась. Что это она нафантазировала себе? Возможно, Краснов хочет обсудить с ней какой-то новый проект? А это немалые выгоды и для неё лично. Новый опыт, да и комиссионные тоже имеют значение, что греха таить.

С работы уехала домой пораньше, чтоб привести себя в порядок перед вечерней встречей.

5. КОГДА ПРИЛЕТАЮТ ГОРЛИЦЫ...

“Colors cafe”. Сколько раз у Краснова были деловые встречи в этом кафе пятизвёздочного отеля “Four Seasons”! Да и сам не раз останавливался в отеле. Сколько раз она встречалась с деловыми партнёрами и клиентами здесь! Уютные столики, тихая музы-

ка, внимательные и тактичные официанты. Обычно встречаются здесь для деловых разговоров, а ужинают и расслабляются в одном из ресторанов гостиницы. Краснов встретил Марию у входа в отель. И вот они вдвоём за столиком.

– Андрей Ильич, у вас, очевидно, появилось желание продолжить наш вчерашний разговор? Чем я могу вам помочь?

– И так, и не так, Маша! Конечно, я думал над вашим предложением и в целом с ним согласен. Детали можно обсудить, но не в этот вечер. Мне захотелось вас увидеть, поговорить. Давайте в третий раз знакомиться! Я расскажу вам о себе, узнаю чуточку больше вас. Ведь нам, надеюсь, придётся работать вместе?

– Согласна. Давайте, – заулыбалась Мария, – начинайте первым. Где ваша семья? Дети, жена... Ведь это важно в случае продажи поместья.

– Расскажу. Всё поместье продавать не хочу. Оставляю себе один домик с отдалённой территорией, примыкающей к горам. Там лежит огромный валун, на котором я люблю в вечернее время посидеть. Там ночная птица поёт. Там звёзды в небе ярче. И луна там располагается ближе.

– О, да вы романтик, Андрей Ильич! Стихи сочиняете?

– Бывает. Но только для себя.

– А мне почитаете?

– Если вы согласитесь со мной посидеть на моём камне под вечерним небом.

Краснов начал говорить об американской жизни, о Джейн, о намерении развестись с американкой, вскользь упомянул, что до Джейн была у него русская жена и дочь маленькая была, но они расстались и больше с тех пор не встречались.

– А с дочерью?

– Ни слуху ни духу о дочери. Не удалось узнать, где она.

– Печальная история. Чем-то похожа на мою. Я не помню своего отца. Всю жизнь я прожила в маленьком посёлке на Сахалине с мамой и отчимом по имени Гугдауль, что обозначает высокий. Он и был высоким ростом. Сам он эвенк, а фамилия русская – Косарев. Так когда-то записали при выдаче паспорта.

– Так вашего отца звали Иван, ведь вы Ивановна?

– Нет, я не знаю имени моего отца. Мама хотела, чтоб у меня было отчество по имени отчима. Но представляете, как это звучало бы – Мария Гугдаульевна! Поэтому мама вписала в свидетельство о рождении имя отца Иван.

– Невероятная история. А где ваша мама сейчас?

– На Сахалине. В городе Оха. Живёт с отчимом, и они счастливы. Я бываю у них раз в пять лет. Хотите, покажу фотографию мамы?

Мария пощёлкала кнопками мобильного. С фотографии на него смотрела Алёна, такая же красивая, как много лет назад! Он чуть не потерял сознание, не отрывал взгляда от фотографии и шептал: «Не может быть! Не может быть...»

– Что с вами, Андрей Ильич? Вам плохо?

– Не может быть! Как твоя мама похожа на одну женщину! Поразительно похожа. Сколько ей лет?

– Пятьдесят два года. А что?

– Как такое может быть? У неё была сестра?

– Нет. Мама воспитывалась в интернате. Родители рано умерли. Потом был институт. Замужество.

– А ваш папа кто? Где он? Как его фамилия?

– Не знаю. Мама ничего не рассказывала. Когда я спрашивала, она говорила, что со стороны папы было предательство. Она от него ушла и оказалась на Сахалине. Остальное я вам уже рассказала.

Он сидел и молчал. И Мария молчала. Ему вспомнилась та давняя история, когда Алёна не смогла ему

простить лёгкой интрижки с Джейн. Не могла и не простила. Но эта женщина, мать Марии... Как она похожа на его Алёнку!

– Маша, а как звать вашу маму?

– Алёна.

– Алёна Викторовна?

– Да, – Мария удивлённо посмотрела на Краснова.

– Вы знали мою маму?

– Не уверен. Столько совпадений. А фамилия твоей мамы?

Краснов перешёл на «ты» с Марией, сам не заметив этого.

– Я же сказала, что Косарева, по фамилии отчима. Я при замужестве тоже осталась на своей девичьей фамилии.

– Столько совпадений! Голова кругом идёт. Маша, у тебя есть сестра Оля?

– Нет, и никогда не было.

– Прошу, позвони своей маме. Прямо сейчас можешь позвонить?

– Могу, но... там только четыре утра. Хотя... впрочем, не важно. Звоню.

Мария набирала номер телефона на мобильнике. Лицо её стало серьёзным и даже каким-то чужим. Это не было прежнее лицо весёлой и беззаботной Марии. Сосредоточенное и взволнованное лицо опечаленной женщины.

– Привет, мама! Мама, с тобой хотят поговорить, – сказала она и передала мобильник Краснову.

– Здравствуй, Алёна! Я случайно встретил нашу с тобой дочь Олю. Но она почему-то сейчас Марией зовётся. Почему?

Краснов посмотрел на Марию, затем встал и вышел с телефоном на улицу. Его не было, наверно, не меньше получаса. Всё это время Мария сидела в кресле, уставившись в одну точку, словно оцепенев.

Краснов вернулся и тихо сказал:

– Маша, это наша с тобой судьба. Невероятное совпадение! И имя, и отчество совпали, но твоя мама из другой истории. Мы никогда с ней не встречались. И слава Богу!

* * *

Каких только чудес ни бывает на белом свете, и не все они имеют счастливый конец. Каких только совпадений не бывает! Может оказаться так, что где-то на другом конце мира есть человек, похожий на тебя, с твоим именем и отчеством и, возможно, даже с твоей судьбой.

Я слушал историю Марии из её уст и не переставал удивляться тому, до чего же бывает причудливой судьба. Каких только поворотов не устраивает она в жизни людей! Никакой изощрённый ум писателя не способен придумать такое. Думал о том, как Краснов сидел на вековечном валуне в вечернее время и слушал песню ночной птицы... Птица напророчила? Что мы знаем об окружающем нас мире? Почти ничего. Мы ведь сами себя толком не знаем, своих родных и близких нам людей не всегда понимаем.

Утром на мой балкон прилетели и уселись на перила две горлицы. Я верю, что, когда прилетает горлинка и садится у окна, обязательно жди новостей. Но две птицы с утра? Что бы это значило?..

6. КРАСНОВ И МАША

Я слушал сидящего за столом напротив меня Краснова и думал, что совсем не знаю его. Это наша вторая встреча, первая была в ресторане гольф-клуба “MINTHIS”, в горах. Поймал себя на мысли, что, несмотря на то, что много знаю о Краснове, он остаётся для меня закрытой книгой. Но и Машу я почти не знаю.

Познакомился с ней чуть более полугода назад. Уже с первой встречи Маша показалась очень симпатичной, интересной и открытой. Я имею в виду, не только внешне симпатичная, внешне – да, но бывает так, что встретил человека, и с первой минуты он тебе нравится, хочется с ним говорить, хочется смотреть на него... И неважно, кто это – мужчина, женщина, молодая или старая. Вот таким приятным человеком показалась мне Маша. Уже в первую встречу она неожиданно для меня рассказала необычную историю своего знакомства с Красновым, как, не ожидая и даже не желая этого, влюбилась. Краснов так на неё смотрел, так с ней говорил... И потянуло Машу к нему! Казалось, что раньше тащилась она по скучной дороге под палящим солнцем, и вот он, дуб зелёный стоит посреди рощи с поющими соловьями! И закрутило-завертело уже зрелую женщину! Начались отношения, если не сказать, любовь. Но... Через месяц пришло на электронный адрес послание от Оли, дочери Краснова! Столько лет неведения о её судьбе, и вдруг письмо. Она приглашала отца на свадьбу. Он улетел в Америку на целых полгода, за эти полгода от мыслей и переживаний Маша похудела, постройнела, глаза стали огромными, задумчиво-печальными даже, когда она залихватски смеялась. А потом Краснов неожиданно опять появился на Кипре, и всё продолжилось с ещё большей силой, как для него, так и для Маши.

И вот, после возвращения Краснова из Америки, находясь у него с Машей в гостях, я испытываю ощущение, что он чем-то похож на Машу, нет-нет, не внешне и не манерой говорить, пара – пример соединения двух противоположностей. Краснов, степенный и рассудительный, говорит медленно, аккуратно подбирая слова, а Маша – энергичная, эмоциональная, с отменной реакцией на шутку, то взорвётся смехом, то на секунду задумается и начинает рассказывать какой-нибудь забавный случай из своей жизни. В чём

же похожесть? Они словно сделаны из теста одного замеса и внутренне находятся в одном пространстве. И совпадают они во многом: любят побродить пешком в горах, классическую музыку любят, Маша поэзией увлекается с детских лет, читает для Краснова русских классиков, он с удовольствием слушает, прикрыв глаза. И свои стихи, бывает, читает другу Маша... А какое блаженство сидеть на закате под соснами, смотреть на море и молчать! Видимо, Господь не зря свёл их вместе, может быть, у Него есть для них какое-то особое предназначение, но они об этом ничего не знают и даже не задумываются на этот счёт. Маша работает в крупной международной компании, которая обслуживает состоятельных людей. Для них подбирает место жительства, помогает в приобретении домов, квартир, в управлении хозяйством, да и любые пожелания человека с деньгами исполняет, да и любые пожелания человека с деньгами исполняет: организует лечение, закажет билеты в театр или на самолёт, устроит восхождение на гору Килиманджаро или полёт в космос... Всё могут – платите деньги, и в вашем поместье, скажем, на Чукотке, зимой будут пальмы цвести. Маша говорит, что у неё по всему миру порядка двухсот клиентов, которых она обожает, и они любят её; бывают случаи, когда просто приглашают прилететь в гости, и она летит куда-то на край света. Летит, потому что взаимная любовь. Среди друзей-клиентов много англичан, китайцев, вьетнамцев и, само собой разумеется, русскоговорящих, бывших граждан когда-то большой страны под названием Советский Союз.

– Всеволод Иванович, недавно у меня появился новый клиент, китаец Николаус. Живёт на Кипре, а русский учит, – прервала мои раздумья Маша.

– Как так? – удивляюсь я. – У китайцев большинство имён начинается с буквы «Х». И зачем ему здесь русский?

– На Кипре у него много друзей из России, Казахстана. А своё имя поменял из-за неблагозвучности ки-

тайского на русском языке, выбрал новое греческое имя Николаус, а для друзей он просто Коля.

Вечно на людях, вечно в делах, кажется, что эти дела сами каким-то образом находят Машу. Она создала при школе в Лимасоле русскую библиотеку. Маша по образованию филолог, книги любит и желает, чтоб близкие ей люди любили читать, особенно сын Алёша.

– Беру новую книгу в руки, вдыхаю запах её – и всё, я в другом измерении. А старая книга с потёртой обложкой – это же сказка. В каких руках она уже побывала – неизвестно, как её герои повлияли на другого человека?! – блаженствует Маша.

– Да большинство людей сейчас в интернете, в мобильных телефонах сидят, в гаджетах разных.

– Вот я и хочу, чтоб мы, оказавшиеся на Кипре, читали русские книги! Моя мама не может жить без книги, а сын-школьник сидит в интернете, в виртуальном пространстве. А там навязывают человеку мысли, стиль поведения, смерть навязывают! В общем, надо возвращаться к живой книге. Книга для души, интернет для дела. Так я думаю.

Ещё одна мечта у Маши есть: организовать посадку деревьев по всему Кипру; сделать так, чтоб каждому хотелось посадить одно-два дерева хотя бы раз в году, вернуть Кипру то, что люди сотнями лет отбирали у него.

– Так ведь поливать надо саженцы, – сомневаюсь.

– Не надо. Этого как раз и не надо делать. Надо посадить дерево и позволить ему выжить и вырасти без помощи человека и без надзора с его стороны.

Что-то есть в Машинной идее, хотя я не представляю, как она сумеет такое грандиозное дело осилить – добиться, чтоб оно захватило как можно больше людей, и организовать их.

Андрей Ильич слушает Машу, не комментируя её фантастические идеи. Человек опытный, он знает

силу идеи, даже небольшой, всегда есть вероятность превращения её в большую мечту, которая может объединить многих людей и заставить их двигаться в одном направлении...

Рядом со мной за столом – Кристи, девушка лет шестнадцати. Школьница. Дочь друзей Маши. Ей ещё год надо учиться в русской школе в Лимасоле. Я спрашиваю Кристи, есть ли у неё мечта. Есть! Хочет получить хорошее образование, состояться в профессии, побывать в Вене и Нью-Йорке. Большой мечты нет, а планы есть. Я с уважением смотрю на Кристи, фактически ещё ребёнка, но с таким серьёзным отношением к своему будущему.

Краснов, беседуя со мной, нет-нет и обращается к Кристи с каким-нибудь каверзным вопросом, как бы тестируя её. Вот он упоминает время перестройки в Советском Союзе, называя его «семибоярщиной», и тут же обращается к девушке:

– Кристина, ты знаешь, что такое «семибоярщина»?

– Нет, – улыбается виновато Кристи.

– Это трагическая история России. В какой бы стране ты ни жила, всегда надо помнить, что ты русская, надо знать, кто мы, откуда пошла Русь, и как она в муках и трагедиях поднималась... За Россией большое будущее. Россия многонациональная страна, но мы, русские, статусный народ, и мы должны делать всё, чтоб всем другим народам жилось на Руси свободно и хорошо.

«Эээ... Да ты, голубчик, ещё и патриот России, но почему тогда всю жизнь живёшь за границей?!» Хотя в этом, возможно, есть какой-то глубинный смысл? Отсюда и его поместье на острове, обустроенное в русском купеческом стиле, отсюда и прекрасный иконостас в доме со списком иконы Казанской Божьей Матери в центре.

– Андрей Ильич, – провоцирую я хозяина застолья на откровенность, – наверно, тяжело жить за границей многие годы?

– Ну, я всё-таки живу не в эмиграции, часто бываю в России. Когда-то меня, молодого учёного, отправили в первую заграникомандировку в Африку, а потом пошло-поехало... Получилось так, что пришлось основательно устраиваться за границей; в странах Юго-Восточной Азии долго находился, в Африке попадал в разные ситуации, в Америке – почти двадцать лет, и дочь там до сих пор живёт, вышла замуж за американца. Много чего было. Интересные и добрые люди встречались на моём жизненном пути. Вот взять хотя бы Павла Николаевича Титова.

Я киваю головой, думая, что мне известно это имя, но не тут-то было, это, оказывается, русский человек из тех старых интеллигентов, которые волею судьбы в своё время были вытолкнуты из России.

7. ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ТИТОВ

Лицо Краснова оживилось, он посмотрел на меня, как мне показалось, испытующе, даже как-то многозначительно.

– Как важно в этой жизни встретить своего человека. Свою женщину, конечно, важно встретить и полюбить. Но я о другом. Бывает, что в жизни наступил крах. Нет выхода. Шагнёшь вправо – пропасть, шагнёшь влево – река, полная крокодилов, сзади горный обвал, впереди тупик. Вот в такой ситуации я оказался в Африке, когда мне было двадцать три года. Одинок, без денег, без друзей, без знакомых, в стране с межплеменными кровавыми конфликтами. Ещё вчера я был в морозной и пасмурной Москве, вечером прилетели в загадочную для меня страну; в аэропорту нашу делегацию встретили очень радушно, доставили под охраной в гостиницу; был ужин с тостами за дружбу и сотрудничество. С кем тогда только наша страна не дружила! Даже с довольно одиозны-

ми диктаторами. Конечно, перед поездкой в Африку был инструктаж, нам объясняли, как себя вести и что нельзя ни в коем случае делать. Нельзя было нигде и ни при каких обстоятельствах оставаться одному. Но выйти из гостиницы и подышать перед завтраком свежим, пусть знойным, воздухом, чтоб ощутить запахи Африки, посмотреть на местных людей, особенно на стройных женщин, «загорелых» до черноты, белозубых, это ли не в радость молодому человеку? Я открыл двери отеля и увидел её на противоположной стороне улицы – африканскую королеву в красной чалме, с серьгами в ушах в виде огромных колец жёлтого цвета... Высокая шея, белозубая улыбка и походка... походка женщины с танцующим телом. Цветастое платье не могло скрыть грациозность её фигуры. Она слегка повернула голову в мою сторону и... улыбнулась. Так было или так мне показалось, не знаю. Помню, что как во сне двинулся вслед за красавицей. Через какое-то время я очнулся в шатре на глиняном полу со связанными руками и ногами. Болела голова, нестерпимо хотелось пить, я не мог сообразить, где я нахожусь и что со мной случилось.

– Ударили по голове сзади, потерял сознание, и увезли бесчувственного? – спросил я Краснова.

– Самое неприятное, что меня приняли за какого-то англичанина... Но это я потом узнал, – ответил Краснов и, засмеявшись, пропел слова детской песенки: – «Маленькие дети, ни за что на свете не ходите в Африку! В Африку гулять! В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие, злые крокодилы». Вот я и попал к таким большим и злым крокодилам, к несчастью своему и по глупости и самонадеянности, свойственным молодости. И пропасть бы мне там, если бы не счастливый случай. В углу лежал ещё кто-то. Я присмотрелся и увидел измождённого человека с седой бородой, тоже связанного. Он смотрел на меня большими синими глазами, как бы пытаюсь что-то сказать.

– Где мы? – прошептал я по-английски.

– Ты русский? – вместо ответа спросил незнакомец.
– Да, – ответил я по-русски.
– Не говори больше ничего. Молчи. Надо продержаться до вечера. Делай вид, что ты без сознания, – шёпотом произнёс бородач и закрыл глаза.

Несколько раз в шатер заходили какие-то люди, о чём-то говорили между собой, кто-то пнул меня ногой, но я, следуя инструкциям соседа по несчастью, никак не реагировал. Было жарко, невыносимо тяжело. Я порой впадал в забытье, порой в панику. Еле сдерживался, чтоб не заорать. Мысли, мысли, мысли... Боже мой, какой дурак я, недотёпа, телёнок! Мой сосед лежал неподвижно, неясно было, жив ли он. Ближе к вечеру послышались крики, зазвучали голоса мужчин, затем хлопнули двери и раздался шум отъезжающего автомобиля.

Прошло ещё какое-то время, исчезла светлая щель на входе в шатёр, видимо, наступила ночь. И вдруг мой товарищ по несчастью приподнял голову, а потом, легко оттолкнувшись от пола, вскочил на ноги. Когда он успел освободиться от пут? И как? Он подошёл ко мне и быстро развязал мои верёвки, перед этим приложил палец к губам. Потом наклонился и тихо прошептал: «Будем выбираться отсюда. Мужчины уехали в город на ночную охоту».

Это был мой спаситель, русский человек, Павел Николаевич Титов. На выходе из шатра он одним ударом вырубил дремлющего часового, затащил его обмякшее тело в шатёр и связал, закрыв рот кляпом. Целую ночь мы шли. В пути он почти не разговаривал со мной, всегда был начеку, настороженно всматривался в ночную темень. К утру на окраине города Павел Николаевич отправил меня в гостиницу на машине, сам остался со своими друзьями. Перед расставанием сказал мне всего несколько слов:

– Ошиблись бандиты. Им нужен был богатый англичанин, а твоя жизнь, Андрей, здесь и ломаного

гроша не стоит. Кто за тебе вступится? Советская держава? Там сейчас свои разборки начнутся, не до тебя.

– А как же вы, Павел? – спросил.

– Обо мне не беспокойся. Я – среди друзей. Даст Бог, с тобой ещё свидимся.

Тот жуткий случай, как ни странно, не повлиял на мою карьеру. Синяк на голове был красноречивым доказательством моих злоключений, да и в полиции подтвердили, что местные бандиты похищают иностранцев с целью выкупа, ведь в стране шла почти что гражданская война. Спустя какое-то время меня отправили на учёбу в США в рамках обмена молодыми специалистами. Молодая жена, дочка, новые возможности карьерного роста. К сожалению, жена ушла от меня, забрав с собою маленькую дочь; новые чувства, новая любовь, так бывает.

В Америке случайно или, возможно, не случайно я вновь встретил своего спасителя. Как-то американский приятель пригласил меня в ресторан. В Сиэтле это было. Смотрю, за соседний столик усаживается какой-то очень знакомый мужчина. Ба, так это же Павел Николаевич! Прошло четыре года, я каждый год ставил свечку в православном храме о здравии раба Божьего Павла, просил Бога о встрече с ним. Услышал – не услышал Бог мои молитвы, не знаю, наверное, услышал, ведь встреча состоялась. И потом на протяжении нескольких лет я дружил с этим замечательным человеком, большим патриотом России. Много узнал о его судьбе, немало несчастий выпало на его долю: после гражданской войны – эмиграция вместе с родителями в китайский Харбин, в 1945 году арест в Харбине, был осуждён советским судом как сын врага народа. К тому времени родителей уже не было в живых. Из лагеря сумел бежать и вернулся опять в Китай. Но во времена «культурной революции» Титов был отправлен на перевоспитание в деревню, и оттуда сумел бежать за границу. Помо-

тался по разным странам, испытал нищету и богатство. Когда он встретился мне в Америке, это был достаточно успешный бизнесмен, я же в то время был, как говорят моряки, «на мели».

– И Павел Николаевич опять помог вам, Андрей Ильич? – не выдержал я.

– Я не знаю, как это назвать? Он просто дал мне очень крупную сумму денег. Помог, конечно. Фактически сделал подарок, благодаря которому я сумел организовать свою жизнь в Америке, а потом и бизнес.

Во время этого рассказа Маша и Кристи сидели за дальним столиком и о чём-то оживлённо беседовали.

– Мальчики, а давайте пить чай. Не против? – подошла Маша к столику.

– Звучит заманчиво! – пошутил я. – Особенно обращение «мальчики»!

– Вот и отлично, – рассмеялась Маша. – Для меня мужчина в любом возрасте мальчик, за которым надо присматривать и которого надо беречь.

Маша и Кристи ушли на кухню, Краснов продолжил рассказ.

– Я пытался вернуть Титову деньги, но он категорически отказался. В свою очередь он попросил меня дать слово, что я выполню одну его просьбу.

Я с пониманием посмотрел на Краснова. «Вот оно, – подумал я, – вот и начинается интрига. Встречные обязательства!» Так часто бывает, когда люди принимают вроде бы безвозмездную помощь, а потом оказываются в ловушке. Но всё оказалось гораздо проще.

– Павел Николаевич взял с меня слово тоже помочь когда-нибудь тому, кто будет нуждаться.

– И всё?

– Да. Это было единственное условие Титова. Вскоре он умер.

– И вы выполнили его просьбу? – вырвалось у меня.

Я прикусил язык от досады. Зачем? Зачем задал неуместный вопрос? Но Краснов, словно не слыша моего вопроса, продолжил:

– Знаете, Всеволод Иванович, вот это поместье – гордость и любовь моя. Здесь всё сделано в соответствии с моим пониманием, каким должен быть дом русского человека, даже если он живёт где-то вдали от России. Вечерами я люблю сидеть на скамейке под соснами, смотреть на блестящее в лунном свете море и вспоминать. Вспоминать какие-то эпизоды из своей долгой жизни. Павла Николаевича часто вспоминаю. Он не только мне помог, он в последние годы часто ездил в Россию и помогал детским домам, у него даже свой благотворительный фонд был где-то на Дальнем Востоке.

– Да, удивительный человек ваш Титов! Сомневаюсь, что в наше время возможно второго такого встретить.

Краснов помолчал какое-то время, а потом тихо сказал:

– Моя дочь не так давно вышла замуж в Америке. Сюда она уже не приедет. А я хочу перебраться поближе к дочери. Если это случится, то я передал бы мой дом какой-нибудь благотворительной организации. Например, под Международный реабилитационный центр для детей, больных раком. В Москве, на Ленинском, стоит весёлый домик, разукрашенный в цвета радуги. Его видно из окна машины, когда в аэропорт Внуково едешь. Онкологический центр, где дети лечатся и учатся. Знакомая долгие годы преподавала там русский язык. Сказала, что, бывало, привыкнешь к ребёнку, а его вдруг нет на занятиях. Хорошо, если вылечился и выписался. Как-то, помнится, она спросила, где Артёмка, почему на занятия не ходит. А в ответ услышала: «Умер». Слезы на глазах у меня выступили, когда услышал это, сердце защемило. Подумал, помогу детишкам. Помог деньгами центру.

Но деньги что? Сегодня есть, завтра истратили. А вот перекрасить мои виллы в цвета радуги и привозить сюда детишек после операции! Российских, кипрских, любых детишек. Не жарким летом, конечно! Летом можно использовать, чтоб детдомовцы отдыхали. Непростое это дело, но подъёмное; нужны инвестиции, нужны спонсоры, и много чего ещё нужно. Это может быть совместный кипрско-российский проект. Пока изучаю возможность реализации этой идеи. А вы, Всеволод Иванович, что думаете об этом?

Я помолчал немного, не зная, что ответить. А потом тихо сказал: «Бог в помощь вам, дорогой Андрей Ильич!»

8. НЕ КАЖДОМУ РУССКОМУ ЗАГРАНИЦА МЁД...

В другой раз, когда мне казалось, что я уже достаточно хорошо знаю Краснова, он рассказал несколько историй из своей африканской жизни, которые меня очень удивили. Оказывается, после того случая с бандитами, он, уже живя в Америке, не раз возвращался в Африку. Какие у него были там дела? Он не говорил, я не спрашивал. Как-то вечером, после позднего ужина, сидели мы за столиком под соснами. Огромные звёзды переливались живыми красками в тёмном небе. Несколько огоньков было разбросано низко над водой, на горизонте.

– Словно свечи кто-то расставил? Обманчивое впечатление. Это местные рыбаки сети забросили, – пояснил Краснов.

– Надо же, Андрей Ильич, какое у вас воображение! А я, будучи моряком, смотрел и думал, в какую сторону двигаются судёнышки и как их курсы пересекаются. По бортовым огням видно.

– Вспомнились несколько случаев из моей жизни в Африке. Бывает так, светит утреннее солнце, всё вроде

бы спокойно... По крайней мере, так кажется человеку. А рядом иная жизнь – трагедии, страдания. Ты не видишь и не понимаешь этой жизни, но она существует. Как-то раз на окраине города одной африканской страны я ожидал местного товарища, компаньона по бизнесу.

– В какой стране это было? – спросил я, предвкусывая интересный рассказ.

– Не скажу. Ведь обязательно используете, Всеволод Иванович, мою информацию в своём писательском деле. А этот случай не красит это африканское государство, – ответил Краснов и продолжил рассказ. – Так вот, бизнес у меня завязался там. Всё было прекрасно, соответственно, и настроение у меня было превосходное. И я напевал потихоньку: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом...» Рядом со мной стояла арба с воткнутым в землю дышлом, нагруженная разными тюками. Я ещё подумал, что не может арба с товарами стоять одна, без надзора, возможно, хозяин лежит среди тюков и ждёт чего-то. Вскоре из дверей здания вышел толстый араб с хлыстом в руках и, приближаясь к арбе, начал кричать. Что он кричал, было непонятно. Но одно слово повторялось всё время – «Валентина». И откуда-то из-под арбы вынырнула женщина в хиджабе и встала у дышла. Я заметил, что она посмотрела в мою сторону сквозь прорези для глаз. Или, может быть, мне показалось это? Араб ещё какое-то время кричал, стоя перед женщиной, потом она накинула на плечо верёвку, похожую на хомут, подняла дышло и покатила арбу за город в пески. До меня ещё долго доносились крики араба.

– На рабство похоже? – не выдержал я.

– Потом оказалось, что это законная жена араба из близлежащей деревни. С помощью моих влиятельных партнёров я нашёл эту женщину и даже встречался с ней. Русской оказалась она, рассказала мне свою

историю. Валентина была родом из глухой тамбовской деревни. После школы, статная красавица, отправилась в Москву на учёбу. Экзамены провалила, и надо было возвращаться домой. Но встретился ей чернокожий студент Саид, принц из Африки, завязались отношения. Вскоре забеременела. А у принца дела с учёбой не пошли. Не давалась ему учёба, да и на своём арабском он с большим трудом мог что-то написать. Саид был высоким и красивым, и, как казалось Вале, добрым он был. Получили разрешение на брак, и Валентина оказалась женой принца, да ещё гражданкой другого государства. Принца за неуспеваемость, неспособность учиться отчислили из института, молодые уехали на его родину, и там «принц» превратился в обычного парня из маленькой деревни, где мужчин было процентов семьдесят. Поэтому Саид был очень счастлив, привезя из России белотелую жену, да и остальные мужчины из его большой семьи были счастливы. Электричества в деревне не было, ложились спать в шатре в темноте, муж каждую ночь с неисчерпаемой страстью исполнял свой супружеский долг. Рождались дети, спустя какое-то время Валентина поняла, что отцами её детей было как минимум полдеревни местных мужчин. Оказалось, что в этом селении существовал древний обычай: жена принадлежит всем мужчинам-родственникам мужа. К моменту моей встречи с Валентиной у неё оказалось уже девять чернокожих ребятишек. Со временем обвыклась, стала говорить на языке мужа. Жить было трудно. Она даже ездила в столицу, в российское посольство, просила помощи. Официально там ничего не могли сделать для неё, хотя дали адрес благотворительной организации, которая устроила мужа на работу водителем старого автобуса. Речи о возвращении в Россию не могло быть.

Слушая рассказ Краснова, я думал с горечью: «Глупые, глупые наши девчонки! Куда вас судьба только

не заносит, в какие только жизненные перипетии вы не попадаете!» Помнится, в перестроечные годы на пляже в Греции я обратил внимание на девушку, помогавшую греческой супружеской паре ухаживать за маленькими ребёнком. Заговорил с ней, она оказалась украинкой. Сказала, что хозяйка очень плохо к ней относится, просто третирует, отчитывая по надуманным поводам. «Так бросьте их!», – посоветовал я. «Паспорт не отдают, как уйдёшь?», – пожаловалась девушка. Гречанка позвала девушку и громко отругала её. Потом та шепнула мне украдкой: «Не разрешает говорить с вами!» Хотелось мне помочь той девушке, но что может сделать турист в чужой стране, да и ни фамилии, ни адреса девушка не успела сказать. Я спросил Краснова, смог ли он как-то помочь облегчить судьбу Валентины из Тамбовщины.

– Денег дал. Что ещё я мог сделать? Она сама сказала, что детей никогда не оставит.

– Несчастливая женщина.

– Вскоре я уехал из той страны. Бизнес не заладился. С Валентиной встречался ещё раз перед самым отъездом. Помог чем мог.

Мы ещё долго сидели на скамейке под соснами, смотрели на море, слушая пение цикад, и молчали.

9. ЖУТКАЯ ИСТОРИЯ

И ещё припоминаю одну страшную историю, которую услышал от Краснова. Я даже сомневался, стоит ли её пересказывать.

– Я стал свидетелем такого, что невозможно даже представить, – начал свой новый рассказ Краснов. – Если бы в студенческие годы в Москве кто-нибудь обмолвился о подобном случае, то не исключено, что я кинулся бы в драку с рассказчиком, обвиняя его во лжи. Я многое повидал в своей жизни: побывал в аф-

риканском плену, видел в Африке безруких и безногих детей-попрошаек, которых мафия выставяла в людных местах, а по окончании рабочего дня какой-нибудь верзила собирал эти обрубки как дрова и тащил под мышкой в машину. А смышлёные глазёнки детей светились на лицах огоньками страдания, иногда, как это ни странно, дети-калеки корчили смешные рожицы. Как можно специально калечить ребятишек ради денег?! Но это было, и это, наверно, до сих пор существует.

Краснов помолчал, а потом с горечью продолжил.

– Опять не стану называть арабскую страну. Скажу только, что, как рассказывали мне местные люди, мужчин там гораздо больше женщин, найти себе жену проблема.

– Так пусть уезжают за невестами в другие места, в другие страны, где есть свободные женщины, – вставил я свои пять копеек в рассказ Краснова.

– Богатые так и делают. И даже имеют целые гаремы из жён, в том числе, и европейек. А что делать бедным? Вот для них ловкие люди устраивают своеобразные публичные дома. Однажды местный бизнесмен повёз меня в отдалённое место, чтоб показать экзотику. Зная, что я интересуюсь обычаями, он хотел угодить мне. Мы расположились на высокой стене, а внизу, между какими-то зданиями, как в колодце, была пыльная площадка.

– Что здесь будет? – пошутил я. – Коррида?

– Сейчас увидишь. Тебе понравится, – ответил мой сопровождающий.

Вскоре показался араб с верёвкой на плече, к которой были привязаны женщины в хиджабах. Пять женщин вереницей семенили друг за дружкой с опущенными головами. В середине площадки араб развязал женщин и выстроил лицом к стене. Потом он аккуратно смотал верёвку и сел на камень. Женщины молча стояли, упираясь руками о стену. Вскоре начали

появляться мужчины. Первые два подошли, передали деньги предводителю женщин и стали позади него. Ещё один подошёл, потом ещё два. Когда набралось пять, главарь подал команду. Каждый мужчина подошёл к выбранной им женщине, поднял сзади подол, и началось...

– И вы эту мерзость наблюдали, Андрей Ильич?

– Я стал кричать: «Idiots! Idiots! Idiots! Зачем меня привезли сюда? Вызывайте полицию!»

Сопровождающие кинулись стаскивать меня со стены. В последний момент я заметил, что старик-араб внизу звонит по мобильному телефону.

– Быстрее, быстрее в машину! Скоро здесь будет охрана, нас всех перестреляют, – истошно вопил мой партнёр по бизнесу.

Он явно был напуган. И не без оснований, всё могло случиться, но мы успели уехать из этого страшного места. Я никогда потом ни в Африке, ни в других местах не поддавался на уговоры поехать куда-либо, предварительно тщательно не выяснив, что за место.

– Женщин жалко. Среди них могла быть какая-то очередная Валентина! – заметил я.

– Могло и такое быть. Ведь тогда мы в России едва ли не молились на заграницу. Но не всякая заграница мёд, и не каждому русскому она мёд... А скорее всего, далеко не мёд. Много безобразий случалось в период нашей «семибоярщины», в так называемые перестроечные годы, мафия пачками отправляла девушек за границу. Но и сейчас находятся дурочки, которые мечтают о своём принце. Откуда их, принцев, столько взять?

Я молчал. Меня аж жуть взяла от услышанного. Взошла полная луна, в лунном свете казался сказочным морской горизонт, справа горы, внизу, на соседнем участке, оливковые деревья с корявыми огромными стволами, полыми от старости. «А на Кипре всё спокойненько... Ни врагов, ни друзей не видать...», – переи-

начил я слова известной песенки. Прав автор – лишь на кладбище всё спокойненько. И то, говорят, что время от времени мертвецы встают из могил и по ночам шастают вокруг. Хотел сказать об этом Краснову, но не успел. Тот сам заговорил.

– Всеволод Иванович, а не пора ли нам чайку ароматного выпить? Да при ярком свете. Вспомнилось непотребное. Есть вещи, которые лучше забыть поскорее. Надо бы забыть, но не могу. С тех пор прошло порядка тридцати лет, а вот не удержался и рассказал вам эту жуткую историю. А зачем?

Мы молча шли к дому, из головы не уходило: «Зачем?» Возможно, мучают воспоминания чуткую душу Краснова, спать не дают по ночам? Вот и захотелось ему выговориться? Не было его никакой вины. Что он мог сделать? Погибнуть мог, но его африканские партнёры не допустили этого. Наверное, у любого из нас были в жизни ситуации, тяжкие минуты, которые хотелось бы вычеркнуть из памяти, забыть навсегда. Но так не бывает – не забудешь ничего, не вычеркнешь. У каждого в прошлом свои ошибки, свои потери, и до окончания своего века с этим жить.

Пили чай с русскими баранками. Но прежнее весёлое и беззаботное настроение уже не возвратилось. Всё проходит, и этот вечер с горькими воспоминаниями Краснова тоже закончился.

Утром светило яркое кипрское солнце, в маленьком сосновом бору под окном моей спальни заливи́сто щебетали воробьи, в отдалении ворковала горлица. Всё продолжается, всё повторяется, – так было до нас, и так будет всегда.

После завтрака я уезжал в Лимасол; обнялись с Красновым на прощание, и я спросил его тихонько:

– Андрей Ильич, как же сложилась жизнь Валентины? Так и пропала со своим «принцем»? Что-нибудь известно о ней?

– Времена меняются даже в Африке. Валентина стала членом Союза женщин Камеруна. Борется против бесправного положения женщины. Уважают её. Двадцать детей воспитала, и с полсотни внуков у неё.

Машина легко бежала по автостраде из Пафоса в Лимасол, на душе было и светло, и печально.

10. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛИМАСОЛА В КИККОС

Дорога петляла среди гор, то на край обрыва выбегала, то между скалистых стен струилась, а то вдруг выскакивала куда-то вверх, под самые небеса, и перед глазами вставала долина с разбросанными хатками внизу. Дух захватывало от горной красоты. Слева и справа от дороги кусты, высохшая трава с вкраплением зелени и даже каких-то мелких цветочков. Попадались величавые сосны с шапками иголок в вышине, с ровными и стройными стволами светло-коричневого цвета, они посматривали на дорогу горделиво – многое повидали на своём веку.

Тихо звучала музыка, спокойная и нежная, она соответствовала торжеству момента – мы держали путь в монастырь Киккос. За рулём блестяще-чёрного «мерседеса» – Краснов, я рядом, на пассажирском месте, и Маша – на заднем сидении. Иногда мы останавливались в небольших селеньях, ходили по придорожному рынку, что-то покупали... Было хорошо и радостно... Маша и Краснов больше молчали, а мне хотелось поговорить, и я время от времени прерывал их молчание какими-то пустыми рассуждениями о жизни кипрской, о друзьях московских или венских. Говорил и говорил, хотя понимал, что надо остановиться и внимать благолепию окружающего мира. Подумать только – возможно, по этой дороге ходили паломники, причисленные в более поздние времена к лику святых, искали в земной жизни уединения от мирской

суеты, а получили его где-то там, в небесной обители. В древние времена в горах были лишь тропинки вместо теперешних асфальтовых дорог, но выводили эти тропинки людей на большую дорогу чистой и вечной жизни. Сам апостол, евангелист Лука бывал на Кипре, он, по преданию, видел Божью мать при её земной жизни и написал первую икону Пресвятой Богородицы – икона Киккской Божьей матери находится высоко в горах, в Киккском монастыре. Монастырь был построен в более поздние времена, в XI веке новой эры, как говорит предание, для сохранения этой иконы. В монастыре хранятся и другие древние иконы, мощи многих святых, в том числе мощи святого Луки, и даже мощи Иоанна Крестителя, предсказавшего пришествие Мессии и крестившего Иисуса Христа.

Маша время от времени давала Краснову какие-то советы, где повернуть и куда повернуть, и он безоговорочно поворачивал или останавливался там, где она просила. Дорога была лёгкой, погода прекрасной, настроение изумительное – так бывает, когда совершаешь какой-то правильный поступок. Я давно заметил, вернее сказать, испытал в жизни, что добрые дела влияют на настроение человека. Подашь милостыню благостной старушке... Вроде бы забыл – пустяшное дело, ан нет! Видимо, где-то там, наверху, учитывают твой поступок, и ты радуешься этому неосознанно, хотя в мыслях нет ожидания благодарностей. И это главное, потому что помощь не должна быть расчётливой.

Очередная остановка. Рынок с маленькими магазинчиками и рядами столов вдоль дороги, на которых различные кипрские деликатесы выставлены: фрукты, изюм, халва, разные другие сладости. Что-то пробовали, что-то покупали – покупали не потому, что приехали сюда купить, а потому что невозможно устоять ни перед доброжелательными продавцами, ни перед их товаром. Краснов сдержанно сосредоточен, Маша сияет счастьем и как маленькая девочка бежит впер-

ди нас, пробуя всё на ходу, возможно, напевая что-то про себя. Меня не отпускает болтливость, я пытаюсь комментировать всё, что встречается нам в пути, задаю Краснову какие-то вопросы. Он отвечает сдержанно, короткими фразами.

Машина взобралась, как мне кажется, на самую высокую очередную гору, а внизу – огромная долина. Краснов прервал молчание.

– Как думаете, Всеволод Иванович, сколько километров до противоположной стороны долины?

– Сложно сказать. Десять–двадцать километров, я думаю.

– И мне так кажется. Недавно мы с Машей гуляли в горах за Пафосом. Такую большую долину, похожую на эту, что внизу, пересекли. После обеда отправились на прогулку. Погода была превосходная: на небе ни облачка, солнце над горами от точки зенита медленно катилось к закату, тишина, ни живой души вокруг, иногда белые козы встречались, а пастухов не видели. Не видели, правда, Маша?

– Не видели, Андрей Ильич! Видимо, на свободном выпасе козы.

Маша обращается к супругу на «вы», как раньше принято было в старинных русских деревнях, да и сейчас кое-где этот обычай сохранён, например, у бурятов.

Я стараюсь молчать, но с трудом мне это удаётся. Понимаю, что неспроста начался этот рассказ, и боюсь спугнуть или, точнее сказать, боюсь отвлечь рассказчика от темы.

– Много я путешествовал по миру, во многих местах побывал, но Кипр... Влюбился я в остров с первых дней пребывания на этой земле, – продолжил Краснов, – летом, ближе к осени, в основном видится солнцем выжженный ландшафт. Иногда думаешь, что же это в горах козы пощипывают, ведь всё серо и грубо, но нет... Присмотришься и увидишь, какая многооб-

разная жизнь таится там: травка зелёная пробивает из-под камней, цветы, невесть как добывшие влагу, а там ящерица на камне греется, какая-то неведомая птичка рулады выводит тонким голосочком, особенно под вечер или сразу после заката. Я некоторых птиц научился по голосам различать. Вот так мы с Машей неспешно шли себе и шли, разговаривали, делились впечатлениями об увиденном... Даже наблюдали охоту беркута за зайцем, не повезло серому, унёс его беркут в своих когтистых лапах.

– Андрей Ильич, а какой ёжик нам встретился в долине среди цветов! Чёрные бусинки-глаза, носик чёрный, спинка в серых колючках, огромные уши, словно локаторы! – Маша захлопала в ладоши.

– О да! Гроза змей! Ежи ничуть не боятся змей и успешно охотятся на них. Очень богатый животный мир на Кипре. Кошек диких чуть не больше, чем людей! Природа такая, что всему живому место найдётся, если человек не помешает. Богом избранный остров! В каждом маленьком селении своя церквушка есть. И люди здесь очень дружелюбные, конечно, всякое встречается, но в большинстве своём народ спокойный, жизнерадостный. Солнце! Его жизненная сила влияет здесь на всё живое. Я здесь стал задумываться о том, что такое есть человек. На Кипре много разных сказаний о богах. Мы думаем, что это легенды. Нет, в основе всех этих историй были какие-то события, которые сохранились в легендах и дошли до нашего времени. Порой мы сами становимся свидетелями зарождения этих легенд, но не осознаём этого или просто разучились верить в чудеса. Примечательная история приключилась с нами в ту прогулку по горам, о которой я начал рассказывать. Нам было хорошо вдвоём, мы не замечали времени. И вдруг спохватились, что зашли довольно далеко – на противоположную сторону огромной долины. Ведь прошло более трёх часов нашей прогулки. Стало ясно, что

до темноты не успеем вернуться ни домой, ни к дороге, чтоб взять машину, а оставаться ночью в горах невозможно: змеи, дикие кабаны, да мало ли какая опасность ещё грозит. Я старался не показывать Маше свою тревогу, но, честно признаюсь, в уме несколько раз повторил молитву «Отче наш».

– И я молилась, просила Киккскую Божью мать защитить и уберечь нас, – тихо произнесла Маша.

– Ты мне никогда не говорила об этом, Маша, – с удивлением посмотрел на жену Краснов.

– И вы ничего мне не говорили, Андрей Ильич.

– Да, не говорил! А как было об этом говорить после того, что с нами случилось? В свете лучей солнца, спустившегося к горным вершинам Троодоса, невдалеке показался слегка сутулый старик с окладистой седой бородой, с котомкой за плечами, в руках – простая деревянная палка. Метров тридцать до него было. Помню, как он посмотрел на меня с Машей и мелко троекратно перекрестил. Я только открыл рот, чтоб поздороваться, позвать, спросить, где можно поблизости укрыться ночью, но старик исчез, словно в дымке растаял. Я не думаю, Маша тоже видела старика. Подтверди, Маша.

– Видела, он показался мне знакомым, словно я раньше уже встречалась с ним. Я ещё подумала, что может быть, старик нас испугался и запрятался за куст или камень. Я стала всматриваться, пытаюсь найти его, как вдруг увидела, что дом наш почти рядом, на пригорке стоит. И море отсвечивает красным закатным светом. Я даже вскрикнула от радости. Подумала: слава Богу, кружили-кружили по горам и сами не заметили, как домой вернулись. Но Андрей Ильич приподнял меня над землёй, то есть заставил по-другому взглянуть на это приключение.

– Да, я ведь за ориентир взял вершину горы, чтоб в её направлении идти назад, а тут мы стоим почти возле своего дома, а гора знакомая, как ей и положено, находится в стороне.

– Маша, вы в молитве обращались к святому Серафиму Саровскому? – вырвалось у меня.

– Да... У нас дома была икона святого. А вы как догадались?

– Я подумал, что вам встретился в горах святой Серафим. Он при жизни был сутулый и всегда носил с собой Евангелие в суме за плечами, борода седая, окладистая. Вы удивитесь, но святой Серафим Саровский иногда без всякой моей задумки появляется в моих рассказах. Не могу объяснить, как это получается. В рассказе «Однажды в предгорье Троодос... (за секунду до обрыва)» он спас молодую пару из Москвы от неминуемой гибели в страшную грозу. А ещё раньше в рассказе «Блаженный Кирилл» герой тоже внезапно для себя оказался на другой стороне большого озера... А ведь тот рассказ я написал десять лет назад. Конечно, мои рассказы не имеют никакого отношения к вашему случаю. Но удивительно, что я от вас узнаю это новое чудо появления святого Серафима на Кипре, и появляется он в тот час, когда требуется его помощь русским людям. Что это?

Андрей Ильич молча парковал машину у ворот Киккского монастыря. Маша молчала. Потом в монастыре Маша, а затем Андрей Ильич приложились к иконе Киккской Божьей матери. И я приложился к иконе, прошептал слова молитвы, обратившись к Богородице со своей сокровенной просьбой.

Обратный путь был путаным и сложным, не один раз сворачивали в сторону, приходилось возвращаться назад и искать правильную дорогу.

II. ВЕНСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

Рано утром в начале ноября я прогуливался по аллее городского парка в Вене. Погода раннеосенняя – кроны деревьев только стали золотеть, но некоторые

кусты, нежные по природе своей, стояли во всей красе великолепного осеннего багрянца. Аллея парка усыпана чистыми разноцветными листьями и похожа на красивую ковровую дорожку, сотканную вдохновенным мастером. На асфальтовых дорожках попадались лужицы, и в них тоже плавали листики, словно какие-то диковинные рыбы. Нет, это не затоптанный ногами, сбитый в кучи мусор из опавших листьев, какой мы видим на городских улицах, это – чудо венской осени.

Крапал мелкий дождик, но было тепло и комфортно – легкая куртка с капюшоном, захваченная из Москвы, оказалась как нельзя кстати. Настроение было прекрасное – я смолodu люблю гулять под небольшим дождиком. Людей немного, а те пешеходы, кто попадает на пути, – либо спешащие по своим каким-то неотложным делам, либо такие же, как и я, любители печальной осенней погоды, когда мысли приходят негромкие о жизни с её неизбежным земным концом для всего живого: людей, зверей, деревьев, цветов, – а настроение прекрасное. Вспомнилась песня, которую поёт мой друг, актёр Николай Сахаров:

*Люблю гулять по мокрым улицам,
Когда косою гуляет дождь.
Когда вся улица сутулится,
Когда её бросает в дрожь...*

Песня без печали, даже оптимистичная, – герой любит, когда лужицы брызгами взрываются, когда птицы под дождиком поют, любит жизнь во всей её красе с радостями и печалью. Да – и с печалью... А куда от них деться? Хочешь не хочешь, а печалиться иногда приходится. И не только. Бывает такое, что на душе кошки скребут, бывает, что разочарование приходит в дружбе, в близких людях; бывает, что сам не так поступил с друзьями, и осознание своей вины перед

близкими нестерпимо. Порой хочется выть волком от обиды на себя самого, от досады, что ошибку мог бы, возможно, исправить, но ничего, что случилось, уже не вернуть назад. С этими мыслями тихая печаль стала ко мне возвращаться. Навстречу попался мужчина примерно моего возраста, без куртки и без головного убора. Идёт и улыбается сам себе, седые волосы намокли, мокрые капли стекают по худому лицу, а глаза блестят каким-то нездешним, неизведанным светом. Поравнялся со мной, приветливо поздоровался и пошёл дальше, неся своё счастливое настроение кому-то. Куда? Кому? Одно ясно, в мыслях человек держит что-то особенно важное и дорогое для него, и ни лужи, ни дождь, ничто на свете не может его вывести из этого состояния. Недавно я услышал фразу, которая меня поразила простотой и огромным человеческим смыслом: «Думай о ком-то хорошо, а дальше будут ангелы работать!» Может быть, невидимый ангел сейчас шагает рядом с человеком под дождём и поддерживает его?!

Вспомнился вчерашний сон. Увидел человека из приморского города Находка. Ещё подумал, что очень хорошо знаю его, а имя припомнить не могу. Не первый раз этот тип во снах навещает меня, и всегда – как в первый раз. На утро вспомнил, это был Толя Черновол, балагур-бизнесмен, известный среди друзей как Блэк Бизон. Так вот, стоял он в плаще брезентовом, в фуражке морской, с раскрытым зонтиком в левой руке, стоял под мелким морозящим дождём и с печалью смотрел на меня. Не к добру это, когда Черновол во сне приходит печальным, непременно быть беде. А когда является весёлым балагуром, то можно не беспокоиться, такой в жизни он и есть. Балагурит всегда и везде, даже когда произносит речь на серьёзном собрании.

Мои мысли переключались в Подмоскovie, где проживает мой друг Витя Светличный. Как он там? Как

мне не хватает телефонных разговоров с ним! Раньше много общались: говорили о жизни, о поэзии, о песнях. Витя очень любит морские песни, написанные на мои стихи. Подружились поздно, встречались редко, смолodu были знакомы шапочно. Витя был главным диспетчером Магаданского торгового порта, и мне как капитану судна приходилось по делам встречаться с ним. Я больше знал его брата, известного морского капитана Олега Бычкова, щедрой души человека. А ещё я знал Эдика Бычкова, младшего брата, когда он был третьим штурманом. Знал отца семейства Николая Ивановича, он был санитарным врачом в порту Корсаков. Великолепное время, и – великолепная морская семья Бычковых! А с Виктором я подружился уже в Подмоскovie, в городе Пушкино, как-то Олег нас свёл. Олег всегда говорил о Викторе как о своём брате, и какое же было моё удивление узнать, что Олег и Витя являются просто названными братьями – когда-то учились в Сахалинской мореходке вместе. Витя из Приморья приехал на учёбу, и семья Бычковых приняла нового друга Олега как родного. Нет давно Николая Ивановича, несколько лет назад ушёл из жизни Олег, Витя ухаживает за его могилкой – прибирает, цветы носит, поминает в храме. А Эдик был строптивым, гордым, вспыльчивым и пропал в водовороте жизненных обстоятельств, когда разрушилась великая страна и все связи порушились. Пропал Эдик и всё, не осталось ни следов, ни слухов. Но после смерти Олега Витя разыскал следы младшего брата – нашёл его похороненным в общей могиле в отдалённом районе Подмоскovie. Разыскал и добился перезахоронения в отдельной могиле, и всё сделал за свой счёт, через год памятник поставил на могиле Эдуарда Бычкова, бывшего морского штурмана, закончившего свой земной путь в одиночестве. Семьи своей у него не было. Но благодаря Виктору вернулся к родным людям по-смертно.

«Господи, какие мысли ты привнёс в мою голову осенним утром в венском “Штадтпарке”...», – подумалось мне. Почему я вспомнил Витю Светличного и его семью? Потому что свою вину чувствую перед ним? Пару месяцев назад Виктор прислал мне большое электронное письмо со своими рассуждениями о политике, о людях, о человеческой подлости правителей... А я отмахнулся и просил Витю не вовлекать меня в политические дискуссии, мол, есть мне чем заниматься в этой жизни и без политики. Через три дня пришёл очень вежливый и холодный ответ от Виктора, типа, не буду отвлекать от твоих дел и беспокоить больше не буду. И всё. Прекратились наши многочасовые беседы по телефону, встречи прекратились. Изредка Витя сообщит мне какую-нибудь новость, я ему напишу, но нить дружбы разорвалась. Не сумел я понять друга, не сумел с ним просто поговорить, и ничего уже не вернуть. О таких, как он, говорят: «Человек-камень». Подумалось, смог бы я вот так просто отдалиться от друга из-за расхождения с ним взглядов на политику? Хотя, скорее всего, дело не в политике, а в отсутствии моего внимания к тому, что беспокоило в то время Виктора. Конечно, я сам во всём виноват. Пандемия мир изменила, характеры людей поменяла, последние два года все мы живём с ощущением подступающей опасности к каждому из нас. Люди болеют, люди умирают... Нет. Не прав я! Вернусь в Москву и поеду к Виктору в город Пушкино, без звонка поеду.

Когда я открывал дверь квартиры, услышал мелодию забытого дома мобильного. Кинулся к нему с мыслью: «А вдруг это Виктор звонит?!» Но услышал голос Краснова.

– Здравствуйте, Всеволод Иванович! Где я вас застал? Не в Вене часом?

– Андрей Ильич?! Вот так сюрприз! Доброе утро! – обрадовался я. – Угадали! В Вене я. Но собираюсь к

вам, на Кипр. Не терпится уже свидеться.

– А давайте мы с вами сегодня вечером встретимся в ресторане гостиницы «Бристоль»! Я только что прилетел в Вену. Не против?

Вот это да! Встреча с Красновым в Вене. Не зря ночью мне снились две сидящие на подоконнике горлицы, хотя они были какие-то нахохленные и неподвижные. Увидели меня и упали вниз, вместо того чтоб вспорхнуть вверх. Что бы это значило? И вот оно – предстоящая встреча с Красновым! Два года не виделись. Думал о Викторе Светличном, а позвонил друг новый. Друг – не друг, а человек хороший. И какую богатую жизнь Андрей Ильич прожил! По миру помогать, опасностям подвергался... Интересный собеседник, рассказчик превосходный...

12. СТАРИК СО ШЛЯПОЙ В РУКЕ...

Целый день я жил в ожидании встречи с Красновым. Узнаю последние кипрские новости из Лимасола. Говорят, что облик города сильно изменился: настроили много высотных домов, несмотря на пандемию, или потому что пандемия случилась, на остров приехало много новых инвесторов из России, из Китая, из Украины. Покупают квартиры, дома... Добавилось суеты, шума. Но пока Кипр привлекает иностранцев, особенно туристов, и остаётся таким тихим пристанищем в беспокойном мире. Города изменились очень, но отдалённые горные деревни сохранили свою кипрскую патриархальность, тишину сохранили, размеренность спокойной жизни. Я бывал часто в горах у моего кипрского друга Атоса, поэтому знаю не понаслышке уклад деревенской жизни. Но и Лимасол я люблю, люблю прогуливаться по утрам по набережной, наблюдать, как рыбацкие судёнышки выходят в море, как солнце выплывает из моря, люблю рассматривать

стоящие на рейде огромные океанские корабли, люблю стайки парусов, бегущих под ветром. Царящую на набережной атмосферу непосредственности и доброжелательности люблю. Взглянешь на идущего навстречу человека, неважно, мужчина или женщина, он обязательно тебе улыбнётся и поздоровается.

С этими мыслями о Кипре, о друзьях-приятелях после завтрака я отправился в офис “Western Union” – надо было перевести деньги одному хорошему человеку в Киеве, попал мой товарищ в беду – подхватил где-то ковид и жену заразил. Слава богу, что есть такие пункты пересылки денег – в течение часа адресат их получает в любом конце света. Мои мысли переключились на то, чтоб поскорее оформить помощь другу. На имя нашей общей приятельницы пошлю, сообщу ей код отправки... А уж она разберётся, что делать дальше. Дождь прекратился. Редкие лужицы блестели в солнечных лучах, настроение было превосходное. На подходе к Штефансплац увидел впереди стоящего старика со шляпой в руке. Виновато улыбаясь, он протягивал шляпу прохожим. Это ещё одна примета жизни красавицы-Вены – нищие. Здесь они тихие и благопристойные, одетые в опрятную и чистую одежду. Не так много нищих в Вене, но всё же... Обычно в кармане я всегда имею мелочь и подаю просящему, а тут ничего не оказалось. И в кошельке были только крупные купюры. Интуитивно, не задумываясь, я перешёл на другую сторону улицы, ускорил шаг и, пряча глаза от старика, пошёл дальше. Настроение испортилось. Старался успокоить себя, мол, разменяю деньги и на обратном пути подам старику купюру, поговорю с ним... А если он вообще не нищий, а попавший в беду человек? Почему я не остановился? Не поговорил со стариком? Метров через пятьдесят я перешёл ещё раз улицу и почему-то обернулся. Старик стоял на месте со шляпой в опущенной руке, стоял и смотрел мне вслед. Стыд прожёт мою душу! Господи, да что же это

со мной произошло? Почему? Нет чтоб вернуться к старику, я опять сделал ошибку – почти побежал к пункту отправки денег. Деньги отправлял для товарища в Киев, а из мыслей не выходила фигура старика со шляпой в руке. На обратном пути старика не оказалось на том месте, нигде его не оказалось. Я обошёл в округе все улочки и переулки, но не встретил его. Так хорошо начиналось утро, и такое позорное для меня продолжение. Было обидно за самого себя, было стыдно, и никакие мои добрые помыслы и поступки уже не могли вытеснить из моей памяти старика со шляпой в руке.

13. КОГДА ДРУЖБА ДАЁТ ТРЕЦЦИНУ...

Вечером Краснов встречал меня в ресторане гостиницы «Бристоль». В своё время я останавливался в этой гостинице не раз. Великолепие классического стиля. Дружелюбный персонал. Чинная и благородная публика. Обычно я только завтракал в кафе на втором этаже, а ресторана старался избегать, так как чувствовал там себя не совсем в своей тарелке. Обедал или ужинал где-нибудь на улице в простых кафешках, где и еда вкусная, и посетители такие же, как я, – простые и непритязательные. Но и невозможно оставаться безразличным к праздничной атмосфере гостиницы «Бристоль». В ресторане тихая музыка звучит... Интерьер продуман до мелочей. Я люблю рассматривать детали интерьера: старинные картины на стенах, живые цветы, люблю наблюдать за работой официантов, поражает их предупредительность, умноженная на чувство собственного достоинства. Нет, невозможно не любить такое, и я, бывало, позволял себе приглашать добрых венских друзей на ужин в гостиничном ресторане. Вот и Краснову, как я понял, хотелось пообщаться со мной среди этого классического благо-

лепия.

После взаимных приветствий Краснов посмотрел на меня и неожиданно спросил:

– Что с вами, Всеволод Иванович? Неприятности? Выглядите вы грустным и даже озабоченным, я бы сказал.

– Есть такое... Возраст, наверное, своё берёт.

И я почти взахлёб стал рассказывать историю старика со шляпой. Краснов внимательно меня слушал, не перебивая и ничего не спрашивая.

Закончив рассказ, я облегчённо вздохнул.

– Рассказал, и полегчало. Такое чувство, словно исповедался.

– Не принимайте, Всеволод Иванович, так близко к сердцу каждый случай своих ошибок и неудач. Главное, не повторять их. Да и не велика ошибка. Всё поправимо. Грехи уравниваются наши благодеяниями. Знаю, что вы сторицей воздадите людям, нуждающимся в помощи. Человеку свойственно ошибаться.

– А вы, Андрей Ильич, ошибались в своей жизни?

– Много раз. И не всегда осознавал свои поступки. Когда понимаем свою вину, понимаем и каемся, тогда ничего страшного. Будет всё хорошо.

– Непросто это, научиться понимать свои грехи, каяться и не допускать их повторения.

– Я в последние годы взял за практику перечитывать Евангелие. Перечитываю какие-то отдельно взятые разделы и обязательно нахожу что-то новое. И часто ответы нахожу на свои вопросы.

Краснов помолчал немного, а потом продолжил.

– Страшно другое. Свои грехи можно отмолить, исправить. Страшно близких людей терять. Когда ничего уже изменить нельзя. Я не о смерти, или не только о смерти. Мне до сих пор страшно вспоминать свою первую жену. Что случилось? Почему она ушла от меня. Чем я её обидел? Или это была ошибка, необдуманная поступок с её стороны? Время потеряно, дочь без меня

выросла. Слава Богу, что дочь недавно нашлась, нашлась уже взрослой. А вот где её мать, до сих пор неизвестно. Дочь воспитывалась у чужих людей.

Подошёл официант, и мы заказали лёгкий ужин. Потом Краснов продолжил.

– Исчезновение жены – моя личная трагедия, которая останется со мной на всю оставшуюся жизнь. Были и другие потери. Я недавно разочаровался в друге. Поверьте, Всеволод Иванович, что это тоже больно. Больно разочароваться в близких людях, очень непросто понять их, а ещё сложнее простить.

– Как мне это близко! – не выдержал я, вспомнив о Викторе из Пушкино.

– Я постарался друга понять и простить, хотя.. Не понимаю, что с ним произошло. Не уверен, что дружба останется прежней. Даже уверен, что мы стали другими. Казалось бы, в основе моего разочарования – мелочь, сущий пустяк. Друг мне соврал. А вдруг он всё объяснит? Может, всё по-другому было, а не так, как я понял.

– А что было? Если не секрет, расскажите, Андрей Ильич.

– Вам могу рассказать, хотя даже Маше не рассказывал. История и простая, и сложная. С юности знаком с другом, со студенческих лет. Но по-настоящему подружились здесь, на Кипре. Петя переехал на остров из-за льготного налогообложения. В Пафосе поселился с молодой красавицей-женой. А я, как вы знаете, чуть подальше от Пафоса. В общем, стали встречаться семьями и крепко подружились.

Зазвонил мобильник, Краснов тихонько ответил, затем, извинившись, ушёл из ресторана, на ходу бросив: – Маша звонит. Я скоро.

«Что с нами происходит на старости лет?» – подумалось мне. Со мной? С Красновым? Какие-то мелочи, не стоящие выеденного яйца, возводим в проблему. На меня Виктор разобиделся. Перед Красновым друг

в чём-то провинился. Что за трагедия? В молодости всё было просто. Никто не зацикливался на таких мелочах. Поругались-помирились, мало ли что в жизни бывает? Из-за девушки, случалось, могли повздорить, но чтоб так серьёзно? Нет, не было такого. Подступившая старость делает нас такими обидчивыми? Не может быть. Или время такое – напряжённое и опасное? А если это влияние ковида? А что? Вполне возможно! Стал перебирать в уме своих друзей-товарищей. О Господи! У многих нервы на пределе. Меньше стали встречаться, больше стали опасаться за свою жизнь и жизнь близких. Меньше стали доверять друг другу. Наверное, вирус с нами играет, как с маленькими детьми? Этакый невидимый монстр, хитрый и изворотливый, живучий и беспощадный к нам, людям. «Стоп, стоп, стоп... – спохватился я. – Этак ты, Мареев, навывдумываешь, сам себе пугаешь!» В это время появился Краснов, весь сияющий как начищенный воскресный самовар.

– Хорошие новости? – обрадовался я.

– Очень хорошие. Покупатель на мою вторую виллу нашёлся. Лох он, конечно! Не торгуясь, согласился на мою цену, а я её завысил почти вдвое. Юристы договор готовят.

Я с удивлением посмотрел на Андрея Ильича – радуется, что по завышенной цене виллу продаёт. А как же давнишние планы о выкрашенном в цвета радуги доме-больнице для реабилитации больных раком детишек?

– А с другом как? С Петей? – спросил я.

– Дружба дала трещину, но подлатаем...

– Чем же друг провинился перед вами, Андрей Ильич? Интересно же. У меня тоже дружба разладилась с близким мне человеком.

– Ничего такого сверхъестественного. Стал Петя меня сторониться. Несколько раз собирались встретиться, он не смог или не захотел. А однажды обманул

меня. Как-то звоню ему в очередной раз, а он отвечает, что находится в Москве с женой. Договорились созвониться через неделю, по возвращении его из Москвы. Через неделю я позвонил, ответила Лия, жена Пети. Я как раз в это время в Пафосе был, на машине ехал.

– Лия, – спрашиваю, – вы на Кипре?

– Нет, – отвечает, – мы летим из Москвы в Афины.

– А когда на Кипре, будете? Я собираюсь в Москву.

– А мы потом в Швейцарию полетим.

– И когда возвращаетесь?

Я слышу, как она спрашивает у Пети: «Когда мы возвращаемся на Кипр?» И ответ его слышу: «Через две недели».

– Через две недели, – повторяет мне Лия.

И тут я вижу их обоих, стоящих у своей машины в центре Пафоса. Обманули меня? Зачем? И что этот обман значит? Видимо, встречаться не хочет со мной или не может? – заулыбался Краснов.

– И что потом было? – вырвалось у меня.

– А ничего и не было. Мелочь. Обманул друг, значит, так ему было нужно.

Ужин прошёл как-то скомканно. Говорили-говорили, а о чём, и не вспомнить уже. И в чём дело, так и не пойму. Хотя... Наверное, моё предположение верно. Не иначе как это происки вируса. Видимо, вирус не просто убивает людей, а меняет их человеческую сущность. Ковид мир людей поменял. Кто знает, что нас ждёт в ближайшем будущем? Сохранимся ли? Хотя, возможно, человечество раскроет секреты этой напасти и найдёт против неё противоядие. Будем надеяться, что так и случится.

А с Красновым потерялась связь. Вот и не верь после этого в приметы – две нахохленные горлицы во сне... На мои звонки Краснов отвечать перестал. Но я надеюсь, что разыщу его. Мало ли что с ним могло случиться? Вдруг он в беде, и ему требуется моя помощь?

СОДЕРЖАНИЕ

Правда чувств. *Максим Замшев* 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОД БЛАГИМИ НЕБЕСАМИ..

Детское	12
Сокровенное	13
«Последний лучик догорает...»	14
«...А ночи стали длинные...»	15
«Душа горит и ноет...»	16
«Виноватая улыбка...»	17
«Смотрит синими глазами...»	18
Скошенные васильки	19
Банальные слова	20
«Купол церкви под луною...»	21
Буду Бога за тебя молить...	22

С БЕРЕГОВ БОЛЬШОЙ РЕКИ..

Стихотворная хроника весны	24
В том краю дельфиньем...	24
Ухожу от беды	25
Прошлой жизни следы...	26
Апрельские фантазии	27
Актриса	28
Мир смятенный	29
Капризный апрель	31
Деревенька	32
С берегов большой реки...	33
Апрельский снег	34
У апрельской берёзы...	35

Ландыши	36
Завлекаю в сад мой лето	37
А на крыше...	38
Танганьика	39
Чудесный май	40
Птица-сойка	41
Розу от меня увёл...	42
Рыжая кошка	43
Пара уток	44
Когда черёмуха цветёт...	45
Не удержал тебя в узде...	46
За забором за зелёным.	47
Весенний хор	48
В центре мироздания.	49
Памяти Певца	50
Бирюзовым нежным светом... ..	51
Жизнь, она всего сильнее!	52
Стихотворная хроника лета	53
Начало лета.	53
В синеокой сторонке.	54
Запах кофе.	55
Бабушка	56
За гранью.	57
Взрываются вулканы	58
Безветрие.	59
Молчание	60
Пахнет хлебом	61
В ночи бездонной	62
Прячется лето.	63
В небо упаду...	64
И час придёт...	65
Слово	66
Заветное.	68

ТЕЧЁТ РЕКА ВОСПОМИНАНИЙ..

Семь белых птиц...	70
«...И мальчик рыб кормил в пруду...»	71
Пианино	72
Ностальгия	73
Годы детские	74

У ажурной ограды...	75
«Птичка певчая в мороз...»	76
«Я нынче время принимаю...»	77
Моей душе покой неведом...	78
К поэзии	79
Свет благодати.	80
Было – не было...	81
Сын я мамин...	82
Фантазии.	83
Всегда один...	84
Зимние фантазии	85
Письмо в Париж	86
«Бездонна ночь...»	87
Найдётся рыцарь...	88
Грянет гром...	89
«По тропинке, по дорожке...»	90
Карта бита...	92
В Альпах	93
И опять себе...	94
«О, пчёлы! Мудрости пример...»	95
Жизнь моя...	96
«На сосне под небом синим...»	97
«В парке дождь слегка покрал...»	98
Кукушка	99
Утро	100
Весенняя песенка	101
Весеннее	102
«Над селом гроза прошла...»	103
«Дождь сегодня проскакал...»	104
«Разыгрался ветер к вечеру...»	105
«...Я в океане на плоту...»	106
«От печали до печали...»	107
Песенка	108
А мне мало...	109
Кони	110
«Такую ли весну я ждал?..»	111
Всё вернётся...	112
Сергей Камышов	113
Уходит лето...	115
Начало осени	116

У ПОДНОЖИЯ АКРОПОЛЯ (ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ)	
В Коринфе	118
В Лутраки	119
Чудотворец	120
Горлица	122
Солнце утром тихо всплыло	124
Песнь гречанки	125
У моря	126
У подножия Акрополя...	127
Фантазии	128

СТАРАЯ РУССА

Видение	130
В Старой Руссе	131
У фонтана...	132
Песенка	133
Курортные побасенки	134
«Потоки света с неба льются...»	136

ЦВЕТЁТ РАЗНОТРАВЬЕ В СТЕПИ... (ИЗ МОНГОЛЬСКОЙ ТЕТРАДИ)

Гоби	138
Моринхуур	139
Песня степи	141
Поёт великий человек...	142
Братик	143
Степная лошадь	144
И может быть...	145
Эх, мечты, мои мечты...	146
Белый олень	147
Верблюд	148
Люди и волки	149
Охотница	150
Беркут	151
Зов крови	152

А ЖИЗНЬ ПОЛНА СУМЯТИЦЫ...

«Сниму штиблеты с головы...»	154
О шляпе	156
На рыбалку	157

Сыграй вороне на гармони...	158
Сумасшедший август	159
Песня разбойника	160
Истина в вине...	162
О поэте	163
Голос был...	165
Ворон	166
Искреннее...	167
О пользе чая	168
Кураж	169
Отрадная жизнь...	170
Откровение женщины	171
«Бричку новую купил...»	172
Наудачу	173
Шиворот-навыворот	174
С бодуна	175
Разгуляй	176
Баллада о сырниках	177
А за селом, на выселках...	178
Впервой...	179
«...И каждый день в соседней роще...»	180
О друге	181
Гошенька	183
На Арбате	184

ОПАСАЮСЬ СПУГНУТЬ ТИШИНУ...

«Морской простор до дна заполнен...»	186
Предвкушенье	187
«Сидим с тобою у костра...»	188
Мы так не виделись давно...	189
Был голос твой...	190
Ах, что за прелесть осень эта!	191
«Тишина, тишина, тишина...»	192
Славная, хорошая...	193
«А в моём саду...»	194
«В солнечных лучах...»	195
«Была любовь, любовь была...»	196
Мой ангел	197
«В свете тихом, в свете чистом...»	198
Всё теперь могу...	199
Мы вдвоём...	200

На вёслах...	201
Печальная	202
Люблю	203
Было...	204
Домик, гномик, ты и я...	205
После грозы	207
Сердце помнит...	208
«...И было весело и грустно...»	209
Фото из альбома	210
Письмо на север	211
«Зима, зима... Снега, снега...»	212
Слепой дождь	213
Вишня	214
Сказочка	215
Любил ли я...	216
Признание	217
Две ночи	218
«В багрянце были облака...»	219
Друг сердечный	220
В камышовом шалаше...	221
Лето моё...	222
«На юге далёком и жарком...»	223
А мне нужна она такая...	224
«Раньше мир казался проще...»	225
«Тишина такая ночью...»	226
Чужая женщина	227
В чужом городе	228
Зимние мелодии	229
У изголовья, на полу...	231
Осенние птицы...	234
И новые свидания...	235
«Что значит женщину любить?...»	236
Без тебя...	238

РАССКАЗЫ

Предновогодний казус	241
Если упасть в постель...	246
Генералы	253
Золотистый загар...	264
Зайчики под рождество	270
Маленькие истории из большой жизни Краснова	275

Литературно-художественное издание

Александр Иванович Матвеев

ОСЕННИЕ ПТИЦЫ

Стихотворения и рассказы

Выпускающий редактор – *Анна Баранова*

Корректор – *Анна Соломатина*

Компьютерная вёрстка – *Алина Симонова*

Подписано в печать

Формат 84x108/32. Гарнитура «Kundera»

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 10,3. Тираж экз. Заказ №

Издательство «У Никитских ворот»

121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр. 1

тел.: (495) 690-67-19

www.uniki.ru